

Валерий Золотаревский

*Щемлящая
радость
воспоминаний*

Кёльн 2011

Валерий Золотаревский

*Щемлящая радость
воспоминаний*

Кёльн 2011

Автор от всего сердца!

Я очень рад, что мне всё же удалось осуществить задуманное. Эта работа подарила мне больше года напряжённого и радостного труда. На протяжении всего этого времени я ни разу не позволил себе усомниться в осуществимости затеянного. В процессе работы над этим текстом я себя чувствовал то архивариусом, то научным работником, проводящим запутанные исследовательские изыскания, но чаще всего я ощущал себя сыном моих дорогих замечательных и удивительных родителей, перед которыми я так и остался в неоплатном долгу. Я хотел бы выразить свою глубочайшую признательность и благодарность всем тем людям, без которых я не смог бы завершить эту работу, которые с сердечным пониманием откликнулись на мою просьбу о помощи в формировании визуального ряда и прислали такие важные и нужные фотографии. Я бесконечно благодарен всем тем, кто во время работы над этой книгой помогал мне в восстановлении исторической памяти, которой мне по понятным причинам явно не хватало, поскольку описываемые события хотя и происходили с очень близкими мне людьми, но на протяжении целого века. Кроме того, на страницах книги, так или иначе, но всегда с теплотой и симпатией, будут упомянуты более 150 дорогих моему сердцу людей. А теперь я назову имена всех моих добровольных и доброжелательных помощников:

А.Берковский, А.Богданова, О.Богославская, А.Володарская, Л.Дробязко, Б.Киржнер, Ю. Коган, В.Конорев, Н.Менчинская, А.Мизрухин, Ю.Марьямов, Е.Новикова, А.Перельмутер, В.Скоморовский, В.Смирнов, Н.Строева, Н.Фёдорова, Г.Хенкина, Н.Черкасская.

Особая благодарность моей сестре – Ирине Золотаревской и моей жене – Татьяне Золотаревской и моему безотказному приятелю Георгию Пакману.

Моя глубочайшая признательность Ольге Смирновой и Михаилу Пеклину за финансовую поддержку издания этой книжки.

**Моим дорогим родителям –
Маргарите Эммануиловне
и Исааку Яковлевичу
Золотаревским
посвящается!**

**«Те, чьи имена произнесены,
живы».**

Из египетского папируса.

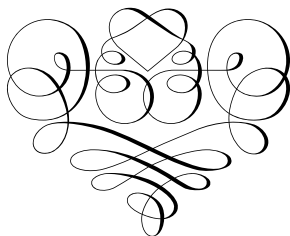
Сегодня воскресенье. Я выхожу из дома, преодолевая старческую малоподвижность, а попросту – лень, иду размяться, подышать тёплым осенним воздухом, как говорится, себя показать и на других посмотреть. Но это непросто. Город будто вымер. На улицах лишь изредка попадаются неспешные прохожие, идущие скорей всего в гости. Дворы и дворики не пестрят разноцветной детворой и не оглашаются беспорядочными детскими голосами. «Всё культурненько, всё пристойненько. Исключительная благодать!». Я легко пересекаю отвоёванное городом пространство и попадаю на наше поле, находящееся в десяти минутах ходьбы от дома. Припоминаю сказку Шарля Перро «Кот в сапогах», где на вопрос: «А чьи это поля?», звучало: «Это поля маркиза Карабаса». Вот и я, Карабас местного разлива, оглядевшись окрест и вдохнув упоительные запахи свежескошенного поля, внимаю волшебным звукам дроздов, словно исполняющим на флейте-пикколо свою грустную песню. Лишь изредка их трели прерываются пугающим гортанным треском пасущегося воронья. У меня действительно ощущение, что это всё принадлежит мне. И манящее поле, и нежное осеннее солнце, и неправдоподобная синева неба, и плывущие по нему озарённые солнечными лучами опаловые облака, постоянно меняющиеся, как в калейдоскопе, свой перламутровый рисунок. Я стою и заморожено смотрю на них. Мне кажется, что это живые существа, давно ушедшие от нас, но такие близкие и волнующие душу. Эта вереница проплывающих облаков необъяснимо вызывает череду самых разнообразных воспоминаний, превращающихся в лоскутное одеяло жизни. Воспоминания беспорядочно проносятся в голове, оживляя в памяти такие дорогие моему сердцу образы...

Мне уже давно не давала покоя потребность, тесно переплетенная с ощущением чувства долга, попытаться изложить на бумаге всё, что я помню сам и те сведения, которые мне удастся собрать о родителях и их ближайшем окружении. Я думаю, что, в какой-то мере, это были «последние из могикан». Разумеется, это были живые люди со своими достоинствами и недостатками, на долю которых

выпали революции и войны, голод и лишения, но самое ужасное – тяжкие годы унижений и растаптывания человеческой личности. И всё же они оставались интересными, благородными, порядочными, образованными и душевными людьми. О них и пойдёт дальше речь. А ещё я не смог примириться с тем, что у нас в подвале в архивном чемоданчике схоронены шуточные замечательные папины стихи, написанные по поводу и без повода самым близким ему людям. Я перечитал весь папин архив, чаще смеясь, а иногда и плача, отобрал, на мой взгляд, лучшее, чтобы дополнить ими образы людей, о которых пойдёт речь дальше. Кроме того, мне кажется, что поэтические вставки несколько оживят монотонность моей дилетантской прозы. Заранее предвижу хаотичность моего повествования, но таково уж свойство памяти. Воспоминания не дают покоя, постоянно возвращая в те далёкие времена, а иногда вдруг приходят в голову, порождаемые самыми неожиданными ассоциациями.

Мне хочется рассказать о моих маме и папе и, конечно, прежде всего, о моих родителях и о ближайших родственниках поколения моих родителей, а также об их друзьях и ближайших сотрудниках. Я попытаюсь рассказать обо всём, что было важной составляющей и фоном их и нашей жизни, что радовало и огорчало, что вызывало слёзы и улыбки, чувства нежности к ним и запоздалой благодарности. Не могу себе простить, что воспринимал так буднично всё происходящее вокруг меня, что не проявлял большего интереса, даже просто любопытства, к их жизни, к их прошлому. При этом я, конечно, понимаю, что то фальшивое, пропитанное страхом, криминальное общество, в котором мы росли и жили, воспитывало «Иванов, родства не помнящих», живущих по девизу уголовников: «Меньше знаешь – лучше спишь». Люди боялись заглянуть в своё прошлое, да и родители, не имея пролетарского происхождения, очевидно, оберегали нас от излишних подробностей происхождения нашей семьи. Но это понимание не приносит облегчения, зато заставляет шевелить мозгами и браться за перо.

*Бабушка и дедушка
по папиной линии*

*Любовь Борисовна
Львуз*

*Яков Мойсеевич
Золотаревский*

Дедушка – Золотаревский Яков Мойсеевич и бабушка – Львов Любовь Борисовна жили в Черкассах на улице Крещатик 64, переименованной в годы советской власти в улицу Урицкого – в честь славного комкора времён Гражданской войны. Урицкого, несмотря на все его заслуги, в 1937 году «ничтоже сумняшеся» расстреляли, как-то ли немецкого, то ли английского шпиона (тогда это было не суть важно), и улице вернули прежнее название Крещатик. Бабушка в молодости была очень хороша собой и заслуженно брала призы на балах. Забавно, что адрес бабушки и дедушки сохранился по дурашливому письму папиного друга – Юлия Бера, на котором вместо адреса он написал:

*Улица Урицкого шестьдесят четыре,
Господину Ицхаку ув своей квартире.*

Черкассы начала XX века

Так эта улица выглядела в начале XX века, когда в семье родились сыновья: сначала – Александр (Шура) в 1904 году, а затем – в 1906 году Исаак (Изя) – мой папа.

Население города Черкассы, бывшего казачьего поселения, в те годы насчитывало около 40 тысяч человек (сегодня – 300 тысяч). Город, расположенный на живописных берегах Днепра, имел строгую планировку и был застроен, главным образом, одно- и двухэтажными деревянными и каменными домами. Я смотрю на фотографии и живо представляю себе неторопливую жизнь украинской провинции. На этой улице находилось

фотоателъе моих дедушки и бабушки, по этой улице бегали мои папа и дядя. Здесь по соседству жили местный провизор Я.Александров и его сын - папин друг Виля, семейства Лурье (друг Женя) и Шмуклеров (друг Яша), тёплые дружеские отношения, с которыми сохранились на всю жизнь. Друзья детства. Но к ним мы вернёмся позднее.

Дедушка и бабушка смолоду овладели модной тогда профессией фотографа. Фотостудия Львув - Золотаревского пользовалась в городе большой популярностью, да и сохранившиеся снимки говорят о высоком мастерстве и хорошем вкусе фотографов. Папа рассказывал, что однажды Николай II, едучи в Европу, сделал остановку в Черкассах и зашёл сфотографироваться. Дедушка, разумеется, очень переволновался, но, как видно, всё сложилось удачно, потому что его щедро поблагодарили. С тех пор фотография Императора в качестве наилучшей пиар-акции была повешена прямо напротив входа в студию. Клиенты же получали свои фотографии на роскошном паспарту с изысканными виньетками и персональным гербом, в центре которого красовался горделивый вензель «ЛЗ», увенчанный царской короной, что видно на этих двух сохранившихся фотографиях.

Черкассы. Дяде Шуре два года

Черкассы. Паве 5 лет

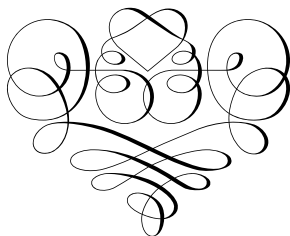
Правда, справедливости ради, нужно сказать, что с приходом советской власти вся эта геральдика постепенно «страха ради иудейска» покидала паспорту вплоть до полного исчезновения. Кстати, об этом самом страхе семейные воспоминания хранят страшный, но одновременно и забавный эпизод. После революции власть на Украине, особенно в провинциальных городах, часто переходила из рук в руки. От красных к белым, от белых к красным, а иногда и к зелёным. Причём это не фигура речи, а исторический факт. В те времена Украину, как сейчас говорят, деривали под прикрытием звонких революционных лозунгов всевозможные банды. В частности, в Черкассы ворвалась банда атамана Зелёного (Данило Терпило) и перво-наперво занялась любимым делом бандитов всех мастей – устроили еврейский погром. Последствия были ужасающими. Во двор

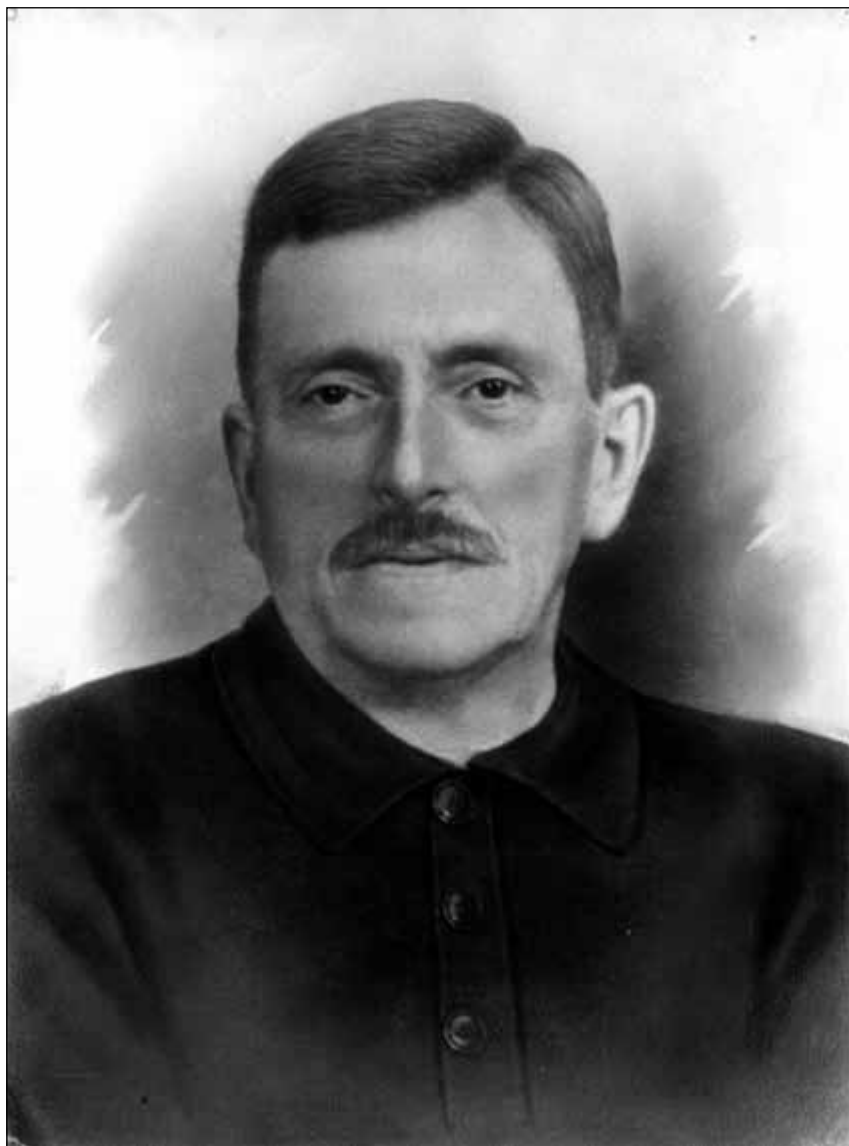
к бабушке и дедушке тоже однажды ворвались два всадника, круша и истребляя на ходу всё, что под руку попадалось. Дедушка выскочил в одном нижнем белье на веранду, над которой висела вывеска «Фотография Золотаревского», и на вопрос: «Ты кто такой? Жид?» (ведь фамилия была не явно еврейской), очевидно, от страха простодушно ответил: «Нет, я фотограф». Бандиты развернулись и поскакали дальше вершить своё кровавое дело. Возможно, эта нелепость спасла жизнь всей семье. К сожалению, о черкасском периоде это всё, что я знаю. Дедушка, Золотаревский Яков Мойсеевич, умер сравнительно молодым в 1934 году от проблем с сердцем, а бабушка Люба, оставалась в Черкассах. После смерти дедушки она перестала заниматься фотографией и освоила совершенно новую для себя профессию. Она стала дамской портнихой в узкой области – дамское бельё, а точнее бюстгальтеры и пояса из дамасской ткани. Дело это оказалось достаточно прибыльным и только, когда началась война, бабушка Люба выехала из Черкасс и присоединилась к нам уже в Харькове, откуда мы все вместе: две бабушки, дедушка, папа с мамой, Ира и я отправились в эвакуацию. В те годы моё детское обаяние было грозным оружием, и я очень быстро завоевал сердце бабушки Любы, став её любимцем. Бабушка Лиза и дедушка вынуждены были сдать позиции и отойти на второй план. Чтобы понять силу любви ко мне бабушки Любы, расскажу короткую историю. Было это в 1945 году. Киев только начал подниматься из руин. На разборке каменных завалов работали военнопленные немцы. Меня шестилетнего шкетя родители по дороге на работу отводили в детский садик, который находился в квартале от нашего дома. Ира убежала в школу, а дома оставалась бабушка Люба, которая уже больше года почти не поднималась с постели из-за мучавшей её трофической язвы. Она лежала у окна, и весь её мир до прихода семьи домой состоял из звуков, доносившихся со двора. Этот день ничем не отличался от прочих. В детском садике вяло протекала обычная общественная жизнь. Выпускная группа, так называемая «нулёвка», возилась с кучей искалеченных бомбёжкой каких-то вещей внизу у разбираемого военнопленными дома,

а мы – пацаны из младшей группы с завистью наблюдали сверху за их поисковыми работами, сидя на заборе. В «нулёвке» заводилами были близнецы – братья Немеровские. Неожиданно один из них радостно завопил: «Смотрите, я нашёл классную зажигалку!». Остальные немедленно сгруппировались вокруг него. Нашей зависти не было предела. Вдруг раздался чудовищный взрыв. Меня снесло взрывной волной с забора, и я оказался рядом с местом трагедии. Братья Немеровские погибли сразу, Виталька Лундышев лежал на земле с распоротым животом, из которого вывалилась пульсирующая масса, рядом лежал окровавленный Саша Чалый, а чуть поодаль страшно кричал Марик Каплун, из которого впоследствии извлекли 24 осколка. Очень быстро, ещё до приезда скорой помощи, с носилками и медицинскими пакетами появились курсанты (по кличке «вентиляторь») находящегося рядом в проходном дворе училища ВВС. «Скорая помощь» увезла погибших и тяжелораненых, а с остальными продолжали заниматься курсанты и перепуганный персонал садика. Тут я увидел с трудом ковыляющую бабушку Любу, которая, всхлипывая, добралась до меня и, убедившись в моей целости и сохранности, потащила меня домой. С моей и посторонней помощью она едва добралась до своей постели. Оказалось, что во двор прибежала соседка с криком: «В детском саду на Владимирской разорвалась бомба!». Бабушку той же взрывной волной, что называется, сдуло с кровати, и вскоре она уже была возле меня... Хорошая ты моя! А ведь я тебя едва помню... Через два дня в садик приехали люди в штатском и показали нам образцы всего того, что могло взорваться в наших любознательных ручонках. Они рассказали, что у ребят в руках взорвалась лимонка – осколочная граната с радиусом поражения в 30 метров, дающая до 300 осколков. Кроме того, они сказали, что скорей всего гранату нам подбросили работающие на против немцы. И хотя это было явно вопреки здравому смыслу, но образ врага был ещё очень жив, а потому эта идея нашла живой отклик в наших неокрепших умах.

Бабушка Люба, Львов Любовь Борисовна, умерла в 1947 году.

***Бабушка и дедушка
по маминной линии***

Эммануил Евсеевич Жарковский

*Елизавета Яковлевна
Жарковская (Марьямова)*

Дедушка – Эммануил Евсеевич Жарковский и бабушка – Елизавета Яковлевна Жарковская, урождённая Марьямова, жили в Киеве на Прорезной улице в доме №30 угол улицы Владимирской №39. Это был, так называемый, доходный дом госпожи Брискиной. В нём семья снимала четырёхкомнатную квартиру на третьем этаже флигеля во дворе. Двор же представлял собой замкнутую коробку, состоящую из двух семиэтажных домов, выходящих на улицы Прорезную и Владимирскую; и двух четырёхэтажных флигелей, выходящих окнами во двор. Посреди двора находился действующий ещё в те годы фонтан, а над ним возвышался огромный каштан с аккуратно расчерченными в линейку листьями цвета тёмного изумруда. Весной он выбрасывал свои бело-розовые свечи, горящие пастелевым огнём на клочке ультрамаринового холста киевского неба.

Улица Прорезная в начале XX века

В конце двадцатых годов Жарковские попали под так называемое уплотнение. В их квартиру вселили семью сотрудника НКВД Мединского, состоящую из трёх человек. Он по-

явился, держа в руках ордер на вселение, завёл дедушку в гостиную, сел за стол, положил на стол «маузер» и жёстко произнёс: «Освобождайте первые две комнаты, там теперь будем жить мы. Даю два дня». Поднялся и ушёл. В 1937 году Мединский был расстрелян, а его жена Клара Марковна все последующие годы была коммунальным кошмаром нашего маленького общежития. В оставшихся двух комнатах, одна из которых была проходной, отгораживаясь от коридора двумя шкафами и занавеской между ними, вынуждена была ютиться семья из шести человек: бабушка и дедушка; двое детей – Женя и Рита; и две тётки (бабушкины сёстры) – Циля Яковлевна и Дора Яковлевна. Бабушка с тётушками вели домашнее хозяйство, а дедушка практически до начала Войны работал старшим бухгалтером в Центральном коммерческом банке. Мама рассказывала, что незадолго до начала Войны очень активизировались подразделения местной противовоздушной обороны (МПВО). Раздавались душераздирающие звуки сирены учебной воздушной тревоги, по подъездам носились активисты МПВО, загоняя жителей в приспособленные под бомбоубежища подвалы домов. Такие учебные игры-прятки повторялись довольно часто. Однажды вся семья собралась идти в цирк. В квартире обычная подготовительная суэта. Женщины выбирают лучшие платья, а мужчины гладят белые чесучовые брюки и наводят марафет зубным порошком на парусиновые туфли. Вдруг раздаётся привычный вой сирены, но дедушка решает, что один раз можно и пропустить учебную тревогу. В квартиру ворвались очередные активисты МПВО с криком: «Быстро всем вниз! Началась война...». Да, это было 22 июня 1941 года. В июле 1941 года семья эвакуировалась из Киева вместе с папиным предприятием, а тётя Циля и тётя Дора не захотели уезжать (так, по крайней мере, говорили нам родители). Они погибли в Бабьем Яру в сентябре 1941 года.

Бабушка, Елизавета Яковлевна, умерла во время эвакуации в Чимкенте в июле 1942 года от сыпного тифа. Дедушка, Эммануил Евсеевич, умер во время эвакуации в Чимкенте в ноябре 1942 года от голодной пеллагры. Они незаметно подкармливали нас с Иррой, буквально отрывая от себя жалкие

крохи, которые доставались всем в те страшные годы.

Хотелось бы ещё вспомнить некоторых моих родных, принадлежавших к этому давно ушедшему поколению. Зимой 1959 года, будучи в Москве, я познакомился со своим двоюродным дедушкой – Аркашей при весьма неожиданных обстоятельствах. Жарковский Аркадий Евсеевич – мамин дядя, в прошлом успешный оперный певец, бас-баритон. Он пел в труппах Императорского Мариинского и Одесского оперных театров. В те годы в его исполнении было выпущено более тридцати грампластинок. Тётя Маруся (к сожалению, не знаю отчества) – его жена, весьма экзальтированная, очень худая холерического склада женщина. Впоследствии я имел возможность наблюдать, как дядя Аркаша иногда с некоторой опаской следил за её порою странными реакциями. Итак, я приехал в Москву с твердым, но тайным желанием показаться кому-нибудь из консерваторских преподавателей-вокалистов. К тому времени я уже год занимался в вокальной студии Киевского Дома учёных у Люси Давидовны Гринер, сын которой Григорий Гринер много лет был ведущим солистом Московской оперетты. Люся Давидовна считала, что у меня приличный баритональный бас и натаскивала меня на басовых партиях. Кроме того, благодаря содействию Лии Наумовны Дробязко (друзья моих родителей, о которых речь пойдёт позже), я попал на домашнее прослушивание к их соседке - профессору Киевской консерватории Марии Эдуардовне Донец-Тессеер. Особого восторга не было, но она сказала, что надо учиться. Почему этому наглому молодому человеку понадобилось ещё и прослушивание в Москве, не знаю. Так или иначе, но я, гуляя по Москве, оказался перед знаменитым зданием на Собачьей площадке, где в то время находился музыкально-педагогический Институт им. Гнесиных. Без колебаний я вошёл внутрь (тогда это ещё никак не регламентировалось) и стал искать вокалистов. Это оказалось совсем простым делом. Из одного из классов на первом этаже я услышал знакомые рулады и сел ждать. Вскоре прозвенел звонок, и из класса вырвалась шумная группа студентов. Я вошёл в класс, где оставались молодой преподаватель и весьма

пожилая дама – аккомпаниатор. Обратившись к ним, попросил меня послушать. Последовало несколько вопросов и моих маловразумительных ответов и, наконец: «Что будете петь?». Я же, гонимый отважной незрелостью, ответил: «Могу спеть арию Ивана Сусанина». Они переглянулись, но прозвучали первые аккорды, и я запел... «О поле, поле, кто тебя усеял мёртвыми костями?» Терпение моих слушателей закончилось довольно быстро. Я услышал: «Спасибо! Спасибо! А не могли бы вы спеть что-нибудь попроще. Вы же приехали из Киева, ну, что-нибудь украинское». «Могу спеть «Взяв бы я бандуру». Я запел. На сей раз мне удалось допеть до конца, но самым неожиданным был приговор. «У вас красивый тембр, я готов с вами работать, приезжайте летом для сдачи экзаменов». Нужно ли говорить, что я мчался к дяде Жене (подробно о нём ниже), не чуя под собой ног, и тут же вывалил всю распирающую меня радость. В ответ – холодный душ. Дядя Женья объяснил мне, что я самонадеянный мальчишка, что прежде я должен был посоветоваться с ним – известным композитором, что, наконец, слава Богу, жив ещё дядя Аркаша, в прошлом оперный певец и, что завтра же он пригласит дядю Аркашу и тётю Марусю и вот тогда-то и наступит момент истины. Ночь не сложилась. Насилу дождался их прихода. За рояль сел дядя Женья и я им пропел, что мог и как смог. Дядя Аркаша только один раз прервал меня, сказав, натужно подбирая слова, что я реву, как бык, и попросил петь потише. Когда я закончил, тётя Маруся бросилась меня целовать, дядя Женья удовлетворённо улыбался, а дядя Аркаша подвёл итог: «Нужно дальше учиться. И я, пока жив, готов помогать!» и попросил передать привет мадам Тессеер. Что я неделю спустя и сделал. Так я познакомился со своим двоюродным дедушкой.

Ещё мне хотелось бы вспомнить мамину двоюродную тётю – Эсфирь Ильиничну Шуб (1894 -1959). Её брат Исаак Ильич Рошаль, всю жизнь проработавший в системе Укркоопсоюза, доживал свой век в Киеве в крохотной комнатухе на улице Большая Житомирская, где едва помещались кровать, шкаф и прикроватная тумбочка. Иногда по воскресным дням он с помощью палочки добирался к нам. Это был

милейший и, несмотря на возраст, красивый человек. Его голове венчала сохранившаяся пепельная шевелюра, а лицо освещалось пронзительными глазами и доброй улыбкой в уголках рта. Изредка прибегал к нему на Житомирскую и я. Так совпало, что перед моей, описанной выше, поездкой в Москву, я был у него и рассказал о предстоящем вояже (это его слово). Он попросил меня зайти к его сестре, рассказать о нём и передать привет, хотя до сих пор между ними контактов практически не было. И это понятно. Он вёл незамысловатую обывательскую жизнь, получая удовольствие от самой жизни, избегая всяческие общественные и, уж тем более, политические коллизии. Она же, как и многие её современницы, была подлинной дочерью революции. Уроженка Черниговской губернии, Эсфирь Ильинична Шуб (Рошаль) происходила из местечковой еврейской семьи и, конечно,

*Эсфирь
Ильинична
Шуб*

испытав все тяготы подобного положения, примкнула к революционной молодёжи. Последовали годы учёбы, напряжённой работы и самообразования. Она успешно работала на московских киностудиях, как кинорежиссёр, сценарист, киномонтажёр и киновед.

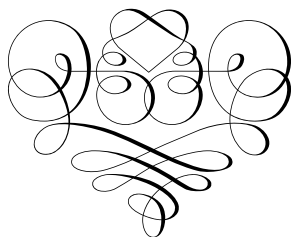
В 1935 году ей было присуждено звание заслуженной артистки России. Эсфирь Ильинична Шуб являлась основоположницей художественного монтажа в документальном кино. С 1919 по 1921 она работала личным секретарем Всеволода Мейерхольда. А с 1922 года её жизнь была посвящена только документальному кино. Эсфирь Ильинична была дружна с такими корифеями, как Сергей Эйзенштейн, Пётр Павленко, Александр Довженко, Всеволод Пудовкин и Александр Фадеев.

Последние годы жизни она работала над книгой «Крупным планом», на страницах которой очень живо предстала вся её жизнь. Взяв у Исаака Ильича её адрес и, понимая, что он, будто чувствуя свой и её близкий предстоящий уход, искал примирения, я клятвенно пообещал разыскать её. Она жила в центре Москвы, к сожалению, не могу вспомнить название улицы, в двух комнатах коммунальной

квартиры в мансарде многоэтажного дома.

В то время Эсфирь Ильинична тяжело болела и, как я понял, уже давно не вставала с постели. Она мне явно обрадовалась и очень удивилась, что я так вымахал. Предыдущий раз она меня видела в 1949 году. Привет от брата приняла сдержанно, но чуть позднее разговорилась, вспоминала их детство и, в конце концов, написала ему довольно тёплую записку. Я остался доволен результатом своей миссии. А Эсфирь Ильинична ушла из жизни в сентябре 1959 года.

*Исаак Яковлевич
Золотаревский*

Мой папа, Исаак Яковлевич Золотаревский, родился 4 апреля 1906 года в городе Черкассы. Относительно беззаботное детство в обстановке душевного и материального комфорта проходило в семье провинциального фотографа. Безобразничал в пределах, допустимых для приличного еврейского мальчика.

На этой фотографии видны незаурядные задатки проказника-затейника.

Черкассы. Папе 5 лет

О папиных школьных годах практически никаких сведений нет. Знаю только, что занятия в школе сопровождались многосторонним и глубоким самообразованием. А в 1923 году папа экстерном сдаёт экзамены на аттестат зрелости и уже в 1924 году покидает отчий дом и уезжает в Киев, где поступает в Киевский электротехнический техникум, который в 1926 году становится факультетом Киевского Политехнического института. Одновременно из Черкасс в большую жизнь вырываются старший папин брат Шура и друзья детства Виля Александров и Женя Лурье, с которыми сохранились на всю жизнь тёплые и дружеские отношения. Но о них я ещё буду рассказывать. Молодым людям стали тесны рамки провинциального городка. Ни Шура, ни Изя не связывали своё будущее со специальностью родителей и вообще с Черкассами. Они решили покинуть родовое гнездо, чтобы продолжить образование в большом городе.

*Бабушка, папа, дядя Шура и дедушка, 1924 год.
Птенцы перед вылетом из гнезда*

В Киеве папа довольно быстро оказывается в рядах молодёжной компании «Чипыстан», что расшифровывалось, как чижый-пыжий стан. Происхождение этого названия туманно, потому что чижиками-пыжиками называли студентов Императорского училища правоведения за их внешний вид. Они носили мундиры зелёного цвета с жёлтыми петлицами и обшлагами и пыжиковые шапки. Полагаю всё же, что этимологию происхождения названия молодёжной компании разоблачает лишь их юный возраст. Там он познакомился с мамой.

До чего причудливы, бывают, траектории человеческих судеб! Казалось бы, чем более несхожи линии детства, чем более замысловаты пути молодости, тем меньше вероятности их пересечения. Однако в жизни всё оказывается проще. Молодой и красивый юноша приезжает «в надежде славы и добра» в столичный город, где по воле случая знакомится с очаровательной 16-летней девушкой Маргаритой, которую привёл на молодёжную вечеринку её старший брат Евгений Жарковский. Для них это знакомство оказалось судьбоносным. Они остались друг с другом на всю жизнь. Как происходит это чудо? И где эта кухня, на которой творятся людские судьбы? Увы, загадка...

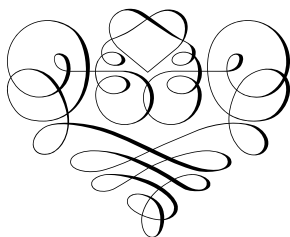
Молодые люди и девушки устраивали вечера встреч, где жаркие литературные диспуты и музыкальные вечера сопровождалась весёлыми постановками парад и выпуском юмористических стенных газет. Заканчивались такие встречи скромным фуршетом под голодные выкрики: «Кончайте разговоры о чистом искусстве! Дайте жрать!». Это были яркие креативные личности, состоявшиеся как блестящие инженеры и видные деятели искусства и культуры, что показало недалёкое будущее. Но к этим новым папиным друзьям и подружкам мы ещё вернёмся.

В 1929 году папа вместе с дипломом инженера-электрика получил назначение на Челябинскую гидроэлектростанцию. Незадолго до отъезда в Челябинск Рита и Иза стали мужем и женой. Тогда-то идущие врозь до этого момента линии их судеб пересеклись и окончательно слились в одну яркую линию. Это произошло 6 ноября 1929 года.

«Чипыстан» встретил ожидаемое событие бурным ликованием и весёлыми торжествами. Приехав в Челябинск, молодая пара начала осваивать азы семейной жизни. Папа получил должность энергетика на станции и работал с утра до вечера. Мама практически впервые самостоятельно попала на кухню, что первое время приводило к комическим случаям. Семейные легенды сохранили историю о том, как мама, желая сделать сюрприз любимому супругу, впервые приготовила курицу. Она твёрдо знала, что курицу перед готовкой нужно ощипать. Ведь всем известна поговорка: «Попасть как кур в очки», да и ясно помнилась розовато-янтарная тушка птицы в бабушкиных руках и шевелящийся ворох куриных перьев в мусорном ведре. После ощипа вслед за луком и петрушкой в кипящую воду отправилась нераспотрошённая курица. Последствия, мне кажется, несложно представить. По счастью в соседней комнате жила, как родителям тогда казалось, очень пожилая пара. Это были милые люди не старше пятидесяти лет, которые, отсидев уже в лагерях незначительный срок, отбывали здесь принудительное поселение. Они взяли над молодожёнами очень доброжелательное шефство. Маму учили элементам кулинарии, навыкам уборки закреплённой жилплощади и, как это не покажется странным, банальной мойке посуды. До этих пор грязная посуда горой возвышалась на кухонном столике, а, чтобы кушать и пить из чистых тарелок и чашек, всё время подкупались новые. Челябинский период длился около двух лет. К концу 1931 родители вернулись в Киев.

Я так увлёкся повествованием, что не заметил нарушения задуманной мною схемы изложения. Я полагал, что мне удастся сделать главу о папе и отдельно, о маме. Но их жизни, начиная с 1929 года, так тесно переплелись, что придётся продолжать до конца плести эту пышную косу. Но прежде коротко расскажу, что знаю, о маминой юности до встречи с папой.

*Маргарита Эммануиловна
Жарковская*

Моя мама, Маргарита Эммануиловна Жарковская, родилась 18 сентября 1909 года в Киеве в семье банковского служащего. Её брат Женья был на четыре года старше. Свои взаимные любовь и уважение друг к другу они пронесли через всю жизнь. Их отношения не ослабевали, невзирая на годы разлуки и разделяющие их жизни расстояния. Мамина мама, Елизавета Яковлевна, занималась воспитанием детей, вкладывая в них главные житейские и божеские правила и законы. Особое внимание в семье уделялось духовному воспитанию. Мама осваивала школьные премудрости в ближайшей от дома школе, поскольку еврейским детям путь в гимназию был практически закрыт квотой в 5%. Женья, студент Киевской консерватории, в те годы усердно занимался музыкой, которая впоследствии стала его профессией, а свободное время развлекался с друзьями и подружками. Он стал полноправным членом «Чипыстана», куда в один прекрасный вечер 1925 года и привёл свою младшую сестрёнку.

После окончания школы мама поступила в Первое Киевское высшее коммерческое училище, которое располагалось на улице Бульварно-Кудрявской, дом 24, переименованной впоследствии в улицу Воровского.

Лирическое преступление

В последний раз, клянусь, в последний
Касаюсь трепетной рукой
Листа бумаги. Лишь намедни
Я безмятежный знал покой.

Питался, грыз гранит науки,
Хвалил турецкого пашу.
Сейчас заламываю руки
Томлюсь, вздыхаю, но пишу.

Судьба поэта – бред сердечный.
Творить и помнить наизусть.
Увы, чахотки скоротечной,
Как и любви я не дождусь.

Я добрым не был – это с детства.
Злобив и сух мой каждый спич.
Литературного кокетства
Не смог я с юности постичь.

Наказан нынче я за это
Когда читаю, вижу сам,
Вокруг тяжёлые предметы
Зловеще ходят по рукам.

Вот и сейчас вы все довольны,
Что я острою, что я не хмур.
И всяк из вас уже невольно
Готовит в пику каламбур.

Но только дерзкими речами
Любого я коснусь едва,
Слова заменятся вещами,
А вещи – это не слова

Увы, дороги к отступленью
Не сыщешь даже с фонарём.
Лирическое преступленье
Я совершил и каюсь в нём.

Так, напролом, язык пиита
Не знает мелочных преград.
Одной тебе, подруга Рита,
Я в этой обстановке рад.

Но чем темней, чем несуразней
Суровость лиц, согбенность спин,
Тем ярче день, тем ярче праздник
Твоих весёлых именин.

Оснадцать лет, прости Державин,
Что я твой стиль опять введу,
Меня столетия держали
У этих слов на поводу.

И ныне в пику Пастернаку
И Маяковскому в ружьё
В своих стихах иду под знаком
Славянских «аз», еврейских «ё».

Осьмнадцать лет, как наводнение,
Как эпидемия, как грипп.
Растёт на смену поколение.
«Гевалт гешриен», я охрип.

Охрип. Но разве этим кончу,
Прервав постыдно дрожь пера,
Даешь, братва, кричите громче
В честь именинницы – УРА!!!

Она растёт, ребята, полно
Вы поздно песню завели.
Уже сейсмические волны
Сыграли марш из-под земли.

Ай-Петри, седовласый скептик
Кичливо голову вздымал,
Когда на Ялтинском проспекте
Качались сонные дома.

Помимо нас в ту ночь, поверьте,
Нагнав на Киев дрожь и страх,
Подземные лихие черти
Качали Риту на руках.

Поэт смирись, твой голос тонок.
Последний тост – всему венец.
Итак: «Да здравствует ребёнок,
Который вырос, наконец!!!»

18 сентября 1927 года

В 1929 году, будучи на последнем курсе, мама была вынуждена прервать учёбу (ей оставалась только дипломная работа) в связи с отъездом в Челябинск, где они жили и работали, как я уже писал, почти два года. Итак, в декабре 1931 года они вернулись в Киев.

Вот какие красивые люди! Просто не оторвать глаз! Непонятно, в кого мы пошли... Правда, многие считают, что Ира похожа на маму, а я на папу и частично на дядю Женю (возможно, ростом и рыжизной)

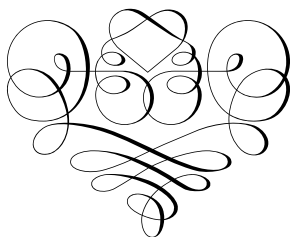

*Исаак Яковлевич
Золотаревский*

*Мargarита Эммануиловна
Золотаревская (Жарковская)*

***Родители
и их окружение
после 1931 года***

Вся семья вновь собиралась вместе на Прорезной. С той лишь разницей, что теперь в большей комнате живут бабушка, дедушка и две тётушки, а в маленькой мама с папой, которые, как вскоре выяснилось, ожидают прибавления семейства в виде, как потом оказалось, Иры, плюс раскладушка посреди комнаты, на которой ночует довольно часто появляющийся из Ленинграда дядя Женья. Не говоря уже о том, что в соседних комнатах живёт стержовная коммунальная соседка Мединская, с которой приходилось почти всегда конфликтно делить места общего пользования. Но родители были молоды, и щенячья радость жизни заслоняла все негативные её составляющие. Папу направили в организацию «Укрособэлектромонтаж», которая в скором времени была подчинена Наркомату электростанций СССР, где он и проработал до 1937 года. А мама под надзором своих родителей беспечно вынашивала свою первую беременность, относительно легко с этим справляясь, и 7 августа 1932 года благополучно разрешилась от бремени, выпустив в свет божий мою дорогую сестру. Вскоре дитя осталось под неусыпным вниманием бабушки и домработницы, а мама, имея неоконченное высшее образование, вышла на работу экономистом в учреждение, название которого установить не удалось. Эта контора находилась между Евбазом и железнодорожным вокзалом в Коммерческом переулке. Шли годы, работа перемежалась тёплыми и весёлыми чипыстановскими встречами. Здесь, пожалуй, будет уместно назвать всех поимённо, хотя о каждом из них я коротко расскажу дальше. И в этом мне очень помогут папины стихи (его хобби с детства), посвящённые каждому из них и характеризующие их с добрым юмором, а порой и с дружеским, но довольно едким сарказмом. Вот их имена: Тодик Алей, Юля Бер, Саша Бернштейн, Любочка Горкина, Женья Жарковский, Марочка Каган, Люся Каплер, Сейка Коган, Алла Лещинская, Митя Урин, Ларя Френкель, Изя Цесин, Мифа Шварцман, Гильда Шмуклер и Яша Шмуклер. Справедливо ради нужно обратить внимание пытливого читателя, что национальная принадлежность всех вышеназванных

вряд ли вызывает сомнения. Здесь, пожалуй, будет уместно привести папины стихи, в которых он, так или иначе, коснулся всех «чипыстановцев».

**Гильде Шмуклер
в связи с её поступлением
в Киевский институт народного
хозяйства**

Шесть часов, вечерний сумрак,
За окном закатец рыхлый.
Было бы благоразумно
Пообедать и подрыхнуть.

На приветливой постели,
Завернувшись в одеяло,
Ощутить в усталом теле
Завершение идеала.

Нет, судьба поэта - это
Хуже, чем землетрясенье.
От назойливых куплетов,
Как от Бера, нет спасенья.

Но мучительная пытка
Дуть стихи одним размером -
Ноль в сравнении с попыткой
Убежать от Юли Бера.

За тобою вёрсты, мили
Он пройдёт от края к краю.
От одной его фамилии
Я, ребята, помираю.

Много видел я трагедий,
Юля - трагик настоящий.
Где, в какой стране медведи
Лезут только на курящих?!

Полно, я увлёкся слишком -
Разбазарил дарованье.
Незначительным делишкам
Уделил своё вниманье.

Цель высокую творенья,
Как Жарковский на ходулях,
Я в своём воображеньи
До развязки доведу ли.

Нынче мне высокий стиль дан,
Вряд ли здесь его оценят,
Но тебя, родная Гильда,
Воспою в финальной сцене.

Дам полезные советы
С кем дружить, вести знакомство...
Гениальному поэту
Незнакомо вероломство.

Добираясь до финала,
Обещанья не нарушу.
Потерпи, как терпит Алла
Дефективного Митюшу.

Каждый день бумаги кипу
Ест в «Вечёрке» он нахмурясь.
Ничего, придёт Йом Кипур
Будет Урину «капурес».

Он ещё писатель, кстати,
Дарованья не жалеет.
И какой большой писатель!
Больше Тодика Алея.

Раньше Урин рвался к бою
А теперь уж всё погибло...
К берегам его «Прибоем»
Не прибило, а пришибло.

В назиданье поколенью
Пишет повесть о халтуре.
Будем, братцы, жить, как Ленин,
А не так, как Митя Урин.

Рифма стой! Не слишком грубо.
Стройтесь мысли по порядку...
Яшка Шмуклер и Трегубов
равноценные ребятки...

Но не словом, а на деле
доказать я это призван.
Вам, конечно, надоели
Кабаки и афоризмы...

Как же иначе отметить
сей союз - судите сами...
Вместе им дано на свете
быть в шарадах холуями.

Ах, Трегубов, трубадуром
Вас хотел бы лицезреть я!
У него губа не дура,
но она, к несчастью, третья...

Яшка Шмуклер - мрачный скептик
Зрел, как дыня на баштане.
Без пяти минут электрик,
И навеки голоштанник.

Мысль высокую лелея,
Я бы внёс ещё ремарку,
Но в присутствии Алея
Мой талант идёт насмарку.

С видом бешеного мавра
Будет сыпать он тирады
Про любовь ихтиозавров,
Про массонские обряды.

Он не ведает злословья,
А в груди его с укором
усыплённое Любовью
Дремлет яблоко раз...Дора!

Милый Тодя, честь студента
Не уронишь... Ты - всезнайка!
В ожиданьи оппонента
По тебе скучает... Райхер.

Ведь живём мы не в Антанте,
В СССР, в стране рабочих.
Потому я так талантлив,
Сексуален и находчив.

Если б Пушкин (жаль поэта)
Знал мои памфлеты даже,
Он не пулей бы - памфлетом
зарядил стволы Лепажа¹.

Иностранного повесу
Тем памфлетом разорвало б.
И не стало бы Дантеса,
Как и Пушкина не стало.

Но судьба легко и тонко
Всех дарит особой меткой.
Вот и Марочка девчонка
Родилась на свет кокеткой.

И несёт свою повинность,
До всего успев коснуться.
Но она, прости невинность,
Любит Саньку-душегубца.

Тяжело мне, очень тяжко.
Смесь коварства с детской лаской.
Я бы выпорол подтяжкой
Ловеласа с Святославской.

Изик Цесин, как здоровье,
Как делишки в институте?
Дорогой Исаак Петрович,
Ты, как витязь на распутьи.

Ах, молва тебя погубит.
Не люблю досужих песен...
Говорят Шопен и Шуберт -
Это всё равно, что - Цесин.

Не поддамся на приманку,
Не повешу нос на квинту.
На лице твоём осанка
Пожилого вундеркинда.

Там, где небо бирюзою,
Где вздыхают кипарисы,
Горькой цесинской слезою
Плач Израиля написан.

Эпитафию заранее
Приготовь себе с печалью,
Чтоб её на барабанах
Допризывники играли!

Все мы здесь не лыком шиты,
Только Френкель вышит лыком,
Но зато уж наша Рита
Не собьётся с панталыку.

Что за память! Твёрже кремня.
Помнит речи, встречи, лица.
Даже ей самой на время
Нет возможности забыться.

Вот и Любочка, чуть было
Не забыл её затей,
Все экранные светила
Погускнули перед нею.

За неё погибнуть любо!
Впредь, среди бешеных овец
На экране только Люба
Гордо будет красоваться!

Я устал, покоя жажду.
Всё смешалось: кони, люди...
Но святое имя дважды
Повторять язык мой будет.

Гильда, Гильда, нет покоя...
Плохо с рифмами моими...
Кто же дал тебе такое
Заковыристое имя?

По-немецки есть «дас бильде»,
По французски «ле табле» есть...
Рифма дивная на Гильда
И не скверная люэс.

Ты, могу сказать по праву,
Королева вечеринки!
Ты затмишь лучами славы
Зданье пасмурное КИНХа.

В этом ВУЗе столько швали!
Ты ж пройдёшь, как дивный странник
По ступенькам, что знавали
Только Тодиков и Санек.

Ты не будешь впредь бесцельно
В ясный день ходить под зонтом.
Занимайся беспредельно,
Расширяя горизонты.

На соцэк пльиви баркасом,
На юрфак пльиви ладьёю,
Может где-нибудь в Черкассах
Станешь важной нарсудьёю.

И меня под знаком дружбы,
Бесконечного студента
Привлечёшь по долгу службы
И присудишь к алиментам.

Киев, 1927 год.

1 - дуэльные пистолеты, которыми
пользовался Пушкин на дуэли с Дантесом.

Перечисляя имена «чипыстановцев» я назвал их так, как они называли себя сами, что так и отпечаталось в моей памяти по рассказам родителей. Они вновь собирались вечерами, звучали стихи и музыка, разыгрывались шарады. Ужасы сталинского правления страной пока обходили их стороной. А впрочем, это было не совсем так. В конце 1936 года арестовали Фёдора Семёновича Алея (Тодика Алея-Шмуклера) талантливого журналиста и милого молодого человека, а уже в марте он судом-тройкой был приговорён к расстрелу. 10 марта 1937 года его расстреляли. Спустя 20 лет он был реабилитирован.

В 1934 году в возрасте 28 лет уходит из жизни от неизлечимой болезни сердца Дмитрий Эрихович Урин. Это был блестяще образованный молодой человек, один из самых ярких «чипыстановцев», заводила и душа компании.

Дмитрий Эрихович Урин

Мифа времён «чипыстана»

В «Чипыстане» Митя познакомился с очаровательной Мифой Шварцман, которая вскоре стала его женой. Яркая внешность, лёгкость характера и весёлый нрав – были её отличительными чертами.

Обладая незаурядным литературным талантом, Дмитрий Урин уже с 18 лет начал публиковаться в периодической прессе, а впоследствии издал несколько небольших сборников рассказов и повестей, писал пьесы и руководил в Киеве литературной студией «Вагранка», в которой папа с ним и познакомился.

Позднее в стихотворении, написанном папой по случаю отъезда Юлия Бера в Ленинград, будут такие строчки:

Мне покой сердечный странен...
Ты печален, я нахмурен.
Вот рыдает на диване
Гениальный Митя Урин.

Несмотря на врождённый порок сердца, Дмитрий Урин был человеком полным жизненной энергии, идей и замыслов. На творчество Дмитрия Урина обратил внимание Исаак Бабель. В 1928 году он пишет в письме к В.П.Полонскому: «Приехал только вчера, и уже сегодня молодой здешний писатель Дмитрий Урин прочитал мне свои рассказы. Мне кажется, что это настоящий писатель, и я просил его, когда он приедет в Москву (а приедет он через три-четыре дня) обратиться к Вам: похоже на то, что надо запомнить эту фамилию. Она может засиять хорошим блеском». В 1930 году папа и Митя встретились в Челябинске, куда Урин, как журналист прибыл на строительство Челябинской гидроэлектростанции. Последние почти два года жизни он был прикован к постели, но продолжал по мере гаснувших сил

*Суламифь Моисеевна
Шварцман-
Урина-Богославская*

писать, встречаться с коллегами и друзьями - «чипыстановцами». Спустя несколько лет после смерти Мити Урина Мифа вторично вышла замуж. В 1943 году у неё родился сын Юра, впоследствии доцент электротехнического факультета КПИ. Весной 1945 года погибает Мифин второй муж – Михаил Богославский. Мифа с матерью и Юрочкой возвращаются из эвакуации в Киев. Она работает актрисой Киевского русского драматического театра.

Живут очень скромно в маленькой комнатухе актёрского дома на улице Пушкин-

ской. Мифа с Юрочкой часто бывают у нас в доме. Его никто иначе, как Юрочка, не называет. Это умненькое прелестное постоянно улыбающееся белобрысое дитя становится всеобщим любимцем. Я, как старший товарищ, какое-то время шефствую над ним. Внезапно в 1957 году после обширного инфаркта умирает Суламифь Моисеевна Шварцман-Урина-Богославская. Юрочка остаётся на попечении бабушки. Друзья Мифы (в том числе и мои родители) помогают им как могут. Наибольший груз опеки приняли на себя Кржепицкие. Но о них подробнее позже. К несчастью, преждевременная смерть наступила в 2010 году и Юрочку - Юрия Михайловича Богославского. Такой жестокий и неумолимый рок витал над этой семьёй.

В 1937 году папу направляют на вновь построенный важнейший объект пятилетки - Новочеркасский паровозостроительный завод в отдел главного энергетика. Станица Новочеркасск строилась по приказу Александра Первого как новая столица Донского казачества на высоком берегу реки Акай – притока Дона. Город возводили на большом плоскогорьи с широкими площадями и радиально расположенными к ним улицами. На центральной площади великолепный Вознесенский кафедральный собор, переживший впоследствии все издевательства большевиков и нашествие фашистов.

В первой половине XIX века город населяло 20 тысяч человек, но уже к началу XX века его население перевалило за 100 тысяч. В городе стала развиваться промышленность. С приходом Советской власти эта тенденция продолжилась и уже в 1936 году начал действовать крупнейший в стране Новочеркасский паровозостроительный завод, директором которого с 1936 по 1938 годы был Максимов Николай Александрович. Он и принимал папу как молодого специалиста, назначив его заместителем Главного энергетика завода. В этом отделе тогда работал ещё один молодой специалист Ян Томашевский, с семьёй которого моих родителей связала многолетняя дружба. Я не знаю, работала ли в Новочеркасске мама, знаю лишь то, что она занималась вокалом и пела в оперной студии дома культуры завода. В их исполнении

были поставлены опера Даргомыжского «Русалка» и опера Держинского «Тихий Дон», в которой мама спела роль Аксиньи. У мамы было очень вкусное меццо-сопрано и ей эта партия по-видимому очень удалась. На премьере «Тихого Дона» присутствовал М.А.Шолохов, от которого спустя короткое время пришло маме письмо со словами признательности и благодарности. Вспоминается ещё один эпизод, рассказанный мамой. Как у всех певиц, даже провинциальных клубов, у мамы появился поклонник, который стал настойчиво добиваться, если не взаимности, то хотя бы внимания. Когда же он понял, что его попытки не будут иметь успеха, он решил отомстить. На очередной спектакль он уселся в первом ряду и, дождавшись начала арии Аксиньи, стал грызть лимон, обливаясь соком и шумно причмокивая. Для певца – это настоящая пытка, потому что рот заполняется слюной и петь становится почти невозможно. Такие вот страсти бушевали в станице.

Главной же заботой мамы была маленькая Ира, которая росла живым и пытливым, малопослушным и упрямым ребёнком. С ней всё время происходило что-то экстраординарное. То на ровном месте она ломает руку, то травится бензином. Это случилось, когда они с няней пошли погулять. Но няня решила заскочить к своему ухажёру и пока они, удалившись, шалили, Ира обнаружила на подоконнике бутылочку, напоминающую такую же, как стоящую дома со сладкой микстурой. Пытливось и жадность сработали безотказно. С сильным ожогом пищевода Иру отвезли в больницу, а няня прибежала к маме со словами: «Бижить скорше. Вона ще жива!». Можно легко себе представить, что пережила тогда мама. К тому времени родители решились на второго ребёнка. Жизнь протекала как у всех. Старались не видеть того, что происходило вокруг, и не думать о том, что эта параноидальная вакханалия могла коснуться провинциального Новочеркасска. Папа приходил с работы, семья обедала, занимались нехитрыми домашними делами, а, когда Ира засыпала, папа выходил с мамой, которая уже была в положении, на прогулку. Однажды, во время прогулки папа рассказал, что несколько дней назад арестовали

Максимова - директора завода, мама очень разволновалась, но папа со свойственной ему рассудительностью сказал, что во всём разберутся (так считали многие), что истина восторжествует и что, уж во всяком случае, это нас не коснётся. В эту ночь арестовали папу.

Как оказалось, понадобилось столько лет, чтобы сюда докатились волны «Процесса Промпартии» или, как его ещё называли, «дело Рамзина». Отголоски этого тщательно спланированного уничтожения ни в чём не повинной технической интеллигенции старого образца добрались и до Новочеркаска. И неважно, что под ту же гребёнку попадали и молодые специалисты, выпускники уже советских ВУЗов. «Лес рубят – щепки летят!». Приехали, как было принято, ночью, ворвались в дом, перерыли всё вверх дном и, не обнаружив ничего предосудительного, увели папу. С шумом захлопнулась дверь «воронка» с надписью «Хлеб». Ира вспоминала, что мама сидела в ночной рубашке на кровати, вцепившись побелевшими пальцами в никелированную спинку. Она не плакала, но её сотрясала дрожь, от которой ходуном ходила вся кровать. И это было очень страшно.

Папе и группе его сотрудников было предъявлено обвинение во вредительстве по заданию иностранной державы. Допросы длились непрерывно всеми дозволенными тогда методами. Я не стану описывать подробности, поскольку это уже многократно рассказывали тысячи и тысячи жертв сталинской паранойи и, так называемой, народной власти. Скажу лишь, что через 16 месяцев домой (слава Богу!) вернулся пожилой, беззубый и седой, как лунь, человек. Это был мой папа. Во время почти полуторогодового следствия папа сознательно давал на себя показания о вредительстве. При этом он подробно описывал придуманные им технические детали. То, что он не молчал, а что-то подписывал, давало некоторое смягчение пыточного конвейера. Этой тактикой ему удалось поделиться со своими поделщиками и они на допросах стали делать тоже самое. Всё это время папа не терял присутствия духа, поддерживал на редких свиданиях маму и даже писал стихи.

Пожалуй я и горевать не стал бы.
И в час разлуки песню б напевал,
Когда б не знал, что этим дружным залпом
Мой стих со мной уложат наповал.
Но вдохновенье взятое в оправу
Всего, что дышит, движется, поёт.
Могу ли я отдать им на расправу,
Как тело обречённое моё!
Оно шумит в стволах стихов проросших
Из крепкой ткани слова-волокна...
А жизнь поэта – мимолётный росчерк
Ночной звезды над прорубью окна!

Новочеркасск, ДПЗ, 1939 год.

Поёт петух. Какая рань.
Как просто курам на смех поднят
Урок заученный вчера
Крикливым голосом сегодня!
Шагать без сна, в который раз,
Сквозь строй догадок и намёков.
Терпенье за год умудрясь
Измерить толщиной подмёток...
Следить в тревоге, как зима
Выводит профиль кровель чёткий.
Всё знать и не сойти с ума,
Петлю набросив на решётку!
И жаром воспалённых гланд,
Едва припав к остывшей кружке,
Шепнуть простуженным углам,
Что с ними я в давнишней дружбе.
Всё пережил, всё испытал,
Узнал внезапно ночью лунной,
Что совесть ходит по пятам
По-прежнему чиста и юна!

Новочеркасск, ДПЗ, 1939 год.

А мама, потеряв всякую надежду на благополучное разрешение этой отчаянной ситуации, написала М.Шолохову слёзную мольбу, памятуя о его тёплом предыдущем письме, с горьким описанием нелепости всего происходящего и с просьбой о помощи. Как ни странно, ответ она получила и довольно быстро, но в нём была лишь вежливая стандартная формулировка, дескать, наши органы строги, но справедливы и, в конечном итоге, во всём разберутся. Шолоховские письма долго хранились родителями, но всё же затерялись во время эвакуационных переездов вместе с другими куда более важными документами. Когда я стал относительно взрослым, и со мной уже можно было говорить на эту тему, папа мне рассказал, что им в какой-то мере повезло. Весной 1939 года был смещён, а затем и арестован Ежов. Наступила короткая передышка в насилии. Судебные «особые тройки» были заменены судами с обычной атрибутикой – линиями обвинения и защиты. Папа от защиты отказался, но попросил проведения технической экспертизы подписанных протоколов допроса. И это оказался в тот момент выигрышный ход. Экспертиза легко разобралась в абсурдности обвинений, и суд вынужден был оправдать всю их группу. Но, как в том старом анекдоте – осадок остался.

За время пребывания в КПЗ в семье произошло, как мне думается, важное событие. Мама родила сына, на которого сбежались посмотреть все ходячие в роддоме. Ребёнок имел 55 сантиметров роста и 5 килограммов вполне живого веса. В связи с этим на помощь маме в Новочеркасск приехала бабушка Лиза, которая и оставалась с нами до отъезда в Киев.

В конце 1939 года семья переехала в Киев, где папа был назначен начальником производственно-технического отдела «Укркоммунэнерго». Осенью 1940 года Ира пошла в первый класс, а маму приняли на работу экономистом в учреждение, которое находилось на улице Золотоворотской в трёх минутах ходьбы от дома, что было весьма удобно, учитывая наличие маленького ребёнка в доме, да и, как показала практика, за Ирой дополнительный присмотр тоже не был лишним. Однажды мама проспала. А в то время прошёл ряд постановлений ЦК партии и Совета Народных Комиссаров

об установлении драконовских порядков, связанных с усилением трудовой дисциплины. И в частности, в последнем из них определялась ответственность вплоть до уголовной даже за десятиминутное опоздание. И надо же такому случиться – мама проспала. Вскочив с постели, она, гонимая безумным страхом и, мало что соображая, набросила прямо на ночную сорочку чёрное шёлковое манто, привезенное папой из командировки во Львов, и помчалась сломя голову через дорогу на работу. Разгорячённая, она ворвалась к себе в отдел и, сбросив манто, села отдышаться. Радости сотрудниц не было предела – на маме сверкала белая шёлковая сорочка. Однако опоздание удалось минимизировать, и мама не была предана остракизму.

Незадолго до начала Войны образовался творческий тандем. Дядя Женья и папа придумали сюжет оперетты. Папа написал либретто, а дядя Женья, разумеется, музыку. Оперетта, которая называлась «Её герой», была принята к постановке Московским театром оперетты, но началась Война, и театру стало не до новых спектаклей. Для меня предвоенное время не оставило в памяти никаких следов. Первое, что я запомнил, это какие-то поспешные сборы и слёзы на глазах мамы и бабушки. Так в мою жизнь ворвалось это страшное слово «Война».

Папино учреждение получило приказ срочно эвакуироваться в Харьков, наивно полагая, что 500 километров на восток достаточная гарантия безопасности. В нашем вагоне, который в народе назывался «теплушкой», посредине стояли почти до потолка ящики с каким-то оборудованием, а все стены были уставлены трёхэтажными нарами, на которых располагались семьи эвакуируемых. Эта обстановка для такого малыша, как я, располагала к весёлым фантазиям и играм. Дети носились по вагону, ползали по полкам и играли в прятки. Но безудержная детская радость от смены обстановки длилась недолго. Как гром среди ясного неба, в полном смысле этого выражения, совсем рядом раздались оглушительные взрывы, от которых стены вагона стали содрогаться, будто они были сделаны из картона. Липкий страх надолго забрался в мою детскую душу. Немцы бом-

били Дарницкий железнодорожный узел, где перестроивался и наш состав. Налёты продолжались до самого вечера. Особенно запомнились прерывистые ярко-зеленые линии, пронизывающие в завораживающей близости вечернее небо. Это пролетающие мессершмитты трассирующими пулями прицельно и хладнокровно расстреливали разбегающихся в панике людей. В Харькове папа сразу же занялся размещением предприятия на новом месте, а нас приютила семья бабушкиного брата - Марьямова Мойсея Яковлевича, отца дяди Саши, речь о котором ещё впереди. Вскоре из Черкасс в Харьков приехала и бабушка Люба. В Черкассах вот-вот должны были войти немцы, поэтому бабушка в панике, побросав в саквояж самое необходимое и в сумочку документы и семейные драгоценности, уехала к нам в Харьков, зная лишь номер телефона Мойсея Яковлевича. На вокзале, выйдя из поезда, она нашла будку таксофона, чтобы позвонить Марьямовым. Она так торопилась поскорее добраться, что уже спустя десять минут она к своему ужасу поняла, что в будке осталась её сумка с документами и всем, что было нажито за всю жизнь. Она вернулась, но, увы, в будке ничего не было. Теперь в квартире Марьямовых расположилась наша семья уже в составе семи человек. Пребывание в Харькове длилось три месяца.

Через два месяца папа получил повестку из военкомата. Утром следующего дня он должен был явиться на призывной пункт. Родители возвращались трамваем домой, и мама тихо плакала, прислонившись к папиному плечу. На очередной остановке в трамвай втиснулся человек-шар. Это был начальник папиного главка – Иван Ильич Долина. Он обладал феноменальной памятью и знал хорошо не только многих своих подчинённых, но и их жён. Увидев плачущую маму, спросил: «Марго! А шо це ты плачешь?». Мама рассказала о повестке, на что он посоветовал вытереть слёзы, забрал повестку и велел папе наутро явиться на работу, а не на сборный пункт, объяснив, что их предприятие имеет броню для выполнения особо важного задания в покидаемых городах. Под натиском немецких войск фронт очень быстро смещался на восток. Начинался второй этап эвакуации.

Предприятие и мы вместе с ним взяло курс на Среднюю Азию в Казахстан. Нашим конечным пунктом был город Чимкент. Мы ехали без папы, который с группой сотрудников оставался в покидаемых городах, чтобы взрывать в них электростанции. Отсутствие папы вызывало огромное чувство тревоги за него и очень осложняло эвакуационные будни. Дорога была нескончаемой, что превращало жизнь в замкнутом пространстве вагона в пытку. За окном расстилалась бескрайняя монотонная степь, проникая в вагонные щели тонкой песчаной пылью. Редкие короткие остановки состава, перебои с едой и водой и переполненные нечистотами вёдра – всё это не способствовало хорошему настроению. Рядом с нами ехала семья главного бухгалтера. Он, его жена и маленький сын Лёка, чуть постарше меня. Жена, как гоголевская «дама, прекрасная во всех отношениях» любила вставлять в свою речь французские словечки. Памперсов, понятное дело, в те годы ещё не было, поэтому она периодически спрашивала своего сыночка, а надо сказать, что дикции у неё был полный рот: «Лёкасыкка, а Лёкасыкка, ты хочешь «пур ле пти» или «пур ле гранд»?». И вдруг из угла вагона, где на полу безмятежно возился Лёка, раздался грубоватый женский голос: «Та шо ж там Лёкасыкка, Лёкасыкка! Вин вже врався!».

Добирались мы до Чимкента почти три недели. Там нам предоставили две комнаты в деревянном доме барачного типа на улице Зелёная балка (теперь улица Коксай), расположенной на окраине города. Сегодня Чимкент третий по величине и населению город Казахстана, а тогда этот разбросанный в степи, прижатый плоскими крышами к сухой земле посёлок, принял 17 эвакуированных предприятий с персоналом и их семьями. Инфраструктуры, как сейчас говорят, никакой. Продовольственные магазины были от нас очень далеко, да и те стояли пустыми. Рядом находился лишь завод по переработке хлопка, который спасал нас от голода. Из хлопкового жмыха делались лепёшки, которые жарились на отходах хлопкового масла. К встрече 1943 года снабженцы каким-то чудом раздобыли барана, который был сообща проглочен за праздничным столом. Это был единст-

венный раз за два года, когда удалось поесть мяса. Голод, пожалуй, был самым ярким ощущением тех лет. Получаемых по карточкам продуктов было совершенно недостаточно. Иногда у местных жителей удавалось раздобыть очень вкусные полоски сушёной дыни, которые назывались в народе, по-видимому, из-за малоаппетитного внешнего сходства, бараньими кишками. Ещё детская память сохранила очень необычное воспоминание. Вроде бы, недалеко от нашего барака стоял другой барак, в котором жили какие-то странные, как нам казалось, взрослые дети. Они одевались по-взрослому и вели себя совсем не по-детски. Все наши попытки втянуть их в нормальные детские игры оказывались безуспешными. Как потом выяснилось, это была труппа артистов цирка лилипутов. Почему этого не запомнила Ира, я объяснить не могу.

Летом 1942 года от сыпного тифа умерла бабушка, Елизавета Яковлевна. Так и осталось загадкой, где она, практически не выходящая из дома, могла подхватить тифозную вошь. А в ноябре того же года умер дедушка, Эммануил Мойсеевич, от голодной пеллагры.

Горе прочно обосновалось в нашем доме. Вскоре пеллагрой заболела и мама. К счастью, ей быстро поставили этот тяжкий диагноз (уже был горький опыт с бабушкой), благодаря чему самого страшного удалось избежать. Единственным спасением при этой болезни являлось усиленное питание. На работе папе выписывали спирт, обмениваемый на базаре на жизненно необходимые продукты – яйца, масло и молоко, которые мама ела, обливаясь слезами, т.к. вынуждена была это делать, прячась от голодных детей.

Я уже говорил об удивительной братской любви дяди Жени к маме, хочу лишь подтвердить это чудом сохранившимся письмом от него с фронта 1943 года.

Смерть немцам оккупантам!
 ВОИНСКОЕ
 Тимкент
 Уезд Казахской
 области
 район Зеленая Балка
 9. 7/1
 Зайтгаревской
 Уездной администрации
 Адрес: 1008. Подвеска пошта
 Част. 899261.
 Районный Ввеший [unclear] (Цена 6 коп.)

За честь жены,
 За жизнь детей,
 За счастье Родины среды,
 За наши нивы и аулы
 Убей захватчика-врага!
 Какое дело благородней
 Борьбы с захватчиком-врагом!
 А что вы сделали сегодня,
 Чтоб завершить его разгром?

Дядюшка Ритчудя моя родненская!
 Сейчас все мои мысли с тобой, я
 желаю за твоё благополучие, за
 благополучие и здоровье твоё, детей и
 вну. — Мысль о тебе поддерживает
 меня в горе, заставляят меня брать
 себя в руки. — Я хочу, чтобы мой помощник
 тебе помогал бы тебе воевать с победой
 из жестокой борьбы с мущетями и
 испытанями, чтобы тебя х дружили,
 чтобы твоё героизм оказался сильнее
 твоих и моих жестоких поруге-
 ванний, чтобы мы не дали им славити
 себя. — Я всей силой своей своей и
 надеждой своих верю в это.
 — Я сделаю все, чтобы в близкие же
 дни попасть тебе более оощественно,
 чтобы я, ты и твоя семья, если мне
 это удастся. — Ты дай мне
 моя единственная и любимая супруга моя
 ты в уземе поправляйся. Это так будет
 — Желаю за тебя и семью твою, родную
 Целую и обнимаю тебя твою женою

Письмо маме от дяди Жени с фронта, 1943 год

И дядя Женя выполнил своё обещание. Мама, по крайней мере, дважды, получила от него посылки из Североморска, где он служил на кораблях Северного флота. К лету 1943 года после завершения Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне происходит решающий перелом. Фронт откатывается на запад и предприятие, на котором работал папа, передислоцировали в Астрахань. Трест «Укркоммунэнерго» переименовали в «Особвосмонтаж», что само по себе уже говорило о предстоящих восстановительных работах. Учреждение разместилось в пригороде Астрахани в селе Калиничи, расположенном на живописном берегу реки Болда – рукаве дельты Волги. Эта речка стала нашей настоящей кормилицей. Зайдя в неё по колено, можно было буквально руками ловить рыбу. Как я теперь понимаю, рыба набивалась туда, чтобы отнереститься, а тут... жадные руки голодных эвакуированных людей. Спасибо тебе, рыба! Надо сказать, что в Астрахани, благодаря изобилию рыбы, голод отступил. Семьи сотрудников поселили в новом доме, в котором не было воды и туалет, соответственно, располагался во дворе. Зато рядом с кухней находилась ванная комната, в которой стояла ванна, используемая, ввиду отсутствия воды, в качестве холодильника. В ней можно было обнаружить обшитую изнутри клеёной плетённую из рогозы корзинку - «зембель», наполненную изнывающей от янтарного жира каспийской чёрноспинной селёдкой, более известной под названием – каспийский залом. Там же могли находиться и золотистые полоски тёши, копчёные или вяленые обрезки брюшек крупной волжской рыбы. Бывало, в этой чудо-ванне находили своё последнее пристанище знаменитые астраханские арбузы. Главным же дефицитом по-прежнему были хлеб, картошка и сахар. Проблема сладостей для меня четырёхлетнего мальчишки была особенно актуальной, а потому не удивительно, что однажды пришедшую за мной в детский садик маму встретила взволнованная воспитательница, которая стала шептать маме на ухо: «Вы только послушайте, что говорит ваш сын! Он утверждает, что у вас дома ванна заполнена сахаром!». Моей фантазии не было предела, мне очень хотелось выделяться даже на фоне таких же сопляков, как я. Как-то услышав, как

уборщица жалуется заведующей садиком, что пропало висевшее на заборе ведро, я решил вмешаться и пролить свет на указанные обстоятельства. Уверенным тоном я заявил, что ведро украл мой папа, аргументировав его поступок вполне естественным соображением: «Кто же ещё? Ведь он уже сидел в тюрьме». К счастью, у них в тот момент хватило юмора. Вобщем жизнь налаживалась. Родители работали, Ира училась в школе, а я, чем мог, развлекался в детском саду. Шестого ноября 1943 года на вечере, посвящённом очередной годовщине Октября (сейчас сказали бы – на корпоративной вечеринке), объявили об освобождении Киева. Это был единственный раз, когда папу видели пьяным. Мама насилу увела его с вечера и по дороге домой папа, совершенно лишённый природой музыкального слуха, непрерывно пел на жуткую мелодию одну и ту же фразу: «Я не знаю полезных песен!».

В декабре 1943 года папа уехал в Киев на восстановление электростанции. У мамы на руках в чужом городе остались двое детей и больная свекровь, у которой открылись на ногах трофические язвы. Вскоре мама сама заболела двусторонним крупозным воспалением лёгких и попала в больницу, где все больные страдали от холода до тех пор, пока сотрудники папы не принесли в палату «козла» - самодельную печку, которая давала благодатное тепло от спирали, намотанной на асбестовую трубу. С большим трудом достали пенициллин, только-только появившийся и служивший панацеей от всех воспалительных процессов. К счастью, и на сей раз, тяжкая болезнь отступила. Приехал папа, чтобы вывезти предприятие с оборудованием и людей. Ехали долго, целый месяц, но это уже была дорога домой! По совету опытных людей все, кто, сколько смог, запаслись ещё по дороге из Чимкента на берегу озера Баскунчак солью, а в Астрахани бочонками или зембеями с селёдкой. Это оказалось впоследствии самой надёжной валютой, как по пути в Киев, так и в самом Киеве. Киев, особенно его центральная часть, лежал в страшных руинах. Вот так выглядела улица Прорезная после освобождения города. Этот снимок сделан со стороны Крещатика из той же точки, с которой была сделана фотография Прорезной начала XX века (стр. 17).

*Угол улиц Прорезной и Крещатика
после освобождения Киева, 1943 год*

Но в свою квартиру на Прорезной мы вселились не сразу. Некоторое время мы жили на улице Тарасовской в деревянной развалюхе с туалетом и водяной колонкой во дворе. Благодаря этому, Ира получила свой первый опыт оплаченного труда. Мама за небольшое вознаграждение приспособила Иру приносить питьевую воду из колонки и выносить помойные вёдра. Но это продолжалось недолго. Родители судились с дворником, который не только занял наши две комнаты на Прорезной, но и с лёгкостью завоевателя освоил всю оставленную нами мебель и домашнюю утварь. Комнаты удалось отвоевать при помощи дяди Жени, который специально прилетел для этого с фронта на несколько дней. Красавец морской офицер произвёл сильное впечатление не только на меня, но и на судью. Я ходил за ним хвостиком, то и дело, норовя коснуться чудо-кортика или сверкающих и дивно бренчащих медалей. Вскоре семья дворника освободила нам квартиру, освободив заодно её и от всех наших вещей. Кровати, стол, стулья и фанерный шкаф с ржавым зеркалом удалось относительно недорого приобрести за деньги, вырученные от продажи бочонка селёдки. Таким же способом было куплено и пианино, без которого эту квартиру невозможно было представить. Осенью 1944 года скромно отпраздновали 15-летие родительского союза. Война близилась к победоносному завершению, и это был первый семейный праздник, отмеченный за эти тяжкие годы.

Риточке к годовщине свадьбы

Прими осенние цветы...
Их нежный запах, яркость цвета,
тепло и свежесть – все черты
неувядающего лета.
С тех пор прошло пятнадцать лет,
когда из тайного участия
мне как-то вынула билет
судьба-шарманщица на счастье.

И вот тогда явилась ты...
и ежегодно в день свиданья
слова и строки, и цветы
не стоят знака восклицанья.

6 ноября 1944 года, Киев.

Наша квартира после пребывания чужих людей смотрелась непривлекательно. Что же касается того, как выглядели места общего пользования, то это, как говорится, не для слабонервных. Пол кухни был укрыт корявыми досками, в которых прорехи и щели служили надёжным укрытием для мышей и огромных чёрных тараканов. Над головой в половине кухни устрашающе нависала антресоль, которая долго меня манила своим таинственным чревом. Однажды, когда никого из взрослых не было дома, я взобрался туда по приставной деревянной лестнице и передо мной открылся загадочный и, как мне тогда казалось, сказочный мир. В куче всяческого барахла, сваленного там, я обнаружил старые ёлочные игрушки, разодранного, но вполне узнаваемого, деда Мороза и много других очень полезных и важных вещей. В ванной комнате со стенами, съеденными сыростью и грибком, стояла эмалированная чугунная ванна, покрытая рыжими узорами кружевной ржавчины. В туалете на бетонном полу стоял сочащийся и качающийся унитаз с расположенным под самым потолком ржавым бачком, из которого струилась цепочка с тяжёлой фарфоровой ручкой-слезой. Все попытки родителей договориться с соседкой о каком-то ремонте то ли на паритетных условиях, то ли самостоятель-

но заканчивались невозмутимо-тупой реакцией: «А меня всё устраивает». В такой квартире и с таким соседством мы прожили больше тридцати лет. Картину этого коммунального рая остаётся завершить описанием омерзительных запахов чёрного двора с общественным туалетом и мусорными контейнерами, щебеляющимися под натиском вечно голодных крыс, и грохотом с утра до ночи жестяных подносов, погружаемых и разгружаемых в углу двора в ненасытное брюхо ресторана. В нашем доме на углу улиц Прорезной и Владимирской сразу после Войны открылся ресторан «Коктейль-холл» - прибежище криминального мира и «золотой молодёжи». Просуществовал он недолго, спустя несколько лет его территорию уютно обжил вполне демократичный ресторан «Лейпциг».

Угол улиц Владимирской и Прорезной сегодня, 2007 год

После блестящей, в полном смысле этого слова реставрации, он уже несколько лет стоит пустым – никак видно не сложат цену, чтобы найти достойного покупателя.

Но пора вернуться вновь к ресторану «Лейпциг». Так вот именно в этот ресторан привозили подносы с пирожными и жестяные цилиндры, в которых доставлялось мороженое «эскимо». Искушение для нас пацанов было слишком велико! На этом-то бывало наше хорошее воспитание и давало сбой и, чего греха таить, иногда нам удавалось чего-то утащить. Однажды я был среди нашей дворовой шпаны особенно удачлив, что вызвало у остальных вполне понятную зависть. Во-первых, то ли пирожное, то ли мороженое досталось мне одному, а во-вторых, что ещё более противно, меня не поймали и не надавали по заднице. Этого мой лучший друг Миша Гинзбург уже совсем не мог пережить. Внешность у него, прямо скажем, была ангельская. Он, дождавшись во дворе прихода с работы моей мамы, подбежал к ней и, преданно глядя своими сияющими жёлтыми глазами, тихо сказал: «Тётъ Рита, а ваш Валик... Нет, лучше я не скажу, что он натворил». Произнеся это, он сделал вид, что и вправду собирается уйти, в надежде, что ему не дадут исполнить это. И действительно, мама, взяв его за руку, стала доискиваться истины. Крепость пала довольно быстро. Вечером меня ждал разговор с пристрастием. Почему-то наша дружба с Мишей от этого ничуть не пострадала.

И так, мы вселились в нашу квартиру на Прорезной. Жизнь пошла вновь своим чередом. Пришёл май 1945 года, а с ним и великая Победа. Для меня 9 мая – это единственный светский праздник, оставшийся от советских времён, который я ощущаю всем сердцем. Папу назначили директором небольшого электроремонтного завода треста «Особвосмонтаж», который находился в десяти минутах ходьбы от дома на улице Малоподвальной, а маму взяли на работу экономистом в плановый отдел «Киевресторантреста».

Все родительские друзья вернулись из эвакуации, поэтому 18 сентября 1945 года на мамин день рождения, хотя это была и не круглая дата, все собрались у нас за именинным столом, как прежде. Должен сказать, что у нас в семье главным семейным праздником был мамин день рождения. Мы всегда к этому готовились, придумывали какие-то подарки и поздравления, а папа писал обязательные стихи.

Риточке в день рождения

Сентябрь. Уходит бабье лето.
С утра рассыльный у дверей,
стихи на память в три куплета
и в полночь сборище друзей.

Искрится влага огневая,
встречая пасмурный рассвет.
Я пью вино и повторяю
в одном мгновеньи 20 лет.

Когда б за это награждали
из года в год и в этом вновь,
я б удостоился медали
за многолетнюю любовь!

18 сентября 1945 года, Киев.

*Мама и папа приехали в Ворзель проведать меня
в пионерлагере, 1946 год*

Ира уже с сентября 1944 года пошла по-соседству в школу, меня же отправили в первый класс школы лишь в 1946

году. Летом, чтобы я не болтался без надзора во дворе и, учитывая мои криминальные наклонности, меня отправляли в пионерские лагеря. Я этому всегда сопротивлялся, потому что был от природы огненно рыжей масти и сразу становился предметом всяческих насмешек и издевательств. Правда, к концу смены мне всё-таки удавалось завоевать какой-то авторитет, но это всегда требовало времени и усилий. По воскресеньям ко мне приезжали родители, которых я начинал ждать уже со следующего понедельника. Они привозили всякие вкусности и терпеливо выслушивали мои жалобы. Но, главное, им каким-то образом всегда удавалось меня успокоить и даже развеселить. После их отъезда я с оптимизмом вновь возвращался к своим обидчикам.

Страна медленно приходила в себя, с огромным трудом преодолевая последствия этой чудовищной Войны. Но, едва оправившись, руководство страной затеяло очередную кампанию, чтобы народу жизнь мёдом не казалась и, дабы карась не дремал. Всю историю молодого советского государства можно графически представить себе как череду страшных чёрных полос-кампаний. Это и уничтожение старой технической интеллигенции, о чём уже шла речь, и борьба с кулачеством - лучшими сельхозпроизводителями, и, наконец, широкая кампания по борьбе с врагами народа во всех областях политической, военной и хозяйственной жизни страны. Под иезуитским руководством Сталина народ жил в постоянном страхе и унижении. На этот раз роль карася была отведена интеллектуальной элите. Уже во второй половине 1947 года началась идеологическая кампания под малопонятным названием - «Борьба с космополитизмом», направленная против отдельной прослойки советской интеллигенции, рассматривавшейся в качестве носительницы прозападных тенденций. Кампания имела явную антисемитскую направленность и сопровождалась обвинениями евреев в «безродном космополитизме» и враждебности к патриотическим чувствам истинных советских граждан, а также их увольнениями с занимаемых должностей и арестами. Тучи стали сгущаться и в промышленности. Прокатилась волна партийных собраний, где безжалостно клеймились эти самые «безродные

космополиты», которые лишались своих партийных билетов и должностей. Такое же собрание было проведено и на заводе, где работал папа. К общему удивлению, ему объявили только строгий выговор, и папа принимает мужественное и мудрое решение - не дожидаться очередных репрессий. Он подаёт заявление об увольнении. Этот шаг, уход с директорского поста, многим тогда казался чистым безумием. К нам приехал из Москвы папин начальник, управляющий главком – Долина И.И. Я хорошо помню их разговор за обедом, поскольку всё время торчал у него за спиной и грыз редиску, лелея надежду получить разрешение потрогать его орден Ленина. Кончилось это тем, что он обернулся и с улыбкой прорычал: «Та шо цэ ты там сзаду хрюкаеш? Сидай за стол!». Иван Ильич пытался уговорить забрать заявление об увольнении, но папа остался непреклонным. С этого времени папа полностью перешёл на литературные хлеба. Забавно, что ещё несколько лет после папиного ухода с завода, его фотография висела на доске почёта Ленинского района. Папа продолжал писать стихотворные фельетоны и юморески, обличая, как тогда говорилось, разнообразные социальные недуги внутри страны и развенчивая происки международного империализма. Такое было время. Когда мы его спрашивали, откуда он черпает бесконечно эти темы, он со свойственным только ему приглушенным смешком (фырканьем), отвечал, что нужно уметь читать газеты между строк. Его публиковали на страницах многих газет и журналов Украины, он уже стал постоянным автором стихотворных фельетонов союзного юмористического журнала «Крокодил», являлся внештатным сотрудником украинского юмористического журнала «Перець», писал интермедии и скетчи для ведущих эстрадных мастеров разговорного жанра. У папы вынужденно складывался необычный режим дня. Писать он мог только поздно вечером, когда дом затихал, точнее, когда дети, наконец, уходили спать. Утром все разбегались по делам: мама - на службу, мы с Ирой - в школы, а папа занимался разнообразными внешними делами – бегал по редакциям и решал неотложные хозяйственные дела. В 1950 году мама с дядей Женей по его приглашению поехала на Кавказ

в санаторий в Новый Афон. Её пребывание там совпало с очередным днём рождения. Папа написал ей туда очередные, но, как всегда, замечательные поздравительные стихи.

Риточке в Новый Афон

На нашем домашнем безоблачном фоне
всё то же: работа, стихи, телефон...
Иные картины в Ахали Афоне,
где моря и неба волнующий фон.
Ах, небо... Кавказское синее небо!
Скалистые тропы и тучки в кустах...
Как жаль мне, что рядом с тобою я не был
в заманчивых этих орлиных местах!
Ты пишешь: «Госкую. Замучила скука.»
(Я все сохранил дорогие листки.)
Но это ни ты, и ни я, а разлука
льёт воду на мельницу нашей тоски.
Я встречу тебя у подножки вагона
и взгляд мой поймает улыбчивый твой
в тот день, когда времени маятник сонный
бесстрастно отстукает – сорок второй.
Пустое... Нам годы даны для контроля
того, что зовётся земным бытиём...
А мы поменяемся с вечностью ролью
и будем, как вечность, бессмертны вдвоём.
Так знай же, беглец из Ахали Афона,
что Киев попрежнему так же хорош.
На нашем домашнем безоблачном фоне
ты нынче, как южное солнце взойдёшь!

18 сентября 1950 года.

Приготовлением еды, уборкой и стиркой с 1945 по 1964 (уход мамы на пенсию) занимались домработницы - Паша, Маруся, Галя и тётя Мотя, которые в разной степени становились членами нашей семьи. В те годы в домработницы шли одинокие молодые женщины, угнанные во время Войны в Германию и вернувшиеся назад, не имея, как говорится, ни

кола, ни двора, а главное, не имея прописки. Поэтому работа в семье была для них единственным выходом. Тётя Мотя – первая и последняя пожилая домработница, запомнившаяся своей реакцией на послеобеденный ворох грязной посуды, которую ей предстояло вымыть. При её виде она безнадежно произносила: «Краще в Днепр». Вечером семья собиралась за обеденным столом - обсуждалось происшедшее за день. В основном это касалось работы родителей и новостей в стране и мире. Нашими школьными делами, как мне помнится, занимались мало, поскольку Ира и так была круглой отличницей, но и я был избавлен от мелочной опеки. Родители считали, что дети не нуждаются в жёстком прессинге, и, что не только нации по конституции имеют право на самоопределение, но и дети, поэтому они лишь деликатно корректировали генеральную линию нашего развития. Нас миновали нудные нотации и пустопорожные нравоучения. Хотя, припоминается случай, который произошёл зимой 1953 года. Это была зима с бесконечными и затяжными снегопадами, и двор был основательно завален снегом. Лишь прочищенные дворником тропинки давали возможность добраться жильцам к своим подъездам. Я вышел перед сном погулять, но из ребят никого не оказалось, и я в тоске и печали слонялся по двору без дела. И тут мне в голову пришла счастливая мысль – поиграть в Тарзана. А надо сказать, что фильм «Тарзан» только недавно прошёл с огромным успехом по всем кинотеатрам, и пацаны, пытаясь подражать его знаменитому крику, при всяком удобном случае орали дурными голосами. Вот и я забрался в ларёк, стоящий с сорванной крышей в углу двора, и стал поджидать свою жертву, которую я смогу порадовать своим точным подражанием крику Тарзана. Ждать пришлось недолго. Домой возвращались наши соседи сверху – Барские. И я тут же продемонстрировал свои недюжинные способности. Я заорал, а тётя Алла рухнула, как подкошенная, в снег. Её муж – дядя Клим стал её приводить в чувство и, спустя какое-то время, ему это удалось. Я же теперь уже со страхом наблюдал за происходящим, ожидая своей неминуемой печальной участи. Меня без труда выволокли из укрытия и привели домой, описав родителям в стихах и красках происшедшее. Мама почему-то при этом не-

рвно улыбалась и курила свой «Беломор», а папа, терпеливо всё выслушав, поинтересовался: «Ты что дурак?» и вlepил мне пощёчину. Видно это моё приключение ему не слишком пришлось по вкусу. Это был первый и последний случай воздействия на меня путём рукоприкладства. Как я теперь понимаю, нас воспитывали личным примером и обстановкой, царящей в доме и отличающейся исключительной доброжелательностью, ненавязчивым просветительством и гостеприимством. В доме очень часто собирались гости. Приходили по случаю и просто так. Я это очень любил. Во-первых, мне всегда было интересно слушать их разговоры, а позднее и принимать в них участие, а во-вторых, эти посиделки сопровождались вкусным чаепитием с бутербродами, печеньем или кексом, что мне тоже очень нравилось. Загнать меня в постель было очень непросто. Я не стану сейчас перечислять всех друзей моих родителей, которые бывали у нас в доме, но я обязательно постараюсь вспомнить, что удастся, и рассказать о них.

Днём к папе приходили актёры, для которых он писал тексты к эстрадным номерам. Я вспоминаю известных в то время конферансье братьев Астаховых. Старший – высокий, аскетического вида, похожий на дядю Сэма (символ США). Он страдал какими-то желудочными проблемами, спасаясь от мучившей его изжоги пищевой содой, которую всегда носил с собой. В связи с этим в их дуэте ему отводилась роль жёлчного насмешника. Младший – добродушный толстяк, внешне напоминающий Черчилля, являлся объектом издевательств. Поскольку тексты изобиловали остроумными шутками, а их актёрское мастерство было на хорошем уровне, они заслуженно пользовались успехом у неизбалованных тогда зрителей. Бывала у нас такая супружеская пара - Донскеры. Её звали – Марина, а его - Иосиф. Они мне запомнились новогодними ёлками-утренниками (очевидно потому, что брали меня с собой), на которых они очень весело и убедительно изображали Деда Мороза и Снегурочку. Моё детское воображение поражал актер-вентролог (чревоещатель) Румянцев. Он держал на руках замечательного мальчика – куклу, которая открывала и закрывала рот и умела очень забавно вращать глазами. Между ними происходил смешной диалог. Артист задавал свои вопросы мальчику, кото-

рый бодро отвечал. При этом возникала полная иллюзия, что кукла действительно умеет разговаривать, так как рот Румянцева оставался плотно закрытым. Я всегда с восторгом наблюдал за ними в чуть приоткрытую дверь из соседней комнаты. Дважды у нас были знаменитые на всю страну Тарапунька и Штепсель. Тимошенко Юрий Трофимович (1919 – 1986) и Березин Ефимов Иосифович (1919 – 2004) – народные артисты Украины. Это был, пожалуй, самый яркий парный концерт в стране. Удачное сочетание украинского суржика (Тарапунька) и рафинированного русского языка (Штепсель), блестящей актёрской игры и остроумного текста гарантировали им постоянный успех. Совместная работа с этими артистами всегда доставляла папе большое удовольствие.

*Ефим Иосифович Березин
и Юрий Трофимович Тимошенко*

В июне 1951 года должна была состояться традиционная декада украинского искусства в Москве. А надо сказать, что это мероприятие, как сейчас сказали бы - эстрадное шоу, находилось под контролем чуть ли не Политбюро ЦК и рассматривалось как символ неминуемо крепнущей дружбы народов СССР. И вдруг за месяц до начала декады цензурный комитет забраковал часть

интермедий из репертуара Тимошенко и Березина. Срочно были призваны на помощь два лучших эстрадных автора Павел Григорьев и Исаак Золотаревский. Григорьев был остроумный, но крайне не улыбочный человек. Вообще не улыбочность – это особое свойство юмористов. Все лежат покотом от смеха, а они сдержанно произносят: «Очень смешно!». Но совершенно неожиданно выяснилось полное несовпадение стилей работы. Павел Григорьевич мог шутить только днём из положения лёжа, а папа – поздно вечером, сидя за своим письменным столом. После непродолжительной борьбы соавторы пошли на сближение и добились консенсуса. Выяснилось, что оказывается можно работать вместе, сидя на лавочке в Золотоворотском саду.

*Павел Григорьевич Григорьев и Исаак Яковлевич
Золотаревский за работой в Золотоворотском саду*

Результат превзошёл все ожидания. Как всегда, выступление Ю.Тимошенко и Е.Березина на сцене Большого театра имело грандиозный успех.

Но особая симпатия всей нашей семьи была однозначно отдана очень популярному в те году артисту эстрады,

блестящему пародисту-вокалисту Константину Николаевичу Яницкому (1919-2001).

*Константин
Николаевич
Яницкий*

Это был артист редкого обаяния, достаточно плотный шатен, обладающий баритоном очень красивого тембра. Мне кажется, что внешне он был похож одновременно на Збигнева Цибульского и Донатаса Баниониса. Когда я сказал, что его любила вся наша семья, то при этом имел в виду и нашего сибирского кота Руслана. Он проникся к Яницкому прямо таки пылкой страстью. Как только Константин Николаевич раздевался и заходил в комнату, Руслик мчался в коридор, усаживался в его подбитые красной байкой сверкающие галоши и писал в них, жмурясь от удовольствия.

Дальше события развивались по понятному сценарию. Яницкий, надевая галоши, обнаруживал всё это безобразие. Папа в ужасе бежал отмывать осквернённую обувь, но это не помогало. Запах кошачьей мочи вывести никакими средствами не удавалось. И ещё длительное время в Укрконцерте узнавали Яницкого по запаху, считая его репутацию окончательно подмоченной. Ему не помогала и смена галош, потому что Руслан был верен в своих привязанностях, а Константину Николаевичу очень не хотелось менять автора. Одновременно с работой для мастеров разговорного жанра папа продолжал писать сатирические и юмористические стихи. С 1955 года по 1970 год у него последовательно вышли шесть книжек:

- 1955 год – «Наболевший вопрос» в библиотеке «Крокодила», издательство «Правда», Москва;
- 1956 год – «Разрешите побеспокоить» в соавторстве с А.Костовецким и Е.Чеповецким, издательство «Радянский письменник», Киев;

- 1960 год – «Белые вороны», издательство «Советский писатель», Москва;
- 1966 год – «В порядке зарядки» в библиотеке «Крокодила», издательство «Правда», Москва;
- 1967 год – «Головна перешкода» на украинском языке в папином переводе, издательство «Радянська Украина», Киев;
- 1970 год – «По движущимся целям», издательство «Радянський письменник», Киев.

Папа регулярно печатался во многих газетах и журналах. Забавная ситуация сложилась при публикации его стихов в толстом украинском литературном журнале «Днипро». Когда это произошло в первый раз, папа к своему крайнему удивлению обнаружил, что автором стихотворения стоял не Исаак, а Иван Золотаревский. Возмущённый папа позвонил к главному редактору, тот тоже возмутился и извинился за ошибку то ли наборщиков, то ли корректоров. Но в следующем номере ситуация повторилась, повторился и разговор с главным редактором, который на сей раз заверил папу, что не было никакого умысла и такое больше не может повториться. Но и в третий раз, как водится, Иван Золотаревский оказался автором очередного стихотворного фельетона. Очень уж смущало руководство журнала папино библейское имя, хотя стихи им нравились. Но папа их больше им не предлагал. Раз в месяц папа принимал участие в тематических совещаниях журнала «Перець». На этих заседаниях лучшие юмористы и художники-карикатуристы предлагали на рассмотрение редколлегии остроумные различные темы и подписи для карикатур. Руководил этими совещаниями, которые обычно носили затяжной характер, главный редактор журнала Ф.Макивчук. Человек номенклатурный, а потому осторожный и обстоятельный, он приветствовал длительные и подробные обсуждения. Карикатуристы же терпеливо ожидали, когда будут приняты лучшие из предложенных тем и подписей для будущих рисунков, чтобы получить от редактора задания на ту или иную карикатуру. Некоторые из них откровенно зевали, а иные просто засыпали, что

вызывало справедливый гнев редактора. Выход из положения для себя нашёл художник Анатолий Арутюнянц – он нарисовал на стёклах своих очков внимательно смотрящие перед собой глаза и, надев очки, спокойно дремал, благо во сне он не храпел. Папа об этом рассказывал с большим удовольствием, как всегда, пофыркивая от смеха. Надо сказать, что за подписи под рисунками неплохо платили, поэтому папа тематические совещания старался не пропускать. Активное участие в этом турнире остроумцев принимал и Абрам Костовецкий. Это был действительно остроумный и жизнерадостный мужчина, лишённый комплексов, очень шумный и чрезвычайно разговорчивый. В «Перце» кто-то по аналогии с известным героем драмы Т. Г. Шевченко назвали Костовецкого Назаром с Подола. При этом говорил он скороговоркой, имея полный рот языка. К сожалению, мне не удалось раздобыть его фотографии, но он мне запомнился по бесовским искоркам его серых глаз, чрезмерно увеличенных толстыми линзами стёкол очков. Когда он приходил к папе, квартира резко уменьшалась в размерах и тишина исчезала, как категория. В Интернете я нашёл замечательные строчки о Костовецком в воспоминаниях киевского литератора Марка Меламеда. Он пишет: «Довольно длительное время были у меня приятельские отношения со старым перчанином и автором текстов к плакатам украинской творческой мастерской «Агитплаката» Абрамом Моисеевичем Костовецким. Это был крупный мужчина с зычным голосом и борцовскими качествами, особенно проявлявшимися тогда, когда кто-то высказывал сомнение в ценности хотя бы одной строчки из его стихотворения. Его не обвинишь в злоупотреблении изящной словесностью. Доводы его были просты и весомы, как железобетонная балка и, разговаривая с ним на темы его стихов, нужно было соблюдать определённую технику безопасности». Приведу характерный пример его юмора:

Дорогая Голда Меир,
Не зовите нас до вас.
Не морочьте нам дем эир,
Нам их крутят и без вас.

Этим милым четверостишием А. Костовецкого я хотел бы завершить заметки об этом человеке. Выше я уже писал, что в 1956 году вышел сборник стихотворений трёх авторов «Разрешите побеспокоить», так сказать, сообразили на троих. Третьим папиным соавтором был Ефим Чеповецкий (1919). В послевоенные годы он, как и папа, подвизался на поприще сатирических и юмористических стихотворных фелъетонов, часть которых и вошли в эту книжку.

Ефим Петрович Чеповецкий

После окончания Московского литературного института, где его учителями были Самуил Яковлевич Маршак и Лев Абрамович Кассиль, он под их влиянием стал заниматься детской литературой. Ефим Петрович автор многих книг для детей и юношества, а также сценариев для мультипликационных фильмов. Уже много лет он живёт в Чикаго (США). И Костовецкий и Чеповецкий были значительно моложе папы и имели существенно меньший литературный опыт, поэтому относились к нему, как к мэтру, с подчеркнутым пиететом. Но, когда собирались у нас дома, готовя к печати сборник, они по любому вопросу входили в раж, и тогда становилось «ужасно шумно в доме Шнеерзона». По крайней мере, их возню мне в соседней комнате было слушать значительно интересней, чем делать опостылевшие домашние задания.

В то время как дома происходила такая кипучая творческая жизнь, мама в своём тресте ресторанов добросовестно

занималась рядовой работой плановика-экономиста. Обсчитывались ресторанные меню, составлялись грандиозные планы по улучшению работы предприятий общественного питания с одной единственной целью - удовлетворить постоянно растущие требования к поглощаемой пище трудящихся города Киева. Но, не смотря на весь этот бред, а тогда в тотальной системе всеобщего планирования по-иному и не могло быть, мама подходила к своей работе ответственно и даже находила в ней какие-то объекты для творческого подхода. У неё был очень знающий, умный и симпатичный начальник – Столяров Яков Самойлович. Это был красивый человек с чисто русской внешностью (похожий на актёра Е.Самойлова), с заразительным смехом и сияющими глазами. В начале войны он был угнан в Германию и до мая 1945 года находился там, скрывая своё еврейство. Благодаря знанию идиш, он очень быстро овладел немецким языком, а его талант художника позволил ему иметь к будничной трудовой повинности ещё и дополнительные заработки. Четыре года он прожил под страхом разоблачения, непостижимым образом скрывая свою усечённую плоть, а, вернувшись в свою страну, встретил недоверие и враждебность. Но, преодолев всё это, он не обозлился, встал на ноги, сохранив жизненный оптимизм и свой заразительный смех. Я любил бывать у мамы на работе, особенно под Новый год, когда сотрудникам раздавались, так называемые, праздничные пайки, в которые обязательно включался килограмм мандарин и полкило шоколадных конфет. Во-первых, поскольку к маме очень хорошо относились, мне перепадало кое-что сверх нормы, а, во-вторых, я очень любил наряжать ёлку, чуть ли не главными украшениями которой являлись мандарины, обёрнутые в алюминиевую фольгу, извлечённую из отработанных электролитических конденсаторов, и конфеты в ярких, как мне тогда казалось, цветных фантиках. Позднее, когда я учился уже в старших классах, вместе со мной росли размеры и вес этих самых новогодних пайков, и моя роль теперь сводилась к помощи в доставке домой праздничных продуктов. Яков Самойлович ещё отлично играл в шахматы и устраивал в тресте регулярные шахматные турниры, в

которых и я принимал участие. В то время я посещал шахматную секцию дворца пионеров, руководимую милейшим человеком со странной фамилией Саускан.

Летом 1949 года мамин двоюродный брат - дядя Саша Марьямов пригласил нас провести отпуск под Корсунем-Шевченковским на живописном берегу притока Днепра речке Рось. Александр (Эзра) Мойсеевич Марьямов (1909-1972) родился в Одессе. После окончания филологического факультета Черкасского педагогического института он начал активно заниматься журналистской деятельностью сначала там же в Черкассах, а позднее уже в Харькове, где у него выходят две книжки на украинском языке. Во время Войны дядя Саша ушёл служить добровольцем на Северный флот. Там он работал собственным корреспондентом газеты «Краснофлотец». После войны вернулся в Москву, где в качестве очеркиста и литературного критика сотрудничал с «Литературной газетой» и журналом «Новый мир». Когда же А.Т.Твардовский возглавил журнал, он пригласил А.М. Марьямова на должность заведующего отделом. После Войны у дяди Саши вышли в свет три книги: «Довженко» (1968), «За двенадцатью морями» (1975) и «Поезд дальнего следования. Очерки» (1985 - посмертно). Дядя Саша был женат на актрисе Елене Владимировне Савченко (1914-2002). У них было двое сыновей – Михаил и Александр (Алик). Были и, слава Богу, есть. С Мишей мы регулярно встречались при каждом моём появлении в Москве. Обычно, когда я очередной раз приезжал в командировку, мы созванивались и встречались у Юры Марьямова (моего двоюродного дяди), где устраивали братский ужин. Традиционно за мной были свиные отбивные, а Юра мастерски жарил картошку с луком. Эти встречи были для меня очень дороги и надолго оставались в памяти. Что же касается Алика, то он как-то незаметно дистанцировался от всех нас, не испытывая, очевидно, необходимых родственных чувств. Но месяц, проведенный с ними в Корсуне-Шевченковском, я всегда вспоминаю с удовольствием. Родители сняли рядом с Марьямовыми комнату в хате под соломенной крышей с глинобитным полом и потрескавшейся русской печью, на которой мама иногда

готовила дачную еду. Обычно же всё готовилось на керогазе – выдающемся достижении нагревательной техники тех лет (по крайней мере, в сравнении с примусом, которыми были уставлены все коммунальные кухни). До сих пор не могу забыть мамины куриные обеды (ароматные бульоны и дивные маленькие душистые, источавшие укропный запах, котлет-

Александр Моисеевич Марьямов

ки) и землянику с молоком. Но самым, пожалуй, сладким воспоминанием той поры было ежедневное пробуждение. Я просыпался от ласковых прикосновений солнечных утрен-

них лучей и глухих шлепков, раздающихся за окном. Это с дерева, стоящего под окном, от дуновения ветра падали в изумрудную траву тяжёлые, нагретые солнцем, с сочной и сладкой мякотью лиловые сливы Ренклюд. Я вскакивал с кровати и бежал за хату, чтобы, обливаясь медовым соком, насладиться дивным вкусом этих плодов. Дядя Саша и

Елена Владимировна Савченко

тётя Лена со своими сыновьями Мишей и Аликом и весёлым фокстерьером Кутькой жили в аналогичной хате недалеко от нас. Дядя Саша мне напоминал Карабаса Барабаса,

только домашнего и очень обаятельного. Это был дородный человек. Создавалось впечатление, что он перемещается в пространстве с оглядкой на свои грандиозные габариты.

Во время дружеских разговоров он, как огромный довольный кот, тихо мурлыкал. Тётя Лена, настоящая русская красавица, донская казачка была ему под стать.

На Украине про таких женщин говорят: «Гарна та пишна». Это была ренуаровски - кустодиевского типа женщина с заразительным детским смехом. После окончания «Гитиса» тётя Лена какое-то время работала в московском драматическом театре им. Пушкина и снялась в нескольких фильмах. До сих пор слышу хрустальную россыпь её звонкого смеха. От тёти Лены и дяди Саши просто-таки веяло весёлым здоровьем. На детей своих они обращали мало внимания, и мне казалось, что вся их любовь и нежность была направлена на любимого фокстерьера – Кутьку. А чуток поодаль расположилась семья Александра Степановича Левады, очень такого правильного, а потому и очень успешного украинского писателя и политического деятеля. Он в те годы был чуть ли не министром культуры Украины. С ним были его вторая жена, привезенная с фронта, Кира Васильевна и её дочка Люся, которая была старше меня на год или два.

Вынужден сделать небольшое отступление (уж слишком теснятся облака воспоминаний) и немного рассказать о его первой жене – Тасе (Наталье Львовне) Марейнис и её детях Юре (1930-2006) и Жене (1939-2002). Наталья Львовна большую часть жизни прожила в Виннице, где работала литсотрудником в местной газете. Это была, судя по некоторым рассказам, женщина с сильным характером, умная и волевая. Друзья младшего сына называли её Наталья Тигровна. Мне она запомнилась высокой женщиной с очень выразительным лицом в обрамлении пышных седых волос. С родителями она была знакома ещё с довоенной поры. Старший сын Юрий Александрович Левада (1930-2006) впоследствии выдающийся российский социолог и политолог, был ребёнком от первого брака. А младший сын Евгений Александрович (1939-2002) был сыном Левады и занимался в разных ипостасях и в разных учреждениях идеологической

работой. Мы с ним дважды пересекались, как участники Международных конгрессов русской прессы. А, когда мы были школьниками, я его недолюбливал, т.к. мне его всегда ставили в пример, как лучшего ученика школы и мальчика образцово-показательного поведения. Мои родители этим похвастаться не могли, впрочем, может быть, им этого и не слишком хотелось. После переезда в Киев Наталья Львовна часто бывала у нас дома, и мои родители относились к ней с уважением и большой теплотой. Ведь она сама, практически без мужской руки, воспитала и дала образование двум парням в такое тяжёлое время. А.С.Левада, ощущая всю полноту ответственности своего высокого положения, не афишировал бывшей брачной связи с женой-еврейкой, и это даже отражалось на его отношениях с сыном.

Теперь снова вернёмся в июльский Корсунь-Шевченковский. Дни проходили главным образом на речке в купании и рыбной ловле. Ира и Миша, как старшие, держались от нас - малышни несколько в стороне. Мы же, Алик, Кира и я, вели себя, как и положено десяти – двенадцатилетним, играли в квача, прятки, кто дальше прыгнет, кто дальше плюнет, и просто валяли дурака. Люся вела себя как заправский мальчишка-сорванец, но должен признаться, что тогда во время какой-то очередной нашей возни я впервые в жизни почувствовал какое-то смутное шевеление в трусах. Это было настолько неожиданно, что, несмотря на уже мою солидную теоретическую пионерлагерную подготовку, я долго не мог прийти в себя. Но поделиться этими ощущениями ни с кем не осмелился. Надо сказать, что родители, не знаю, как было с Ирой, но со мной так на эту тему никогда и не поговорили. Изредка вечером взрослые – Марьямовы, Левады и родители собирались за общим ужином. При этом на стол ставилась сулея хозяйской самогонки, какого-то убийственно-синего цвета. Это была буряковка. Выпив, они очень комично морщились, но, удовлетворённо крякнув, набрасывались на простую деревенскую закуску: ржаной хлеб, огурцы, помидоры и отварную картошку. Не помню точно, но думаю, что сало тоже участвовало в этом празднике жизни. После ужина (детей кормили отдельно) и коллективного

перекура (папа и мама курили практически всю свою взрослую жизнь, причём исключительно папиросы «Беломорканал») начинались игрища, в которых и мы могли принимать участие. Часто играли в лото или карты, пели песни, читали стихи или разыгрывали шарады. Это лето осталось в памяти весёлым и солнечным праздником. Кроме того, в Киеве родители практиковали воскресные семейные прогулки. К тому времени Ира – уже взрослая девица от этого всячески устранилась. Мне запомнились наши походы в Ботанический сад. Мы брали с собой сделанные мамой бутерброды и клюквенный морс. Моими любимыми бутербродами были – подсоленный чёрный хлеб с маслом и кружками редиски. Учитывая чувство голода, как постоянно действующий фактор молодого растущего организма, для меня всегда главной проблемой было дожить до момента, когда из маминой сумки извлекался долгожданный бутерброд. Мы садились на скамейку в тени буйных крон инвентарных деревьев и очень быстро поглощали всё, принесенное с собой.

В конце октября 1949 года родители взяли Иру и меня в Москву. Там они хотели отметить двадцатилетие совместной жизни (6 ноября), сбежав к ближайшим московским родственникам от поздравительного нашествия киевских друзей. Нас гостеприимно приняли в семье папиного брата – дяди Шуры и тёти Клары. Там я познакомился с их дочерьми – моими кузинами – Галей и Наташей. Младшая из них – Наташа сразу же завоевала моё юное и горячее сердце, но я, похоже, оставался без взаимности, поскольку была существенная разница в возрасте – 1,5 года. Московских друзей и родичей оказалось достаточно много, а две комнаты папиного брата на Кропоткинской в коммунальной квартире, разумеется, не смогли вместить всех поздравлянтов. Пришлось открывать двери и выставлять столы в коридор. Тосты, поздравительные стихи и забавные розыгрыши длились до позднего вечера. Но все были довольны и не хотели расходиться. Соседи тоже с радостью приняли участие в этом весёлом застолье. Тогда такое никого не смущало. В этой поездке от впечатлений у меня кругом шла голова. Нас приглашали в гости, мы ходили по театрам (и меня пу-

скали). Почему-то запомнился наш визит к тётке Розе и дяде Пете Штильманам.

Рая (первая жена дяди Жени), мама и Петя Штильман

Они так для меня в памяти и остались тётя и дядя, поэтому отчеств я их не знаю. Это были довоенные друзья родителей – очень интересные люди. Дядя Петя работал в каких-то правительственных структурах экспертом по зерновым культурам. Внешне они выглядели довольно забавно – Пат и Паташон в смешанном разряде. Он – высокий строгого вида импозантный мужчина, она – маленькая изящная как японская статуэтка женщина, на лице которой всегда играла доброжелательная улыбка. У них не было своих детей, поэтому весь заряд своей нерастраченной нежности доставался чужим, а в данном случае мне. Жили Штильманы в большой двухкомнатной квартире в доме на Дорогомилловской набережной. Привыкшие к приёмам на уровне столичного бомонда (в их доме бывали А.Ахматова, К.Чуковский и др.), они поразили меня сервировкой своего стола. Мы кушали на саксонском фарфоре и серебре, и пили

из сверкающего хрусталя. Жесткие накрахмаленные салфетки доставляли дополнительные неудобства. Но больше всего поразил поданный, как первое блюдо, французский суп, состоящий из крошенных в кефир различных овощей – аналог более понятной нам окрошки, которую мама делала летом на хлебном квасе. Мне запомнился рассказ тёти Розы, который она передавала со слов Корнея Ивановича Чуковского. В конце двадцатых годов Сталин возжелал возвращения на родину И.Е.Репина. Зная тёплое отношение Репина к молодому литератору, он пригласил к себе Чуковского и настоятельно попросил посетить Репина на его даче «Пенать» в Куоккала (Финляндия) и уговорить стареющего живописца вернуться в Россию. Разумеется, Чуковский послушно поехал, а, вернувшись, доложил, что Илья Ефимович наотрез отказался, ссылаясь на отсутствие необходимых сил для переезда. Эта версия так и осталась бы неизменной, если бы не Война. Когда советские войска заняли Куоккалу, на даче Репина молодой офицер обнаружил дневник художника, в котором прочёл лаконичную запись: «Приезжал Корней. Очень отговаривал!». Благо, лейтенант, нашедший дневник, оказался в прошлом студентом литинститута, где преподавал Чуковский, поэтому он, минуя спецслужбы, передал дневник Корнею Ивановичу, а то бы пришлось, скорее всего, Чуковскому рассказывать эту историю не Штильманам, а соседям по камере.

А вот ещё одно событие, которое осталось в памяти на всю жизнь. Дядя Женя взял меня с собой на Октябрьскую демонстрацию. Это была колонна Союза композиторов, в которой шли корифеи советской музыки, такие как Т. Хренников, Д. Шостакович, И. Дунаевский и др. Наша колонна двигалась по первой линии и, когда мы подходили к Мавзолею, идущий рядом Ваню Ильич Мурадели, к тому времени уже заклеянный совместно с Шостаковичем и Прокофьевым за «сумбур вместо музыки», посадил меня на свои могучие плечи. Это позволило мне рассмотреть с довольно близкого расстояния всё руководство страны. В центре трибуны стоял сам И.В. Сталин – рыжеватый человек, что для меня – рыжего казалось несомненным плюсом, с каким-то

пятнистым и рябым лицом (потом мне объяснили, что это были последствия пережитой оспы), в фуражке с очень высокой тульей. Спустя буквально минуту после того, как мы поравнялись с мавзолеем, Сталин, очевидно, решил пойти передохнуть. И, о ужас! О развенчание моих мальчишеских иллюзий! Великий вождь, титан, богатырь сошёл с какой-то подставки и оказался ростом ниже многих, стоящих рядом. Тулья его фуражки медленно проплывала, едва возвышась, над трибуной Мавзолея. Я был потрясён! Уже спустя много лет, когда мне стало ясно, что представлял собою этот тщедушный человек, его внешний облик стал вполне монтироваться с кошмаром его правления. Мне кажется, что о Сталине чисто поэтическими средствами лучше всех сказал мой любимый поэт – великий Андрей Вознесенский в своей поэме «Шушенское»:

Как он страдал в часы тоски,
Когда по траурным трибунам -
По сердцу Ленина! - тяжки,
Самодержавно и чугунно,
Стуча, взбирались сапоги!
В них струйкой липкой и опасной
Стекали красные лампы...

Однажды дядя Женя повёл нас в клуб Союза композиторов на выступление Вольфа Мессинга – выдающегося эстрадно-го артиста, демонстрирующего свои психологические опыты по телепатии - отгадывание мыслей на расстоянии. Кроме того, он обладал огромной гипнотической мощью. Его выступления проходили всегда с неизменным успехом. Это был человек ниже среднего роста с пышными волнистыми тёмными волосами, но с малопривлекательной внешностью. К тому же во время сеансов на шее под ухом у него вздувалась шишка величиной с куриное яйцо. Из зала вызывались желающие, которые, держа его за руку, должны были мысленно по определённой схеме внушать ему поставленное задание. При проведении своих поражающих воображение опытов он очень нервничал, кричал на этих несчастных

на плохом русском языке: «О чём ты думаешь (думаешь)? Виши (выше), нижи (ниже), мишли (мысли, думай!)». Некоторые, особенно нервные, начинали плакать и, в конце концов, убегали. Но Мессинг всегда с блеском доводил до конца каждый эксперимент. На всех нас это произвело настолько сильное впечатление, что, вернувшись к Строевым, мы все по очереди стали это пробовать. Как ни странно, но всё-таки у двоих получилось. Это были папа и я. Причём выполняли мы достаточно сложные задания с необычайной лёгкостью, не обижая своих сопровождающих. В конечном счёте, мы решили, что он специально создаёт такую нервную обстановку для разогрева публики или, как говорили эстрадники, для лучшей продажи номера. Надо сказать, что в последствии изредка в кругу своих друзей я проводил эти опыты. И вдруг в начале шестидесятых, а это были годы так называемой хрущёвской оттепели, мне позвонили из горкома комсомола и попросили выступить с этой хохмой в городском молодёжном клубе «Мрия», который находился на улице Леонтовича. Как к ним попала информация об этих моих способностях, я так и не узнал. Но это было предложение, от которого я не смог отказаться. Нервничал ужасно! Но ещё больше нервничала Танюша, которая уже после конца моего выступления даже не в силах была танцевать. А это она очень любила и могла! Вечер прошёл успешно, я ни разу не ошибся и все остались довольны. Но меня это так вымотало, что уже дома в полном изнеможении я сказал Тане, что выступил одновременно два раза – первый и последний.

Я помню, что родители, куда бы мы ни приходили в гости, с удовольствием рассказывали о достижениях Иры в учёбе. Действительно Ира всегда была круглой отличницей. У неё была шикарная красномедного цвета коса, что тоже вызывало общий восторг. Я же отличался от своих сверстников лишь тем, что очень любил вступать в разговоры взрослых и при этом, как ни странно, не только не получал щелчков по носу, но отдельными неосторожными людьми даже поощрялся. Особенно трогательное отношение к себе я ощущал со стороны Любочки Горкиной (так её называли все) и её мужа Сачечки Прибыловского (так называла его она). К ним мы ещё

вернёмся. Они проводили меня на какие-то (сейчас просто не помню) дневные детские спектакли и встречали после их окончания, давая возможность родителям выполнять московскую программу на все 100%. В это время у папы только начинали налаживаться тесные отношения с журналом «Крокодил». Он должен был встретиться с главным редактором журнала поэтом-сатириком Сергеем Александровичем Швецовым и показать ему свои новые стихи. Эта встреча надолго определила их творческую дружбу. В последствии принятие к печати очередного папиного стихотворения подтверждалось телеграммой из Москвы: «Материал принят. Привет, Швецов». С тех пор, всякий раз, когда приходил свежий номер «Крокодила» и папа видел в нём свои стихи, он с довольной улыбкой протягивал маме журнал и говорил: «Привет, Швецов». В это время папа очень активно и плодотворно трудился на своём новом литературном попри-

Николай Михайлович Синёв

ще. Параллельно со своей поэтической деятельностью в области сатиры и юмора, папа совместно с известным украинским конферансье Николаем Михайловичем Синёвым написали пьесу «Транзитные пассажиры», которая с успехом шла во многих областных театрах страны. Николай Михайлович был крупный мужчина с большой лысой головой и очень выразительными кистями рук. На его лице выделялись совершенно круглые глаза, с постоянно застывшим вопросом, а большой лоб был рассечен двумя треугольниками бровей.

Будучи профессиональным актёром, он в обычном разговоре произносил слова с лёгким прононсом, да ещё и артикулировал, помогая своими огромными ручищами с длинными пальцами. Меня очень веселило, когда Николай Михайлович произносил слово «пиеса». Он был постоянным ведущим на правительственных концертах, прошёл почти полувековой путь артиста эстрады – конференсье, рассказчика и куплетиста. О событиях и перипетиях своей яркой жизни он написал в начале восьмидесятых автобиографическую книгу «В жизни и на эстраде». По пьесе «Транзитные пассажиры» известный украинский композитор Оскар Сандлер написал оперетту, которая была поставлена в Полтавском театре в 1956 году. В связи с широкой постановочной географией «Транзитных пассажиров» мне на ум приходят две, на мой взгляд, любопытные истории. Авторы были приглашены на премьеру пьесы в Черновицкий областной театр. Всё прошло очень хорошо. Зрители и артисты были довольны. После спектакля во время банкета к папе подошёл заместитель директора Черновицкой филармонии Пинхус Фалик (1909-1985), в чьём ведении в то время находился театр, представился и познакомил папу со своей женой. Ею была выдающаяся еврейская певица и актриса Сиди Львовна Таль (1912-1983).

*Сиди Львовна
Таль*

Они обратились к папе с просьбой сделать переводы нескольких песен с идиш на русский язык. Через год в 1959 году Сиди Таль приехала в Киев для участия в концерте, посвящённом 100-летию Шолом-Алейхема, где присутствовала внучка писателя известная американская писательница Бэл Кауфман, живущая в Америке. На следующий день Таль и Фалик были у нас дома. Папа прочитал свои переводы её песен, а Сиди Таль села за пианино и, что называется, спела их с листа. Обаяние этой женщины было безгранично. Лёгкий акцент только добавлял ей шарма. За обедом гости не скупились на комплименты в адрес папы и хозяйки дома. Добавлю лишь, что с

Бэл Кауфман (1911), известной всему миру по роману «Вверх по лестнице, ведущей вниз», я имел удовольствие познакомиться на Втором конгрессе русской прессы в Нью-Йорке.

Следующая история, о которой я хотел поведать, случилась тоже на премьере «Транзитных пассажиров», только теперь уже в Сухумском драматическом театре. На вокзале папу встречал Министр культуры Абхазской АССР. Это папу сразу насторожило. И действительно, как пройдет премьера, там никого не беспокоило. Никто не сомневался, что всё будет хорошо. Важно было с присущим Кавказу гостеприимством привечать дорогого (папа был без Синёва) и почетного гостя. Папу кормили и поили, как на убой, без пауз и передышек. Весь запас лекарств был съеден уже в первый день, а папа много лет страдал язвенной болезнью. И всё же спектакль прошёл действительно успешно. А потом был завершающий банкет. Стол ломился от вин и яств. Пиросмани отдыхает. Тосты произносились иезуитски умело. Все попытки папы увильнуть от очередного наполненного вином рога, заканчивались такими убедительными доводами и уговорами, что бедняга всё равно вынужден был всякий раз сдаваться. Не помогла и папина шутка по поводу неиссякаемого винного рога изобилия. Торжества шли под лозунгом «Ты меня уважаешь?». Кончилось это тем, что папин киевский домашний врач - доктор Пинес приводил его в относительную норму почти два месяца.

Успешное шествие «Транзитных пассажиров» по стране в корне изменило материальное положение нашей семьи. Управлением защиты авторских прав (УЗАП) в конце каждого месяца на папин счёт переводились авторские гонорары от сборов со спектаклей. И всякий раз, получая очередную порцию, папа, перефразируя известное выражение, торжественно произносил: «Бог дал день, Бог даст тыщу!». Семья теперь могла себе позволить поехать к морю, а родители – на курорт полечиться. Мы дважды дикарями побывали в Ялте, папа, мне помнится, ездил в Ессентуки и Хосту, а маму, обычно, брал с собой дядя Женя либо в Кисловодск, либо в Рузу – Дом творчества Союза композиторов. Поскольку дядя Женя всегда очень следил за своим здоровьем, то в эти по-

ездки он брал с собой огромный несессер с медикаментами. Весь стол в его комнате заваливался всяческими крайне необходимыми лекарствами. Поэтому на одном из обязательных капустников в Рузе однажды прозвучали такие строчки:

Снова приедет Жарковский с сестрой,
Вновь захламит он свой стол ерундой...

Я всегда с большим нетерпением ожидал приезда родителей из южных краёв по двум причинам. Во-первых, я скушал, а во-вторых, они всегда привозили с собой оттуда всякие диковинные плоды: алычу, орехи, хурму, каштаны и, самое главное, краснобокие замшевые персики. Вынужден скороговоркой проговорить, вернее, коснуться некоторых жизненных вех дяди Жени, этого требует канва повествования, а главное о нём - ещё впереди. Итак, в 1952 году дядя Женья женится (пardon за каламбур) на Свете – Светлане Николаевне Михайловской (1928). В начале 1953 года Жарковские въехали в шикарную четырёхкомнатную квартиру композиторского кооператива на улице Огарёва. А летом того же года дядя Женья снял большую дачу под Звенигородом в живописнейших местах Подмосковья, заслуженно называемых русской Швейцарией, и пригласил всех нас провести вместе с ними летний месяц. Но всё по порядку. Мы ехали впервые в жизни в отдельном купе. И это уже был праздник. Осваивание вагонных тамбуров и туалета, прыгание с полки на полку, поедание разной вкусной, взятой с собой снеди, да что там говорить! А чего стоили остановки поезда, когда можно было выскочить из вагона в растянутых на коленях трикотажных спортивках (при этом я ощущал себя, чуть ли не членом сборной сборной) и купить у толпившихся тёток горячей картошки и домашних солений или свежих ягод и первых яблок сорта «белый налив». На худой конец, можно было ограничиться и жареными семечками «конский зуб», которые продавались из каких-то нереальных гранёных стаканчиков-напёрстков. Делалось всё это наспех, с оглядкой на суровых проводниц. А как хорошо спалось на верхней полке! Родители видели, что нам хорошо и удовлетворённо улыбались. Утром я проснул-

ся, и после обычных утренних процедур и чая с картонными галетами занял исходные позиции, прижавшись лбом к окну, в ожидании Москвы. Прибыли. Зазвучала песня Покраса на слова Лебедева-Кумача «Утро красит нежным светом...». Нас встречал дядя Женья и его водитель Николай, как потом оказалось, это был отец Светы – профессиональный водитель. Дядя Женья, недавно купивший машину марки «Победа», никак не решался сесть за руль. Когда же мы вошли в их квартиру, по крайней мере, я испытал шок! В те годы, годы массового коммунального сожительства, такая квартира казалась земным раем. Я знаю, что разрешения на строительство этого жилищного кооператива добился его председатель выдающийся советский композитор Исаак Осипович Дунаевский. Тогда это могло удасться только ему – автору музыки к любимым фильмам кремлёвского вождя. Шикарная передняя, едва ли не большая по площади наших двух комнат на Прорезной, со встроенным гардеробом, из которой можно было попасть напрямую в кабинет, спальню, кухню и места общего пользования, а длинный узкий коридор прямо из передней вёл в огромную гостиную и детскую комнату. Нас встретила Светлана – яркая, красивая женщина, пышущая каким-то весёлым здоровьем, и Зинаида Сергеевна, родная сестра Николая Сергеевича - отца Светланы, которая вела всё домашнее хозяйство. Перезнакомившись, перво-наперво нам предложили надеть домашние тапочки (пришлось постигать эту науку), затем, оставив наши дорожные вещи в передней, нас повели на экскурсию по квартире. Света, как опытный гид начала с мест общего пользования. Сверкающая зеркалами и бело-голубой глазурью изразцов большая ванная комната была оборудована помимо собственно ванной и размашистым фаянсовым умывальником. По этому поводу вспомнились строчки В.В.Маяковского:

Это - белее лунного света,
удобней, чем земля обетованная,
это - да что говорить об этом,
это - ванная.

А ещё слева от входа стояло какое-то для меня совершенно незнакомое устройство, напоминающим диковинный унитаз. Света покрутила хромированные вентили, и оттуда игриво забила горизонтальная струйка. Мне объяснили, что это и назвали смешным словом – биде. У меня сложилось такое впечатление, что мои родители эту штуку тоже увидели впервые. Рабоче-крестьянское государство легко обходилось без подобного рода излишеств. Тут же дядя Женья рассказал, что вопрос установки в квартирах биде разделил членов кооператива на две неравные части. Большинство, как и следовало ожидать, были против, но меньшинство, куда вошла вся музыкальная элита, оказалось решающим, мотивируя тем, что музыка должна быть чистой со всех сторон. Известный острослов – композитор Сигизмунд Кац прокомментировал эту ситуацию коротко: «Друзья познаются в биде». Туалет, стены которого были выложены голландским кафелем, был оборудован большим встроенным в заднюю стенку шкафом. Кухня оказалась не очень больших размеров, тем не менее, в ней разместился стол с четырьмя табуретками, посудный навесной шкаф, огромный холодильник «Зил» и газовая плита, что после примусов и керогазов казалась просто чудом. Зажжённые горелки светились завораживающим голубоватым светом, испуская с лёгким шелестом облизывающее дно кастрюли пламя. Кстати, пока мы не ушли из кухни, я должен сказать, что тогда я впервые в жизни ел сосиски. Затем нас завели в спальню, обставленную мебелью из орехового дерева. Два шкафа во всю стену, две широкие деревянные кровати, две прикроватные тумбочки и у окна трюмо с пуфиком. Постель прикрыта небесно-голубого цвета атласными китайскими покрывалами с набивным серебряным рисунком, а на окнах такого же цвета гардины, подвязанные парчовыми поясами с золотыми кистями. Ну, чистый ампир! Это мне показалось пределом роскоши, ведь я ещё не бывал ни во дворцах, ни в богатых музеях. Кабинет находился рядом со спальней. Все четыре стены были до потолка уставлены книгами. Посреди кабинета стоял концертный рояль фирмы «Стейнвей», заваленный нотами. У окна огромный письменный стол с резными тумбами и креслом, а

в низкой нише, врезанной в книжные полки, раскинулся диван, который позднее неоднократно будет подставлять мне своё мягкое нутро во время моих командировочных наездов в Москву. Гостиная запомнилась не только своей роскошной мебелью, но, главным образом, стоящим в пузатом серванте царским столовым сервизом на 12 персон. Причём, царским – это не фигура речи, как сейчас любят говорить, а действительно, это был сервиз с царскими вензелями из саксонского фарфора «голубые мечи». Детская, которая тогда была гостевой комнатой, мне никакими особенностями, будоражащими воображение, не запомнилась. Я так подробно остановился на описании квартиры дяди Жени лишь только потому, что это уж очень сильно отличалось от условий, в которых жили мы и всё наше окружение. Как ни странно, это оказалось одним из самых ярких впечатлений моего детства. Несколько дней спустя, мы поехали с Жарковскими на дачу в Звенигород, который находился в 50 километрах от Москвы. Красоты этих мест чудесным образом расположились на полотнах И.И.Левитана, А.К.Саврасова, И.Е.Репина и многих других великих русских живописцев. А для детей там было сказочное раздолье. Купанье в речке, прогулки по благоухающим лугам и неистощимые домашние затеи. Компания подобралась весёлая и горазда на всякие выдумки. Иногда в этом принимали участие и взрослые, намеренно создавая интеллектуальный фон нашим игрищам и забавам. Родители затевали с нами постановки шарад. Придумывалось слово, которое разбивалось на значащие слоги, и потом эти слоги и задуманное слово в целом разыгрывались весёлыми сценками, а зрители должны были отгадать, какое слово разыгрывалось. Обычно мы делились на две команды. Во главе одной стоял папа, а другую возглавляла мама или дядя Женья. Но им удавалось как-то так нами руководить, что мы были уверены в том, что почти всё мы придумали и разыграли сами. Запомнилось слово «метрдетель», которое разбили на три слога - метр+дет+ель. Очень смешно папа изображал метрдотеля ресторана, улаживающего конфликт с капризными клиентами. Часто играли в «наборщика». Из букв одного длинного слова нужно было составлять другие

слова. Побеждал тот, у кого слов оказывалось больше. Тут не было равных дяде Жене, за ним, наступая на пятки, шла мама, а мы – дети пасли, как говорится, задних. Света в этих играх обычно участия не принимала. А мы боролись всерьёз. Недалеко от нас находилась дача академика Передерия – выдающегося мостостроителя. По субботам и воскресеньям там собиралась «золотая молодёжь». У Андрея - сына академика была машина «Москвич», что в то время даже для детей таких знаменитых родителей было в диковинку. Иногда эта машина выскакивала из ворот дачи, как чёрт из табакерки, и носилась по посёлку, выделывая пируэты, явно противоречащие правилам дорожного движения. Из дома, в котором они собирались, звучала манящая совершенно незнакомая джазовая музыка, слышны были взрывы смеха, громкие крики, а порой и пьяная ругань. Нас мучило любопытство, но мы вынуждены были оставаться на почтительной дистанции. Однажды к ним на «козликах» ГАЗ-67 приехала милиция, и всех увезли. По слухам на этой даче произошла поножовщина со смертельным исходом. Я ходил, задыхаясь от нахлынувших чувств, связанных с этими событиями, и даже чувствовал себя, в какой-то мере, их участником. А уже в Киеве прочитал статью Б.Протопопова и И.Шатуновского «Плесень», которая вышла в «Правде» в ноябре 1953 года. В ней шёл разговор о праздношатающей молодёжи, детях известных и обеспеченных родителей, восхваляющих чуждые простому советскому человеку западные ценности, одевающихся по зарубежным журналам и предпочитающих советской музыке музыку тлетворного запада. В те годы звучал гневный лозунг или, как теперь говорят, слоган:

Сегодня ты играешь джаз,
А завтра Родину продашь.

На самом деле это было начало широкой и разнузданной кампании по борьбе со стилями – молодыми людьми, которым, благодаря родителям, выезжающим иногда за границу из затхлого советского бытия, удалось заглянуть в приот-

крывшуюся щёлку и глотнуть немного свежего воздуха. Но борьба с ними развернулась нешуточная. По городу ходили народные дружинники, и ловили, так называемых, стилияг, обрезали их набриолиненные коки волос и разрезали брюки-дудочки. Такие были времена.

Как-то на выходные дни к Жарковским в гости приехала Светина двоюродная сестра Таня со своим мужем. Таня была ослепительной красавицей, я просто не мог оторвать от неё глаз и тайно мысленно её преследовал. Много лет спустя, когда мы встретились вновь, её внешность мне уже не показалась такой безупречной. К тому времени у меня было с кем сравнивать. А её мужем был известный детский писатель Иосиф Дик (1922-1984), который вернулся с Войны без обеих кистей рук и одного глаза. Но назвать его инвалидом просто не поворачивался язык. Это был человек полон жизни, управляющийся своими культями во всех жизненных ситуациях без посторонней помощи им же придуманными и изготовленными приспособлениями. Я видел, как он пишет, вмонтированной в протез ручкой, я был свидетелем, как он ловко управлялся с бутылкой, разливая напитки соседям по столу. Но самым потрясающим было наблюдать, как он водит машину. Иосиф предложил нам прогулку на машине по лесу. Вместо рулевого колеса у него был установлен диск с отверстиями под культы, на рычагах переключения передач и сцепления специальные кольца. Управлял машиной он настолько непринуждённо, успевая при этом разговаривать с сидящими рядом и петь, что было ощущение, будто машина, с лёгкостью минуя встречающиеся деревья, управляется сама. Его пример позволил мне сформулировать для себя простую жизненную истину: в человеке всегда достаточно сил, чтобы преодолеть даже самое тяжкое, если найти убедительный стимул, а таким стимулом может быть сама жизнь.

Но всё имеет начало и конец. У родителей закончился отпуск, вернее у мамы, поскольку папа, как свободный художник, имел не только ненормированный рабочий день, но и нерегламентированный отпуск. Мы вернулись в Киев, и каждый занялся своими делами. Мама погрузилась с головой в проблемы общественного питания, папа продолжил

калёным железом сатиры и юмора выжигать всяческие недостатки, Ира окунулась в гущу студенческих событий, а я со товарищи впустую расходовал энергию и остатки лета. Наш дом по-прежнему, как магнит, притягивал Ириных и моих друзей и друзей наших родителей. В эти годы у нас часто бывали Скоморовские, Томашевские, Кржепицкие, Коганы, Бергольцевы, Соболи, Марочка Каган и Мифа Богославская, речь о которых ещё впереди. Застолья были скромными: водочка, винегрет, картошка и селёdochка, а позже ассортимент расширился появлением салата оливье и жареной в луке печёнки. А к чаю обычно в зависимости от времени года и настроения мамы были тающие во рту коржики, хрусты в сахаре или, так называемый, сочный сливовый «витин» пирог. До сих пор память сохранила вкус маминих кулинарных творений.

Папа с Синёвым закончили работу над «Транзитными пассажирами» и, как заправские сбытовики, продуманно и планомерно стали предлагать свою пьесу театрам. Параллельно папа продолжал сотрудничать с периодическими изданиями. В Москве он познакомился, уж не помню как, с молодой испанисткой Майей Абезгауз, которая предложила сделать переводы двух пьес Лопе де Вега. Она делала подстрочник с необходимыми языковыми комментариями, а папа по подстрочнику делал поэтический текст, максимально приближая его к оригиналу. Для этого пришлось знакомиться с особенностями литературного испанского языка, перечитать пьесы Лопе де Вега, уже переведенные к тому времени на русский язык, и всю критику по литературному наследию великого испанского драматурга. В результате двухлетней работы были сделаны переводы двух пьес, которые никем и никогда ещё не были переведены на русский язык: «Валенсианские безумцы» и «По мостику Хуана». Пьеса «Валенсианские безумцы» в папином переводе много лет шла на сценах театров страны. В частности, я обнаружил последнее сообщение в Интернете о том, что эта пьеса была поставлена Константином Райкиным в 1990 году. Так часто бывает в жизни, что творческое наследие намного переживает автора, а в данном случае ещё и переводчика.

Осенью 1953 года к нам по дороге из Инты в Москву заехал Люся Каплер, приятель молодости моих родителей, бывший «чипыстановец». Я помню, что за столом сидел очень симпатичный коренастый мужчина с измождённым широким лицом. Его голову венчала непокорная пышная шевелюра. Говорил, главным образом, он и его слушать можно было бесконечно.

Алексей Яковлевич Каплер

Алексей Яковлевич Каплер (1904-1979), выдающийся советский кинодраматург, автор таких фильмов, как «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» имел неосторожность на приёме в Кремле в 1942 году познакомиться с юной Светланой Сталиной. Вспыхнул бурный и трагический роман, подробности которого всем известны, а

потому без ущерба для повествования, я их опускаю. Сталина не обрадовала перспектива стать тестем еврея, и он отправил несчастного влюблённого на десять лет (5+5) подальше от Москвы под Воркуту. Не помогло ни то, что Каплер к тому времени был обладателем Ордена Ленина (1938), ни даже то, что он был лауреатом Сталинской премии первой степени (1941). И вот загадка: где вершатся людские судьбы? Там в Инте, в «Отдельном лагерном пункте №5» Люся Каплер встретился с будущим мужем Иры – Маратом Берковским. В рамках кампании по борьбе с «безродными космополитами» высасывались из пальца дела антисемитской направленности. Марат – студент первого курса Киевского Киноинженерного института, получивший в 1949 году 5 лет, как участник сионистского заговора (а надо сказать, что участники этого самого коварного заговора познакомились друг с другом лишь на суде), отбывал свой срок на строительстве очередной шахты в Инте. Туда же в 1950 году прибыл по этапу ЗК №... Каплер. В тех условиях землячество (оба киевляне), да ещё подкреплённое национальным един-

ством, так или иначе, соединяло людей, даже несмотря на разницу в возрасте и уровень жизненного и интеллектуального кругозора. Они много свободного времени проводили в разговорах вместе и Марат, раскрывши рот, слушал интереснейшие истории из жизни кинематографа более опытного товарища по несчастью. Вернувшись в мае 1953 года в Киев, Марат познакомился с Ирой. Он вместе с мамой жил тогда у Марьямовых на улице Пушкинской. Марьямов Исаак Яковлевич (1899 – 1964), дядя Изя – мамин дядя (родной брат бабушки) работал снабженцем на кинофабрике. Его жена – Генриетта Григорьевна (1901 – 1969), тётя Гутя, была домохозяйкой. Их дети – Ива и Юра – мои тётя и дядя соответственно. Сегодня Ива живёт в Тель-Авиве, а Юра – пока в Москве. Пишу пока, потому что как раз сейчас Юра и его жена Наташа оформляют (давно надо было) свой отъезд в Америку, где живёт сын Наташи. Какое-то время после войны с Марьямовыми жила Ася Григорьевна Копыленко (1903-1972) – родная сестра тётя Гути, мать Марата. Дядя Изя и тётя Гутя внешне представляли собой весьма комичное зрелище – высоченный и какой-то остроугольный, как михалковский дядя Стёпа, Изя и маленькая кругленькая, обтекаемая, как гоголевская Коробочка, Гутя.

Исаак Яковлевич и Генриетта Григорьевна Марьямовы

Это были очень милые и душевные люди. Жили материально они довольно стеснённо, но когда бы я к ним ни приходил, меня всегда перво-наперво сажали за стол и кормили, а на десерт был знаменитый компот тётки Гути и коржики. Марьямовский дом славился своей доброжелательностью и гостеприимством. Ива помогала мне с английским, а Юра давал мне переписывать свои старые сочинения, отличающиеся, очевидно, высокой художественностью, что и привело его, в конце концов, в литераторы. Пока тётка Гутя воспитывала детей и создавала в доме патриархальный уют, дядя Изя разъезжал по своим снабженческим командировкам, выбивая фонды и дефицитные материалы для кинофабрики, но, попадая в Москву, они с дядей Женей (тогда он ещё был холостяком) пускались во все тяжкие и отрывались с девочками по полной программе. Мне рассказывал дядя Женя, что у них это называлось – пошалить. Учитывая превосходство дяди Изи в возрасте, как старшего в клане, папа в шутку называл его «архипархом», а его служебные поездки – «гастроли архипарха».

В 1954 году Ира успешно окончила Киевский институт народного хозяйства и получила назначение в Донецк. К тому времени они с Маратом уже женихались на полную катушку, и даже была назначена на ноябрь дата их бракосочетания. Но судьба-индейка творила своё чёрное дело - в октябре Ире было предписано явиться по месту назначения в Донецк. Папа поехал вместе с ней, чтобы первое время поддержать ребёнка - помочь с поиском жилья и просто на всякий случай. Но тут фортуна, что называется, неожиданно проявила свою благосклонность. Место, предназначенное Ире, оказалось уже занятым и ей дали открепление. Через два дня они счастливые вернулись домой.

Вскоре в Киев проведать сестру приехал Люся Каплер, и родители вновь встретились с ним. Они рассказали, что тот самый Марат, с которым он коротал эти жуткие годы в ГУЛАГе, вот-вот станет мужем их дочери. Каплер лестно отозвался о женихе и даже прислал Ире и Марату поздравительную телеграмму. В дальнейшем мы его видели только на телевизионном экране в качестве замечательного ве-

душего передачи «Кинопанорама». Но жизнь всегда полна неожиданностей. На днях мне позвонил человек и представился Анатолием Алексеевичем Каплером. Он живёт в Дюссельдорфе, а узнал о моём существовании от нашего общего доброго знакомого Георгия Пакмана. Разговор длился больше 40 минут, и нам никак не хотелось его завершать. Мы договорились о встрече в Кёльне, тем более что Анатолий сам водит машину, несмотря на свой солидный возраст (82). И, чтобы завершить тему, связанную с именем Каплера, перескажу историю, которую поведал мне по телефону Анатолий. Когда А.Каплера посадили, сразу же из титров фильмов исчезла его фамилия. Режиссёр обоих картин Михаил Ромм автоматически становился единственным автором и получателем гонорара за двоих. Но после возвращения Каплера в Москву выяснилось, что Ромм открыл отдельный счёт на имя Каплера и перечислял туда все до копейки деньги, причитающиеся ему, как сценаристу. Эта сумма – более ста тысяч рублей позволила Алексею Яковлевичу достаточно быстро вписаться в непростую московскую жизнь.

Однако вернёмся вновь в пятидесятые годы. Как и было запланировано, Ира и Марат стали мужем и женой 21 ноября 1954 года. Наш терем-теремок пополнился ещё одним симпатичным молодым человеком. Он настолько легко и естественно вписался в нашу семью, что никого не удивило, когда однажды он, немного пережив, торжественно провозгласил: «Тёща – это человек!».

В 1956 году я закончил среднячком школу. Надо сказать, что папа и мама, как и в случае с Ирой, не слишком участвовали в моём учебном процессе, зато и хвастаться им было нечем. В институт не поступил (очень мешала пятая графа), пришлось идти в вечерний техникум и поступать на работу. Я пришёл учеником слесаря на завод, где всего девять лет назад директором был папа, и совершенно незаслуженно получал к себе особое отношение всех – от рабочих и до руководства, греясь в лучах доброй памяти людей о папе. О нём говорили только хорошее, искренне и, разумеется, теперь совершенно бескорыстно. Я радовался, гордился и старался не подвести. Придя домой, пересказывал всё папе, а он, как

обычно фыркал, скромно отводя глаза, но я видел, что ему это было тоже приятно.

В сентябре 1957 года неравновеликими усилиями Марата и Иры на свет божий был произведен Дима, он же Владимир Маратович, внук-первенец. Любимец бабушки и дедушки. Терем-теремок разрастался. У папы теперь для работы оставались только поздние вечерние часы. Мама, прибегая с работы, сразу подключалась к обихаживанию внука. Но все трудности, возникшие в связи с появлением нового человечка, с лихвой компенсировались у наших родителей чувством любви и нежности к этому маленькому существу. Когда привезли Димочку из роддома, начался нескончаемый поток приветствий. Наибольшее впечатление произвёл приход Юрия Петровича Дольда-Михайлика - друга Марочки Каган, который заранее оговорил своё кумовство и, соответственно, приоритетность в выборе подарка.

*Юрий Петрович
Дольд-Михайлик*

Юрий Петрович Дольд-Михайлик (1903-1966) известный украинский писатель, драматург и публицист, автор, пожалуй, самой популярной в пятидесятые – шестидесятые годы остросюжетной трилогии о разведчике Григории Гончаренко (он же - Генрих фон Гольдринг). Спустя много лет Юрий Петрович познакомил нас со своим младшим братом, который был прямым прототипом Григория Гончаренко, и вся основная сюжетная канва книги списана с событий его жизни военных лет.

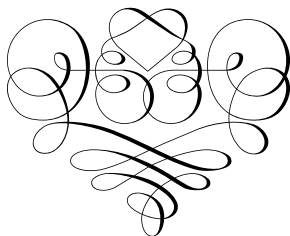
С ним случилась достаточно банальная история. После напряжённейших лет в логове врага он возвращался домой. Когда он ужинал в привокзальном ресторане, к нему пристал пьяный фронтовик, который оскорбил его, обзвав тыловой крысой. И тут, как ни странно, у опытного разведчика сдали нервы, и он выстрелил в обидчика. Отсидев десять лет, он теперь жил в Харькове и работал токарем на ХТЗ.

По первому, самому известному роману трилогии «И один в поле воин» в 1960 году на киностудии им. Довженко был снят фильм «Вдали от Родины», который побил все рекорды популярности и стал безоговорочным лидером проката. С Юрием Петровичем поддерживались тёплые отношения все годы вплоть до его кончины. Были встречи у нас дома, у него на даче и даже совместные выезды на его катере на рыбалку.

Но вернёмся к появлению у нас нового члена семьи. Юрий Петрович заехал на своей новой «Волге» к нам во двор и снизу настойчиво просигналил (тогда это ещё было возможно), а, убедившись, что мы дома, втащил в квартиру с помощью своего водителя детскую коляску, наполненную бутылками коньяка, конфетами и фруктами. Как водится, были произнесены цветистые тосты во здравие новорожденного, его родителей, бабушки и дедушки. После очередной порции коньяка стало ясно, что Юрий Петрович притомился, и Марочка увела его к себе, благо она жила этажом выше нас. У Иры хранится книга Юрия Петровича «И один в поле воин» с дарственной надписью: «Ире и Марату, с уважением от кума и автора. Юрий Дольд».

Здесь мне хотелось бы сделать паузу в моём относительно последовательном повествовании и переключить ваше внимание на моих родных дядьёв – дяде Шуре и дяде Жене.

*Александр Яковлевич
Строев*

Папин брат – дядя Шура, Александр Яковлевич Строев (Золотаревский) родился в 1904 году, как и папа, в Черкассах. Но прежде, чем вкратце изложить страницы его яркой биографии, хочу несколько слов сказать о том, каким он запомнился мне. Это был скромный человек невысокого роста и субтильного телосложения, с мягкими манерами и тихим голосом. При этом он обладал твёрдым характером и непоколебимой принципиальностью. Узкое лицо с глубоко посаженными внимательными карими глазами и распадающейся шевелюрой, которую он, скорей всего непроизвольно, во время разговора иногда приводил в порядок растопыренной пятернёй. Обладая широким интеллектуальным кругозором, дядя Шура был интереснейшим собеседником. Его любовь, забота и нежность по отношению к жене - тётке Кларе и дочкам - Гале и Наташе ощущались во всех поступках и просто в общении с ними. Но главным в его жизни была работа, причём работа на советском идеологическом фронте, где шаг вправо – шаг влево и, как поётся в песне «вот пуля пролетела и ага...». Отдохновение он находил только в семье или занимаясь своими любимыми хобби – нумизматикой либо прогулкой по диапазонам коротковолнового радиоприёмника. В свободное время он мог часами перебирать свою коллекцию монет, сопоставляя даты и геральдические символы, отображающие тот или иной период истории. Ну а глубоким вечером он уединялся со своим другом-радиоприёмником и, пробиваясь сквозь глушилки и гуделки, пытался слушать разные «вражеские голоса».

С 1920 года ещё в Черкассах дядя Шура активно включился в комсомольскую деятельность. Тогда же он сменил свою фамилию на псевдоним – Строев. Это было принято в рядах партийно-комсомольского актива. Вскоре Александр Строев стал руководителем губернского отделения КСМУ. В 1924 году его направили в Киевский губком комсомола, где через два года он вступил в ряды ВКПБ. С этого времени и в течение пяти лет он работал редактором молодёжных газет в Киеве и Одессе, где в 1931 году познакомился со своей будущей женой Клавдией Михайловной Колкер (1910-1975) – тёткой Кларой. В 1931 году дядю Шуру назначили заведую-

щим отделом образования ЦК ВЛКСМ и он перебрался в Москву, где на протяжении пяти лет совмещал эту должность с работой главного редактора газеты «Пионерская правда». Как ещё один штрих к образу Александра Яковлевича Строева, я процитирую маленький отрывок из воспоминаний племянника дяди Шуры - Виктора Калиховского: «В разгар сталинских репрессий А.Я. имел мужество начать публикацию в “Пионерской правде” повести А. Гайдара “Судьба барабанщика”. Повесть эта была адресована не только детям, но и взрослым – в те годы любой человек, который мало-мальски умел читать между строк, понимал, что герой повести – юный барабанщик, отец которого отбывает срок наказания за какие-то мнимые “преступления”, сын репрессированного. Как рассказывал мне А.Я., через какое-то время после начала публикации ему позвонили из ЦК и «посоветовали» публикацию прекратить. А.Я. возразил, что повесть вызывает большой интерес у юных читателей, и, что он лично не видит в ней ничего крамольного. Таким образом, удалось продлить публикацию повести, но, к сожалению, ненадолго».

С 1938 года - аспирантура в Московском библиотечном институте. К тому времени дядя Шура и тётя Клара уже шесть лет жили в гражданском браке. Тогда в этом не было ничего необычного. У них появились две дочурки - Галя (1935) и Наташа (1938). Припомнился эпизод, рассказанный мамой много лет спустя. Папа после освобождения из мест предварительного заключения, где провёл страшных полтора года, приехал в Москву, чтобы поделиться с братом своим горьким опытом и всем ужасом происходящего в стране. Но, увидев слёзы в глазах дяди Шуры и его умоляющий взгляд, оборвал свой рассказ на полуслове и больше, по-моему, никогда не возвращался к этой теме. Это для дяди Шуры было настоящим крушением идеалов. Конечно, он не мог не знать, не мог не видеть того, что происходило рядом в Москве, но это же были враги народа, а тут родной брат и – немецкий шпион. Нет, этого, конечно же, не могло быть! И потому вполне естественно, что, в конце концов, во всём разобрались, и Изю освободили. Вот в такой зашоренности, базирующейся

на искренней вере партии и правительству молодого государства, жила преобладающая часть населения СССР. Уже в 1940 году здравомыслящим людям становится совершенно ясно, что страна стоит на пороге войны с Германией. Многоопытный дядя Шура оформил семейные узы с тётёй Кларой для того, чтобы, если бы война всё же началась (участие в ней было само собой разумеющимся), жена и дети могли бы получать аттестат, как семья фронтовика. В 1941 году дядя Шура ушёл добровольцем на Войну. С Третьи Украинским фронтом, ранее называемым Юго-Западным, он прошёл всю Войну и демобилизовался в чине майора лишь в 1946 году в связи с назначением на должность главного редактора журнала «Вожатый».

Дядя Шура и девочки, 1945 год

В 1948 году страна широко отмечала тридцатую годовщину образования комсомола и в связи с этим многие комсомольцы-ветераны были отмечены высокими правительственными наградами. В том числе Орден Ленина получил и дядя Шура. Тут нужно отметить, что дядя Шура никогда не надевал свои ордена и медали, а их было немало.

Дядя Шура, 1949 год

Тетя Клара, 1949 год

С 1953 года и практически до конца своих дней дядя Шура работал редактором отдела фантастики и приключенческой литературы издательства «Молодая гвардия».

Но в последние годы, в связи с ухудшением здоровья, он не мог ежедневно ездить в издательство и продолжал работать с авторами уже дома. Тётя Клара со свойственным ей радушием и обаянием встречала подопечных дяди Шуры, кормила их, а иногда в паузах даже занимала милыми светскими беседами.

Долгие годы дядю Шуру связывала творческая дружба с такими маститыми авторами в этом жанре, как: Ю. Семёнов, А. Ваксберг, братья Вайнеры, Л. Шейнин, А. Адамов и др. До 1953 года мы, приезжая в Москву, всегда останавливались в квартире у Строевых во 2-ом Обыденском переулке, где, несмотря на тесноту, нам всегда были рады.

В 1966 году дядя Шура и тётя Клара вместе с Наташей и её мужем – Мишей Гитлевичем переехали в Останкино, а несколько раньше новую квартиру в Сокольниках получили Галя, её муж – Миша Хенкин и их дочка - Леночка.

Тётя Клара была родом из Одессы. И всё, что можно было воспринять от этого происхождения, ей удалось впитать в себя. Это лучистые глаза и солнечная улыбка, неповторимый одесский юмор и необычайная лёгкость характера, очаровательная восторженность и мягкое грусирование. Единственное, как мне казалось, что её отличало от своих земляков, это полное отсутствие практической хватки и незащищённость от внешних невзгод. Но даже и в этом был какой-то дополнительный шарм. Мне очень нравилось, как дядя Шура обращался к ней. В зависимости от ситуации либо - «доця», намекая на то, что был старше на шесть лет, либо – «старшая», поскольку младшими были их дочери.

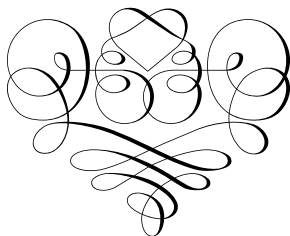
После Одесского экономического техникума Клавдия Михайловна окончила в Москве «Плехановку» и долгое время работала экономистом на кинокомбинате. Во время Войны семья эвакуировалась в Башкирию, где тётя Клара, имея на руках двух маленьких девочек, чтобы прокормиться, вынуждена была работать в поле, что оказалось ей просто не по силам. В результате – тяжёлое осложнение на сердце и

неутешительный диагноз – мерцательная аритмия на фоне стенокардии. И это в 33 года. Но, благодаря неиссякаемому жизненному оптимизму, она никогда не была в тягость своим близким. Клавдия Михайловна ушла из жизни в 1975 году. Дядя Шура не представлял себе жизни без тёти Клары и пережил её всего на год.

Александр Яковлевич скончался в мае 1976 года.

Я очень любил и люблю эту семью.

*Евгений Эммануилович
Жарковский*

Мамин брат – дядя Женя, Евгений Эммануилович Жарковский (1906 – 1985) родился, как и мама, в городе Киеве. Почему-то о дяде Жене мне трудно начать рассказ. Вот уже битый час я сижу и пытаюсь найти нужную схему повествования и подходящие слова, но это оказывается не так просто. В моей памяти всплывают два его внешних образа. Первый – это блестящий морской офицер и второй – импозантный преуспевающий композитор. Последние годы он мне внешне напоминал Василия Меркурьева в роли академика Нестратова из фильма «Верные друзья». Ему всегда удавалось каким-то чудом сохранять величие облика даже в домашнем халате. На самом деле, это был крупный холёный рыжеватый мужчина с удивительно красивыми длиннопальными кистями рук, переливающимися золотистым пушком волос. В этом человеке причудливо слилось множество талантов. Он был прекрасным композитором, одним из лучших среди собратьев по профессии пианистом, хорошим, как бы сейчас сказали, менеджером и блестящим оратором. Кроме того, он не был обделён и литературным дарованием. Дядя Женя с лёгкостью выстреливал забавные стихотворные экспромты и писал яркие статьи о музыке и музыкантах. Он был человеком сдержанных чувств. Как видно все заложенные природой эмоции ему удавалось растратить на холостяцких гуляках, на которые он был большой мастак.

Однако в его жизни была настоящая любовь, которую дядя Женя сохранил до конца своих дней – любовь к своей сестре - Риточке, нашей маме. И это было по-настоящему трогательно. К нам же он относился по-родственному – тепло и дружелюбно. Но в отражённых лучах его любви к маме иногда грелись и мы. О его тревоге и заботе о маме во время Войны я уже писал. Кроме того, после войны он неоднократно брал маму с собой на курорт (Минеральные воды) или на отдых в композиторские дома творчества. Мама рассказала забавный случай. Однажды, когда они отдыхали в Рузе, туда привезли иранскую делегацию, которую возглавлял шах Ирана – Мохаммед Реза Пехлеви. Это был один из его государственных визитов в СССР. Нашим руководителям захотелось показать, как замечательно отдыхают

творческие работники. Его водили от коттеджа к коттеджу и знакомили с композиторской элитой страны. Отличился, как всегда, записной шутник - Сигизмунд Кац. Когда делегация и сопровождающие подошли к его коттеджу, их на веранде встретили С.Кац и его жена. По протоколу мажордом представил высоких гостей: «Шахиншах со своею шахинею». Сигизмунд Кац, ни секунды не раздумывая, тоже представился: «Кацинкац со своею кацинею». Потом пришлось долго объяснять шаху, почему раздался гомерический хохот. Дядя Женя всегда очень бережно относился к своему здоровью. Врачи – самые лучшие, лекарства – самые дефицитные, а парфюмерия и средства гигиены – самые дорогие. От него всегда пахло эдаким барином. Я любил бывать у них. Там я встречался, что называется, вживую с известными публичными людьми и в частности с популярными певцами – И.Кобзоном, Ю.Богатиковым, В.Толкуновой и др. Жарковские были в дружбе с Мартинсонами, и однажды я даже играл с Сергеем Александровичем в шахматы. Это был актёр редкого комедийного дарования, а вот с шахматами у него было похуже.

С огромной признательностью я вспоминаю Дмитрия Борисовича Кабалевского, который по просьбе дяди Жени привёз из-за границы для Ирочки очень дорогое лекарство. Я с трепетом шёл в дом к живому классику, который жил в соседнем с Женей парадном, чтобы взять этот препарат. Дмитрий Борисович сам открыл мне дверь, провёл в кабинет, усадил в кресло и, угостив каким-то крепким и ароматным чаем, стал подробнейшим образом расспрашивать об Ирочке. Прощаясь, он вручил мне привезенную упаковку, категорически отказавшись взять деньги, и сказал, что, если будет ещё необходимость, мы можем без стеснения прямо обращаться к нему. Причём чувствовалось, что сказано это было совершенно искренне.

С дядей Женей у меня связано и первое в моей жизни посещение ресторана. Это был ресторан «Пекин», куда он пригласил нас всех во время приезда в Москву в 1949 году. Это было шикарно и очень вкусно. Особенно мне запомнились суп с лапшой и грибами сянгун и утка «по-пекински».

Спустя десять лет в мой очередной приезд в Москву дядя Женя предложил мне пообедать по соседству в небольшом ресторанчике Московского дома композиторов. Мы ели там их знаменитое фирменное блюдо - «караси в сметане». На меня произвели впечатление не столько эти самые караси, сколько антураж и узнаваемость сидящих рядом за столиками людей.

Детство, юность и отрочество Евгения Жарковского прошли в Киеве, где он в 1928 году окончил Киевский Музыкальный институт им. Лысенко. С 1929 по 1934 год он учился в Ленинградской консерватории, которую закончил по классам фортепиано и композиции. В Ленинграде он жил в общежитии при консерватории и в порядке экономии денег готовил себе на примусе обеды. Так вот на эти самые студенческие обеды повадился приходить один из преподавателей – Петр Иванович. Женя поначалу терпел, но, когда это вошло в систему, он стал думать, как от него избавиться. Этой проблемой он поделился со своим сослуживцем и товарищем Никитой Богословским, который уже тогда был известен своими розыгрышами. Тот Женю успокоил и сказал: «Иди, готовь обед, а я ненадолго отлучусь». Вскоре он действительно пришёл, неся взятый напрокат в аптеке скелет. Они усадили скелет на то место, где обычно обедал Пётр Иванович, повесили салфетку под челюсть и стали ждать. Наконец, со стуком открылась дверь, и появился долгожданный нежеланный гость. И тут Никита обратился к скелету: «Что же Вы, Пётр Иванович, не кушаете? Ведь на Вас уже лица нет. Мы так стараемся, но видно не в коня корм». С лёгким скрипом дверь закрылась. Больше халявный едок не появлялся.

После завершения учёбы в Ленинграде дядя Женя переехал в Москву, где вскоре познакомился с бывшей балериной Большого театра, фамилии которой я, к сожалению, не смог выяснить. Знаю лишь только то, что её звали Раиса Николаевна. Она стала первой женой дяди Жени. Но счастье было недолгим. Она оказалась болезненно ревнивой дамой. Что уж там между ними происходило, мне не известно, но уже к 1940 году они не только развелись, но даже дядя Женя на какое-то время сбежал от неё из Москвы в Киев.

Мама и дядя Женя в Золотоворотском саду перед Войной

В 1943 году Е.Э.Жарковский ушёл добровольцем на Северный флот, где прослужил до конца Войны. Там же он создал свою визитную карточку – песню героев-североморцев «Прощайте, скалистые горы». В дни сорокалетия Северного флота в Североморске был открыт величественный памятник защитникам Заполярья в годы Великой Отечественной войны. С тех пор каждые 30 минут в записи звучат первые такты любимой песни североморцев «Прощайте, скалистые горы».

После Войны дядя Женя много и плодотворно работал. Он писал музыку в различ-

ных музыкальных жанрах. Это и симфонические произведения, и две оперы, и кантаты, и пять оперетт (оперетта «Морской узел» долгое время звучала со сцен большинства театров оперетты), и множество (более 300) песен. Их успешно исполняли лучшие певцы страны: Леонид Утёсов, Клавдия Шульженко, Гелена Великанова, Майя Кристалинская, Владимир Бунчиков, Людмила Зыкина, Иосиф Кобзон, Валентина Толкунова, Юрий Богатиков и многие другие. В 1952 году дядя Женя женился на молодой цветущей девушке Свете, Светлане Николаевне Михайловской (1928). Они въехали в новую шикарную четырёхкомнатную кооперативную квартиру на улице Огарёва возле Центрального телеграфа. В 1954 году у них родилась дочка – Елизавета, ставшая впоследствии квалифицированным фармацевтом.

Дядя Женя и Света Жарковские, 1961 год

Дядя Женя продолжал активно работать, сочинял музыку, ездил со своими любимыми исполнителями с авторскими концертами по стране. Особенно с большой любовью и уважением его встречали на базах и кораблях Военно-морского флота. В последние годы жизни дядя Женя стал непримирим-

мым критиком всё чаще и чаще появляющихся на эстраде и телевидении непрофессиональных или, в лучшем случае, полупрофессиональных авторов так называемых хитов и шлягеров. Возможно, действительно в их творчестве были какие-то нарушения строгих музыкальных канонов, но их песни неумолимо завоёвывали сердца людей, становясь важным эмоциональным жизненным фоном. Помню, с каким возмущением дядя Женья рассказывал об одном телефонном звонке, свидетелем которого он стал. В приёмной руководителя Союза композиторов СССР Т. Н. Хренникова раздался звонок. Секретарь сняла трубку и услышала: «Соедините меня, пожалуйста, с Тихоном Николаевичем. Это говорит композитор Алла Пугачёва». Дядя Женья долго не мог успокоиться, называя её всяческими малоприятными словами. Однако время показало, что Пугачёва создала много замечательных песен, не говоря уже о том, что её исполнительское творчество на эстраде, на мой взгляд, не имеет себе равных уже на протяжении сорока лет. В 1981 году Е.Э.Жарковскому было присвоено звание Народного артиста РСФСР. Это было приурочено к его семидесятипятилетию.

Этого признания его заслуг в области советской песни, мне кажется, он заждался, а потому, перегорев, отреагировал на него достаточно спокойно. Осенью 1985 года Евгений Эммануилович Жарковский ушёл из жизни. Мы приехали на его похороны, где на всех произвели впечатление слова, произнесенные над гробом Иосифом Давидовичем Кобзоном. Это было сказано не формально, очень искренне и с большим уважением. После похорон уже дома нам дали понять, что мы, не то, чтобы персоны нон грата, но и радости никакой теперь от нашего присутствия никто испытывать не будет. То ли все предыдущие годы дядя Женья преодолевал Светино недоброе отношение к нам, то ли Светлана и Лиза побоялись, что мы будем претендовать на что-то. Не знаю. Но мы уехали с очень неприятным чувством. С тех пор, к сожалению, Света и Лиза практически исчезли из нашей жизни. Все наши попытки что-то наладить в разладившихся отношениях разбивались об индифферентность и холодный тон, а порой и об элементарную невежливость с их стороны.

Евгений Эммануилович Жарковский

Ну, да Бог с ними. Дорогой нам образ дяди Жени от этого никак не может потускнеть. Жаль только, что мама последние годы очень огорчалась из-за такой ситуации. Хочу завершить этот раздел папиными стихами, посвящёнными шестидесятилетию дяди Жени.

Евгению Жарковскому – юбиляру

Не позволяет стряпать на фу-фу
нелёгкое поэта ремесло.
Попробуй-ка из сотни тысяч слов
десяток нужных отобрать в строфу!
А братьям-композиторам лафа.
Будь то Шопен иль Соловьёв-Седой,
сырьё у них одно: до, ре, ми, фа,
ну и естественно: соль, ля, си, до.
Крути, верти, ворочай нотный знак,
друг к дружке тычь, соедини дугой,
но, между прочим, примени их так,
как до тебя не применял другой.
Отдельным композиторам везёт.
Кто край таёжный темой изберёт,
но даль глухую слава на века,
жуёт не мох, цыплёнка табака.
Кто вкладывает творческий огонь
души в многострадальную гармонию,
и до седины, не видя в том греха,
растягивает старые меха.
Кто город воспекает на заре,
кто свой сюжет находит во дворе,
когда квартира, так сказать, в упор
выходит всеми окнами во двор.
Бесценный клад порой зарыт, друзья,
казалось бы в сюжете ерундовском...
Минуточку, о чём бишь это я?
Ах да, о юбиляре, о Жарковском.

Люблю Чайковского! Могуч был Пётр Ильич,
его высот никто не смог достичь.
И всех достоинств охватить нельзя
в коротеньком рифмованном наброске...
Минуточку, о чём бишь это я?
Ах да, о юбиляре, о Жарковском.
Люблю Чайковского и Пушкина люблю!
Живут, вчера написаны как-будто,
«Анчар», «Полтава», «Заяц во хмелю»...
Пардон, оговорился, хмель попутал.
Такая в голове галиматья
от родненькой от этой, от московской...
Постойте-ка, о чём бишь это я?
Ага, о юбиляре, о Жарковском.
Люблю Жарковского! Вот он передо мной.
Пусть он не пишет опер и балетов,
но сила песенных его куплетов
куда пробойней арии иной.
В полярных штормах получив крещение,
не выхолостив песенный заряд,
он творчеством своим и в шестьдесят
приводит слушателей в восхищение.
Когда Евгений был ещё бе-бе,
к его, в то время скромной, колыбели
три феи-чаровницы прилетели
принять участие в его судьбе.
Одна дала ему строптивый нрав,
но и правдивость, и богатство мыслей.
С тех пор он часто, прав или не прав,
в бутылку лезет... в переносном смысле.
Вторая – мастер шуток и проказ -
к постельке будущего краснофлотца
приволокла большой набор лекарств,
с которым юбиляр не расстается.
А третья поднесла особый дар:
сердца людские песнями тревожить.
И сорок лет наш славный юбиляр
избавиться от этого не может.

Мой друг, хоть на афише – шестьдесят,
пусть цифра шесть тебя не огорчает,
ведь хорошо известно, что цыплят,
как правило, по осени считают.
А у тебя июльская страда.
И с каждой новой песней на орбите
мы слышим дружное: «Вот это да!»
А это значит твой талант в зените!...
И вдохновения высок накал!...
Так поднимите каждый свой бокал.
За юбиляра, за жену его,
за всё многоголосое собрание
все вместе выпьем! Больше ничего
не выжмете из тоста моего.
А коли так – спасибо за вниманье!

20 декабря 1966 года.

Теперь, чтобы больше не возвращаться к теме Жарковских, позволю себе несколько строчек о моём двоюродном дяде, с которым я виделся всего один раз.

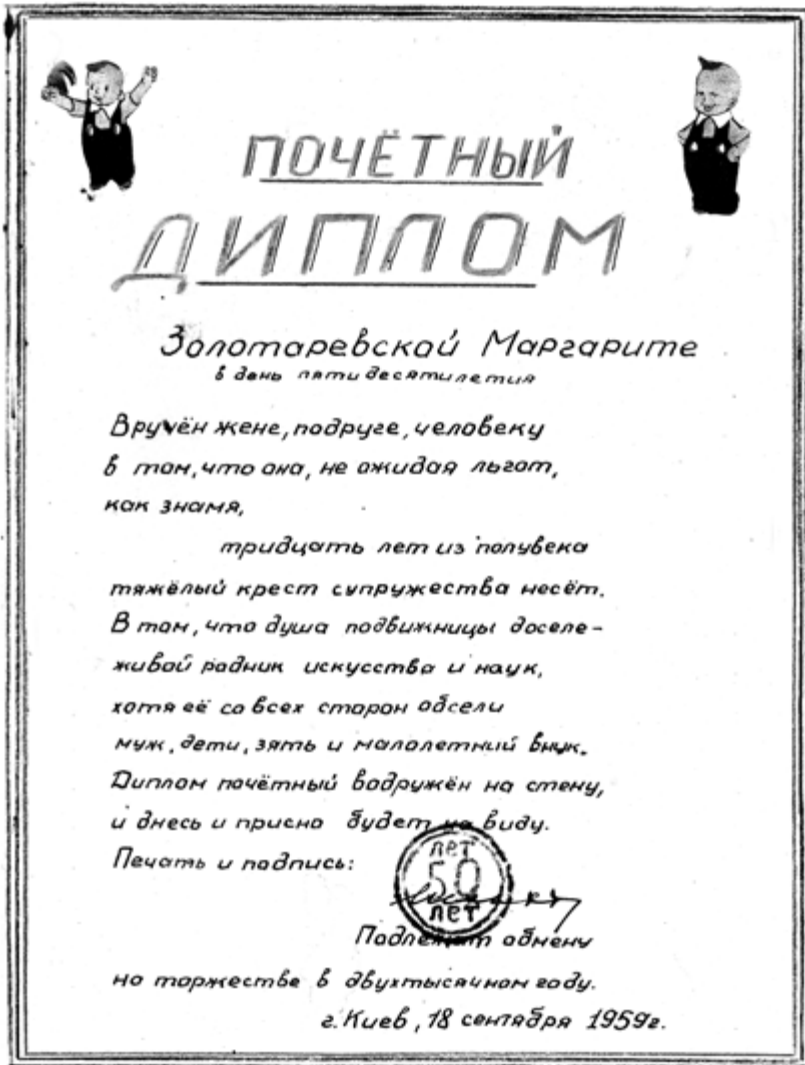
Михаил Аркадьевич Жарковский в роли Кальтенбруннера

Речь пойдёт о Михаиле Аркадьевиче Жарковском (1919-2007) – мамином двоюродном брате, сыне того самого дяди Аркаши, о котором уже ранее шла речь. Михаил Аркадьевич двадцать лет проработал артистом театра им. Вахтангова, но, не сыскав на этом поприще лавров, он стал продвигаться по административной линии. С 1967 по 1985 год он работал директором Московского театра им. Станиславского, параллельно снимаясь в кино. Его звёздной ролью был, несомненно, созданный им образ обергруппенфюрера СС Эрнста Кальтенбруннера в телесериале Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны».

В 1981 году по совокупности заслуг ему присвоили звание Заслуженного деятеля искусств РСФСР. В 1985 году Михаил Аркадьевич Жарковский вышел на пенсию. Он прожил до 88 лет.

Теперь снова вернись-ка я к делам семейным. В доме, как говорят в Одессе, тихо, но весело. Восемь человек, включая домработницу, толклись на 32 метрах коммунальной квартиры. И всё-таки родителям каким-то только им ведомым способом удавалось в доме сохранять не только мирное сосуществование, но и постоянно поддерживать хорошее настроение и атмосферу дружбы и взаимопонимания. 18 сентября 1959 года мы отмечали мамино пятидесятилетие. Дым стоял коромыслом. Ожидался гостевой кворум. За столом по таким торжественным случаям собиралось до 25 человек. Кухня превращалась в горячий цех. Готовился полный джентельменски набор праздничных угощений. Это и салат оливье, и паштет из печени трески, и буженина домашняя или кулинарный карбонат, и толстоспинная селёdochка под рубиновосвекольной шубой, и птичье-говяжий холодец, глядящий на сидящих за столом своими морковно-яичными глазками, и горячее блюдо – обычно, свиные отбивные с благоухающим укропом картофельным гарниром. Финальным аккордом застолья всегда был чай (кофе тогда ещё не котировалось) с неизменными пирогами – «наполеоном» и «сметанником». Вкуснотище – умопомрачительное! Полуживая виновница торжества принимала поздравления, а шутливым гостям не было конца. Папа написал небольшой поздравительный

стишок, который я оформил в виде почётной грамоты.

Семейная почётная грамота к маминому 50 – летию

Как всегда, гости расходились поздно ночью. А замученные хозяева приступали к расчистке авгиевых конюшен. В начале зимы 1960 года я начал встречаться с Таней, которая из-за непростых семейных отношений в своей семье вы-

нуждена была жить в Буче под Киевом. К тому времени её мама - Елена Владимировна со своим молодым мужем - Георгием Сергеевичем и тремя сыновьями жили на улице Мечникова в одной комнате у Жориной мамы. Тане там места не было. Поэтому какое-то время после наших свиданий несчастная девочка возвращалась домой в Бучу одна поздним вечером через лес. А дома её встречали оголодавшие кошка с собакой, которые требовали еды и ласки. В конце концов, мы сняли Тане угол (раскладушка в углу комнаты) у Люды Слуцкой - моей школьной приятельницы, а впоследствии и жены моего самого закадычного друга – Пузи, он же Лёва Эдельштейн. Там она прожила почти год. Всё это очень портило жизнь главным образом, разумеется, Тане, поэтому она стала форсировать события и настаивать на ускорении оформления наших отношений. Когда я сообщил родителям, что мы собираемся пожениться, они, как мне показалось, растерянно улыбнулись и начали задавать малоприятные вопросы. Не рано ли? Как будем жить? Где будем жить? На что будем жить и, что будет с нашим образованием? Я не думаю, что мои ответы показались убедительными, но горячность, с которой я говорил, и их житейская мудрость позволили им благословить нас. По сей день благодарю их за это. Они приняли Танюшу со свойственным им тактом, а, узнав её поближе, полюбили всем сердцем. Обстоятельства нашей свадьбы я попросил припомнить Таню, что она, спасибо ей, и сделала. Привожу ею написанные строчки почти без изменений:

«Как было заказано, начну со свадьбы. Был мокрый день. Именно мокрый, а не дождливый. Моя прическа завилась в мелкий барашек, чего я терпеть не могу. Платье на мне было из голубого жатого нейлона сарафанчиком с шарфом из того же нейлона, предназначенным прикрывать мои костлявые плечи. Расписывались мы в районном Загсе, была довольно большая компания друзей, сотрудников и родственников. Друзья были со стороны жениха, так как у меня таковых не было. Были две девочки с завода, с которыми я работала в одной комнате. Свадебный обед был рассчитан на два дня. Первый – для молодежи. Второй – для старшего поколения. Поскольку все это происходило дома на улице Свердлова (Прорезной) и

на средства родителей жениха (у моей мамы кроме долгов за душой никогда ничего не было), количество гостей дозировалось. В результате чего жених потерял пару друзей, которые не получили приглашения на свадьбу из-за недостатка мест. Я в этих всех обсуждениях не участвовала по причине своих, в общем-то, ничемных возможностей. Отсутствие денег, комната в Буче, среднее образование и ничего не могущая мама со своим молодым мужем и тремя (без меня) детьми-школьниками. На свадьбу приехал из Москвы брат мамы жениха – композитор Жарковский с женой Светланой и дочерью Лизой, а также Любочка Горкина, подруга родителей жениха, очень колоритная и эффектная женщина. Всем им было около 50-ти и мне они казались довольно старыми. Особого пиетета к иногородним гостям не испытывала. Все были чужие. Помню, что в подготовке блюд принимали участие соседи – Максимаджи. Приготовленное Ниной Максимаджи баклажанное соте было необыкновенного вкуса, который повторить мне не удалось за всю мою последующую куховарскую практику. Ещё мне запомнились свадебные кольца, сделанные маминым мужем, поскольку у нас на их покупку денег не было, общая усталость и вздох облегчения после окончания двух туров свадебных дней.

После свадьбы. Гости разошлись

Мы имели три отпускных дня на свадьбу (по закону), после чего приступили к работе и занятиям на подготовительных курсах для поступления в институт. Романтики ноль. Все что-то нам дарили. В памяти осталось большое количество наборов столовых приборов фразе, которые мы потом сдавали по мере необходимости в комиссионный магазин, чтобы поддерживать свой тощий бюджет. Мы и кровь сдавали, (это уже позже) платили около 25-ти рублей за 500 гр. Да плюс обед. Мы довольно долго были зависимыми и поддерживаемыми родителями, хотя паразитами нас нельзя было назвать, работали и учились, ни на что не претендуя». Вот так это выглядело. А в этом году, даст Бог, мы будем отмечать нашу Золотую свадьбу. Наши родители, я в этом убеждён, мысленно будут с нами. А тогда мои родители сняли для нас в центре города проходную комнату в двухкомнатной квартире у их знакомой – Лизы Тартаковской, весьма высокомерной дамы с аристократическими замашками. Однако это ей не мешало после того, как мы укладывались в постель, ритмично поскрипывающей в определённых ситуациях, выскакивать, как чёрт из табакерки, из своей комнаты и гордо проплывать в туалет. Год мы прожили в такой нервной обстановке. В марте 1962 года у Иры и Марата появился второй сын – Алёша. И всё это в те же 32 метра. Мама хотя бы утром сбегала от этого бедлама на работу, а бедный папа кушал творящийся в доме кавардак полной пригоршней. Но ни слова упрёка, только помощь и совет. А за советом к папе приходили многие и довольно часто. Особенно неожиданным было появление в нашем доме Ахто Леви (Липпу Леви Ахтович) (1931).

Как-то позвонил из Москвы дядя Саша Марьямов, который тогда был заведующим отделом в «Новом мире» Твардовского, и сказал, что к ним в редакцию пришёл интересный человек и одарённый писатель. Он принёс свою рукопись «Записки серого волка». Это была автобиографическая исповедь человека, прошедшего все круги ада. Мальчишкой, сбежав из Эстонии, где он родился, в Германию, он прошёл жёсткую школу гитлерюгенда, попал к «лесным братьям» и лично участвовал в грабежах и карательных операциях. В дальнейшем - 15 лет сталинских лагерей. Там ему удалось не только

с ужасом оглянуться на свою прошлую жизнь, но и найти в себе силы изменить свою судьбу. Там же он вёл свой поразительный по откровенности и честности дневник-покаяние. Этот дневник и лёг в основу повести «Записки серого волка». Книга дяде Саше очень понравилась, но у него возникли вопросы, и ему захотелось, очевидно, чтобы папа, учитывая его собственный тюремный опыт, прочитал эту повесть и высказал, автору свои соображения. Когда я зашёл в комнату они с папой уже разговаривали. У стола сидел кряжистый блондин с очень жёсткими и недобрыми чертами лица. Но всё менялось, когда он начинал говорить. Мягкая неторопливая интеллигентная речь окутывала собеседника чувством умиротворения и вызывала искреннее доверие. Книжку мы всей семьёй читали запоем. Надо сказать, судя по тому, что Ахто Леви после публикации повести вновь появился у папы с благодарностью, очевидно папины рекомендации пришлись ко двору. В последствии Ахто Леви стал членом союза советских писателей СССР.

*Ахто
Леви*

Был ещё один эпизод, который завершился не столь благополучно. Марочка Каган – подруга родителей и наша соседка заскочила как-то к нам и рассказала, что печатает публицистическую работу талантливого украинского журналиста Ивана Дзюбы, и она посоветовала ему показать рукопись папе. Так в нашем доме появился Иван Михайлович Дзюба (1931).

Это был относительно молодой брюнет высокого роста с открытым приятным лицом, в котором обращали на себя внимание высокий лоб и тёмные пронизательные глаза. Он принёс свою работу «Интернационализм или русификация?». Чтение заняло у папы несколько дней. Это была большая, серьёзная и глубокая философская работа, в которой Дзюба выступил как ярый поборник, так называемой, украинской национальной идеи, подавляемой все годы официальной идеологией старшего брата. Этот трактат, который мне тоже тогда удалось прочитать, произвёл сильное впечатление, и мне очень захотелось обсудить его с папой. Но, к моему удивлению, он предложил поприсутствовать

при их следующей встрече. Должен сказать, что, пожалуй, я папу в такой роли видел впервые. Похвалив стиль, язык и логику повествования, он жёстко раскритиковал генеральную идею работы. Мне запомнились его слова о том, что национальные черты и особенности любого народа не должны выделяться за счёт других народностей и, уж тем более, не должны нести агрессию. Что же касается негативной роли старшего брата по отношению к остальным республикам и, разумеется, в том числе и к Украине, то папа посчитал это справедливым, но предостерёг Ивана Михайловича от преждевременной публикации трактата, предположив самое худшее. К сожалению, это были пророческие слова. Вскоре Иван Дзюба написал письмо в ЦК КПУ и приложил к нему свой трактат «Интернационализм или русификация?», ставший впоследствии наиболее известным его сочинением. После этого покатилося. Допросы, обыски, увольнения и исключение из Союза писателей Украины. Не помогли Дзюбе и покаянные письма и статьи в прессе, поскольку, по мнению органов, он продолжал грешить.

А в 1972 году И.М.Дзюба был приговорён к пяти годам лишения свободы и пяти годам ссылки. Но времена и ситуация в стране быстро менялись. Ввиду открытой формы туберкулёза, а также благодаря письмам в его защиту коллег по писательскому цеху, Иван Дзюба в ноябре 1973 был помилован и выступил в «Литературной Украине» с очередным покаянным заявлением, в котором отрёкся от своих

Иван Михайлович Дзюба

«прежних ошибочных взглядов». В конце восьмидесятых Иван Дзюба стал одним из лидеров Народного руха Украины, а впоследствии, после установления независимости Украины, он два года был министром культуры Украины. Сегодня после ухода из большой политики Герой Украи-

ны, академик И.М.Дзюба занимается научной деятельностью. На мой взгляд, очень знаковая биография!

Но вернёмся вновь в шестидесятые. Мы с Танюшей, как проклятые, работали и учились. Убегали рано утром, а возвращались поздно вечером. Как говаривал Владимир Познер: «Такие времена». В воскресенье мы с удовольствием приходили на улицу Свердлова пообедать и пообщаться. Очень не хватало родительских прикосновений, при этом меньше всего я имею в виду физический контакт. В 1963 году Танина мама со своей семьёй получила трёхкомнатную квартиру в Дарнице на улице Строителей, куда переехали и мы с Таней.

Теперь у нас была маленькая комната с закрывающейся дверью. В результате 17 января 1964 года появилась Ирочка, наше единственное дитя. Какое-то время мы продолжали жить у тёщи, а уже к концу года Ира и Марат получили, кстати, тоже в Дарнице, квартиру, и мы переехали на Свердлова. Ирочке было чуть больше полугода, когда мы вынуждены были её отдать в ясли на улице Пушкинской. Это удалось только благодаря помощи маминого сослуживца, жена которого там была заведующей. В благодарность мама взялась по рекомендации Якова Самойловича отредактировать его кандидатскую диссертацию. Это был её удачный дебют в новой сфере деятельности. К тому моменту Я.С.Столяров уже работал в Киевском институте торговли. В сентябре 1964 года к маминому 55-летию и одновременно по случаю 35-летия их совместной жизни папа написал, а без этого не могло состояться ни одно семейное торжество, стихотворное поздравление.

Риточке в день рождения

Друзья! Сегодня день особый.
Всем обаяньем женских чар,
как самородок высшей пробы
среди нас сияет юбиляр.

Случалось ли вам видеть рощу
весною после зимних стуж?
Взгляните... А ведь это тёща,
свекровь и бабушка к тому ж.

Приходит к людям возраст хмурый,
когда, простите за намёк,
круглы и даты, и фигуры,
и тощ один лишь кошелёк.

Нет, в нашем браке долголетнем
годам учёта не ведут;
мы с Риточкой не толсты в среднем,
и кошелёк не столь уж худ.

Любовь и труд мы делим вместе,
детей и внуков полон дом...
Лет тридцать пять на этом месте
друзей встречаем за столом.

И будем бесконечно рады
вас видеть долгие года...
А впрочем, ни к чему тирады –
в бокалах водка, не вода.

Так выпьем же за нашу Риту,
что всех прекрасней и белей,
которой все пути открыты...
в объятых любящих друзей!

Мой тост исчерпан. Я кончаю,
чтоб едокам свободу дать;
но всех предупреждаю: чаю
не будет. Можете не ждать.

18 сентября 1964 года.

В начале 1965 года папа перенёс тяжёлый инфаркт, и мама вынуждена была выйти на пенсию, чтобы иметь возможность ухаживать за папой. Тогда из инфарктного состояния выводили очень долго. На нашем участке была очень милая врач Ида Борисовна Смирнитская, относившаяся к

папе с большой симпатией. Это её медицинским уходом, мамиными молитвами и заботой удалось уже через два месяца поставить папу на ноги. Он вновь приступил к активной творческой работе. В 1966 и 1967 годах у него вышли две книжки - «В порядке зарядки» и «Головна перешкода», соответственно в Москве и Киеве.

Лето 1965 и 1966 годов мы проводили в Пирново на Десне. Добирались мы туда разными способами – речным транспортом (это было приятно, но долго), автобусом (и не приятно, и долго), а лучше всего было добираться самолётом. Рядом с Пирново находилось село Высшая Дубечня, которая имела свой аэродром. Это было заросшее густой травой поле, на краю которого стоял сарай, именуемый аэропортом «Высшая Дубечня». Был и начальник аэропорта – Сергей Сергеевич Гаркавка, важная в фирменном картузе фигура, от которого зависело, полетишь ты этим рейсом или будешь ждать у моря погоды. Между Киевом (аэропорт «Жулянь») и Дубечней курсировали двенадцатиместные консервные банки модели АН-2 или, как их чаще называли в народе «Кукурузники». В сарае у Гаркавки имелся радиотелефон, по которому он сговаривался с Киевом о целесообразности того или иного рейса. Так что всё было по-домашнему, почти как в фильме Г.Данелия «Мимино». В те годы многие крупные предприятия имели свои, так называемые, лагеря отдыха с домиками из фанеры и общественными туалетами, о которых Таня до сих пор вспоминает с ужасом. И всё же речка, утренняя рыбалка, а вечером трепотня или преферанс – это был приятный отдых. Но главное – тогда ещё Ирочка была совершенно здорова...

У мамы становилось всё больше диссертационных клиентов. Она с лёгкой руки Столярова уже не только редактировала диссертации-инвалиды, но и, как блины, пекла новые - по общественному питанию. Эта приносило не только хороший заработок, но и истинное творческое удовлетворение.

В 1962 году папа стал членом Союза писателей СССР и одновременно членом Литфонда Украины, что давало возможность хоть и с боем, но получать путёвки в Дома творчества писателей. Несколько раз папа брал для нас путёвки

в дом творчества писателей в Дубултах. Мы ездили туда с Ирочкой и это были счастливые дни. Ежегодно, по крайней мере, один летний месяц, родители проводили в Ирпенском Доме творчества. Они очень любили там бывать. Дом творчества был расположен в живописном месте на невысоким холмистом берегу маленькой речки Ирпень. Там папа с огромным удовольствием и на радость местному котовьему поголовью занимался рыбалкой. Он ловил рыбу простой удочкой-поплавчанкой и очень радовался, если ему удавалось поймать с десятков рыбёшек (окуньков, устирок или плотвичек) пусть даже мелкого калибра, а уж если попадался, скажем, голавль грамм на 150-200, тут восторгам не было предела. Папа с гордостью демонстрировал улов своим менее удачливым коллегам. Вообще, надо сказать, что, благодаря папиному мягкому характеру и философскому спокойствию, он не расстраивался, если улов был маленьким, или, если не удавалось выиграть в шахматы или в преферанс. Для него всегда приоритетным был сам процесс, а результат – уж как получится. Правда, хороший результат доставлял ему всё-таки большее удовольствие.

В Ирпене у родителей сложилась тёплая, дружеская компания, которая собиралась на веранде, называемой «Казино». Они резались в карты, пели песни, играли в буриме, читали стихи, ставили шарады и просто с радостью трепались. Несколько сезонов с бабушкой и дедушкой там отдыхала Ирочка. Мы с Танюшей приезжали туда на выходные дни, и родители заказывали нам завтраки, обеды и ужины в местном ресторане-столовой (существовал такой сервис). Не могу забыть, как Ирочка нас встречала. Мы с Танюшей, сойдя с электрички, выходили на улицу, которая вела к входу в Дом творчества, где уже ждала Ирочка. Увидев нас, она мчалась, что есть мочи, навстречу. А мы, замерев от счастья, мысленно гадали, кому на сей раз она первому бросится на шею... Пару часов я в обязательном порядке проводил в бильярдной. Мне казалось, что я умею играть до тех пор, пока я там не познакомился с одним из лучших, на мой взгляд, военных поэтов Александром Петровичем Межировым (1923 – 2009). Это был изящный человек с лицом,

освещённым застенчивой милой улыбкой и светлым взглядом. Лёгкое заикание придавало его речи непередаваемый шарм. Обладая феноменальной памятью, он мог часами напролёт читать стихи своих любимых поэтов. Я помню, как однажды на костре, которые регулярно устраивались там, Межиров и папа наперебой читали стихи поэтов серебряного века. Папа, с гордостью могу сказать, не только не уступал, но даже порой превосходил своего молодого соперника. Что же касается игры на бильярде, то Александр Петрович обычно давал мне пять шаров форы (играли мы «американку») и без труда выигрывал, потягивая обязательный коньячок, и приговаривая: «Н-н-не т-т-тушуйся, я же род-д-дился на бильярде». Что он при этом имел в виду, я не решался спросить. Ирпенские костры были неперменной традицией. Участники тщательно готовились к ним, используя всю мощь своего креативного потенциала. Перу папы принадлежат песни-пародии на литературные темы, положенные на популярные мелодии и гимн Дома творчества - Ирпенская лирическая.

РУСАЛКА

*на мотив «Раскинулось море широко»,
музыка А.Гурилёва*

В избушке над речкой жил мельник седой,
с ним дочка свежа и дебела.
Бывало сидела она над водой,
вздыхала и арии пела.

Повадился к девушке князь-крепостник,
сулил ей в супружестве клады.
Но верил не очень-то мельник-старик
в любовь его с первого взгляда.

«Не будь ты растяпой!» - он дочь поучал,
узнав про девичью провинность.
«Что клятвы? Хотя б наживи капитал,
коль не соблюла ты невинность!

Известно, какие графья и князья!
И этот заводит шарманку,
мол, мне на крестьянке жениться нельзя,
беру себе в жёны дворянку.

Промолвил и сунул ей в руки ларец -
на мелкие, дескать, расходы...
Она содрогнулась, и с криком «Подлец!»
в холодную бросилась воду.

Пирует с княгинеею князь-крепостник,
и вдруг среди шумного пира
откуда-то голос-сопрано возник,
точней из подводного мира.

На голос неведомый князь подался,
узнал он зазнобу русалку...
Безвинно загубленной девы краса
его повлекла на рыбалку.

Он только успел насадить червяка,
как всплыли знакомые лица...
Невольно на ветке вспугнул старика,
себя возомнившего птицей.

Звала его дочка в мамашин чертог,
к Нептуну в холодные лапы.
Мгновенье... и князь удержаться не смог
под хохот пернатого папы.

Напрасно княгиня ждёт мужа домой,
лёт слёзы горячие в заводь...
Будь князь ты иль член профсоюза простой,
нырять обучайся и плавать!

КАРМЕН

на мотив «Бирюзовые колечки», музыка народная

Шум и драка у табачной фабрики,
прикурить друг другу девочки дают.
Но Кармен уже схватили гаврики,
«чёрный ворон» тут как тут.

За решёткой мается несчастная.
Сторожит её Хозе.
Полюбил любовью страстную
он под музыку Бизе.

Что присяга? Рассуждать тут нечего –
страсть законов всех сильнее.
Он кладёт ей голову на плечико
и бежит к цыганам с ней.

Там в горах они проводят ноченьки
от родной деревни вдалеке.
Контрабандой возит он чулочки,
сыт и пьян, и нос в табаке.

Но стряслась беда непоправимая.
Как Хозе снести такой позор?
Карменситу, девочку любимую
охмурил тореодор.

И хоть ревность пережиток древности,
наш Хозе на мавра стал похож:
он Кармен в припадке ревности
саданул под сердце нож.

Вновь сбежались гаврики и оперы,
не уйти бедняге от оков!..
Для чего ж советским людям оперы,
где калечат женщин и быков?

АННА КАРЕНИНА

*на мотив «Прощайте скалистые горы»,
музыка Е.Жарковского*

У Ани Карениной горе:
постыл ей супруг - дедуган.
А Вронский был молод, и вскоре
у них завертелся роман.

Чтоб вдруг не накрыл их с поличным,
муж, подлый наёмник царя,
любовь незаконную в вихре столичном
крутили они втихаря.

Вовсю развлекалась богачка,
и так бы тянулось оно,
когда б её хахаль на скачках
с коня не упал, как бревно.

«Ах, сверзился бедный с лошадки!», -
вскричала Анюта бледна.
И мужу законному в нервном припадке
открыла всю правду она.

Кляня вертихвостку-бабёнку,
боясь, чтоб не вышел скандал,
ханжа ей не отдал ребёнка
и даже развода не дал.

Жилплощадь они не делили.
Они не делили вещей.
Жила она с Вронским.
Вопрос или - или уже не стоял перед ней.

В Париж выезжала и в Лондон,
сгорая в любовном чаду,
но жертвою стала бомонда,
который имел их ввиду.

Не звали её на банкеты.
В театре смеялись над ней.
И Вронский шкодливый, заметивши это,
к ней стал эскима холодней.

И вот разыгралася драма.
Решила: «Была не была!».
К вокзалу метнулась, и прямо
на рельсы легла.

Толстой утверждал, что по слухам
(приметливый был старичок)
в момент катастрофы у Ани над ухом
железом гремел мужичок.

Каренин по-прежнему в свете,
и Вронский, как стёклышко чист.

А кто же за это в ответе?

Конечно... один машинист.

Хоть он тормозил до упаду,
над ним разразилась гроза.

Толстой доказал этой драмой, что надо
в порядке держать тормоза.

ФАУСТ

*на мотив «Когда б имел золотые горы»,
музыка народная*

В богатстве, славе и почёте,
забросив уйму срочных дел,
полжизни некий Вольфганг Гёте
над этой хохмой попотел.

Жил доктор Фауст словно в сказке,
зарывшись в книги, как бирюк.
Но старый хрен девичьи ласки
ценил превыше всех наук.

Начхав на колбы и реторты,
презрев науки пустоту,
деляга продал душу чёрту,
эх, за девичью красоту.

Тот чёрт по кличке Мефистофель -
«Гляди балда», - ему сказал,
и раскрасотку Риту в профиль
и даже глубже показал.

Невинный ангел Маргарита
свою ценила красоту,
была солидных габаритов
и даже с фиксою во рту.

Наш Фауст, юным став пижоном,
под битлов стриженный ходил.
Красою Риты поражённый,
её, конечно, соблазнил.

Его душа чернее ваксы,
он обручения не ждал...
Всё обошлось у них без ЗАГСа,
хоть чёрт её предупреждал.

Все клятвы, что давал намеренно
похерил фрайер. Стыд и срам!
На сабантуй подался к ведьмам,
её послав ко всем чертям.

И вот бедняжка за решёткой.
Погибло всё - дитя и честь.
Учтите ж бедные красотки -
пусть бога нет, но черти есть!

ИРПЕНСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

*на мотив «Тестильный городок»,
музыка Я.Френкеля*

Нет ни моря, нет ни гор,
только речка, луг и бор.
Подпевает электричке
с Ирпеня лягушек хор.

Ежегодно полон Дом,
кто угодно в доме том,
лишь писатели бедняги
пробиваются с трудом.

Контингентец в Доме - во!
Молодёжи - никого,
лет пятидесяти с гаком
составляют большинство.

Свежий воздух, как вино.
Для больших страстей - кино,
а для низменных страстишек
на веранде - «казино».

Связь у нас на свой фасон:
входишь в будку -страшный сон!
Как всегда бессменный Дольберг¹
занимает телефон.

На реке, хоть волком вой,
рыбы нет, как таковой.
Есть предание о рыбе,
что ущучил Вильховой².

Нет предела чудесам.
Труд и отдых по часам.
Украшают людям отдых
Елькин-стрит и Елькин³ сам.

В темноте по вечерам
по аллеикам, по кустам
тщетно мамы ищут деток,
тщетно детки ищут мам.

Все едят в урочный час,
пьют кефир и кислый квас.
Мы съедаем наши зразы,
комары съедают нас.

А за сытых комаров,
постный стол и скромный кров
по расценочкам Литфонда
с нас сдирают - будь здоров!

Но, однако, каждый год,
кто со льготой, кто без льгот
под ирпенским небосводом
собирается народ.

И в вечерней тишине
при костре и при луне
каждый год друг другу встречи
назначают в Ирпене.

- 1 - Дольберг Дмитрий Соломонович - директор книжного магазина Литфонда.
- 2 - литератор.
- 3 - директор Дома творчества писателей Украины.

*Ирпень,
Дом творчества писателей Украины,
1966 - 1968 годы.*

Пришло страшное лето 1967 года. Елена Владимировна и Ирочка вернулись из Крыма весёлые и посвежевшие. Глядя на нашу загорелую девочку, мы не могли налюбоваться. И вдруг, Танюша нащупала у Ирочке на животике какое-то уплотнение.

Дальше всё было как в страшном сне. Только на самом деле это было с нашей Ирочкой и наяву. Ужасный диагноз: аденосаркома почки; тяжелейшая операция: удаление почки; и страшная перспектива. Операцию делал Ефим Петрович Блатной – хирург – уролог Киевской больницы железнодорожников. Он убеждал нас, что удалось провести радикальную операцию, что распространения злокачественных клеток не должно быть. В то же время онкологи настаивали на проведении рентгенотерапии и последующих сеансов химиотерапии. Мама и папа принимали в этом кошмаре самое деятельное участие. Было принято решение - ехать в Москву, где находился единственный в СССР институт онкологии, и там получить дополнительно квалифицированную консультацию. В Москве к нашим проблемам подключился дядя Женя. Он договорился, что Ирочку примут в недавно организованное профессором Львом Абрамовичем Дурновым (1931 – 2005) отделение детской онкологии при Морозовской больнице. Непосредственно же Ирочкой занимался заместитель Дурнова – палатный врач Александр

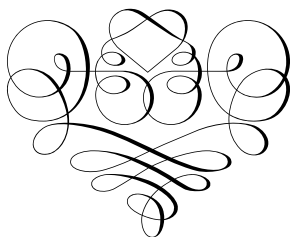
Иванович Лебедев.

Начались сеансы химио- и рентгенотерапии, повлекшие убийственные последствия, операции, лекарственная терапия, снова операции. Финансовую сторону, разумеется, обеспечивали мои родители. Но главное – это их моральная поддержка! Какие жуткие страдания за эти годы выпали на долю нашей девочки! С каким мужеством Ирочка переносила всё, что с ней происходило! Как мучительно вспоминать это... Теперь вся жизнь семьи была подчинена лишь одному – спасти Ирочку. Но все наши молитвы, усилия врачей, помощь друзей и бескорыстное участие порой совершенно посторонних людей оказались тщетны. 12 марта 1980 года наша дорогая Ирочка ушла из жизни.

Приношу свои извинения за эти горькие строчки, но не написать об этом я не мог, поскольку многие годы наша семья жила под этим дамокловым мечём. И всё-таки, после вынесения не оставляющего никакой надежды диагноза-приговора, общими усилиями удалось на 12 лет продлить Ирочке жизнь. И были в эти годы у неё и периоды устойчивой ремиссии, и радостные дни, и яркие впечатления, и очень тёплые отношения к ней окружающих нас людей.

Первые два года после операции мы на лето снимали дачу под Киевом в селе Горенка недалеко от Святошино у бабы Жени. Ирочке там очень нравилось. Основной груз забот лёг, как обычно, на моих родителей. Но, когда мы после работы приезжали, на дачу и спрашивали маму, как прошёл день, не слишком ли она устала, тут в разговор вмешивалась баба Женя: «Та шо там устала. Цилый день курить и в карты пече!». Действительно у мамы раскладывание пасьянса было основной формой отдыха. При этом как не закурить любимый «Беломорканал». Но для жительницы деревни тогда это было невиданное барство.

*Евгений Антонович
и Лия Наумовна
Дробязко*

В Ирпенском доме творчества, о котором я уже писал, мои родители познакомились с Евгением Антоновичем Дробязко (1898–1980) - выдающимся украинским переводчиком и его женой – Лией Наумовной (1905–1997), которые с большой любовью и теплотой относились к нашей Ирочке.

Лия Наумовна и Евгений Антонович Дробязко

Мы часто бывали у них поначалу в подвальной квартире писательского дома на улице Ленина, который назывался «Ролит» – (робитнык литературы – укр.), а затем и в квартире на Печерске. Это был на редкость гостеприимный дом. Как бы внезапно ни появлялись гости, на стол немедленно ставился чайный сервиз из тонкого китайского фарфора, а к свежесваренному чаю подавались в изобилии замечательные сухарики с изюмом и порционно орехово-шоколадный торт. Создавалось такое впечатление, что утро Лии Наумовны начиналось с выпечки к чаю, как говорится, «на проходящего». За чаем обсуждались самые свежие литературные и окололитературные новости, что нередко сопровождалось едкими, но большей частью остроумными, а главное очень точными комментариями Евгения Антоновича. Он был широко обра-

зованным человеком с энциклопедическими знаниями в области литературы. Это был неторопливый человек с крупной головой, лишённой большей части волос, но увенчанной поистине сократовским лбом. Голова уютно размещалась прямо на покатых плечах, плавно переходящих в круглый животик. Брюки на подтяжках, принявшие в своё бежевое чрево этот самый живот, заканчивались в районе подмышек. Евгений Антонович (так обычно его называли) внешне напоминал мне одного из гоголевских персонажей. Лия Наумовна, очень подвижная миниатюрная женщина с выразительным лицом и вьющимися волосами, обладала острой реакцией и горячим темпераментом. Чувство восторга она часто выражала восклицанием: «Дивная сказка!». Это были люди добрейшей души и высочайшего интеллекта. Почему-то мне утешительно знать, что их могилы находятся рядом с могилами моих родителей и Ирочки. Об этих замечательных людях и их гостеприимном доме, на мой взгляд, очень хорошо рассказано в книге Филиппа Селигея и Станислава Цалика «РОЛИТ и его славные жители». Приведу довольно большой отрывок, поскольку, как говорится, из песни слова не выкинешь, да и не надо.

«Евгений Антонович Дробязко был человеком уникальным. Выпускник известной Первой киевской гимназии, где учились также К.Паустовский и М.Булгаков, он с молодых лет пристрастился к изучению иностранных языков. Переводил с немецкого, чешского, французского, испанского, итальянского. Это он перевел «Божественную комедию» Данте на украинский полностью, поэтому до сих пор читатель знакомится с этим выдающимся произведением именно в его переводе. Гостеприимное жилище Дробязко превратилось в своеобразный островок, куда охотно приходили известные литераторы, актеры, художники, музыканты, научные работники и, конечно, коллеги-переводчики. Собирались здесь часто. Известный пропагандист украинской литературы в России Александр Дейч и его жена вспоминали: «О мудрой и обаятельной Лие Наумовне и милым Евгение Антоновиче Дробязко, обогатившем родную украинскую литературу переводами многоязычных творений поэзии, об

их радушии, доброте, умении объединять людей». Максим Фадеевич Рыльский высоко ценил эту удивительную гармоничную пару, относился к ней сердечно и дружелюбно, а с Евгеном Антоновичем вместе перевел «Горе от ума» Грибоедова». У Дробязок бывали: М.Рыльский, академики А.Белецкий и Н.Гудзий, Вера Инбер, народная артистка Украины Евгения Опалова, художник З.Толкачев, поэты Н.Ушаков, Л.Вышеславский, Н.Упеник, И.Золотаревский, Я.Городской, прозаики А.Копыленко, Р.Скоморовский, переводчик М.Лукаш, известный дирижер, народный артист СССР Н.Рахлин. Неоднократно бывал у Дробязко известный прозаик, литературовед и популярный телерассказчик Ираклий Андроников, всегда с удовольствием вспомилавший о посещениях «Ролита». «На днях встретила у нас в союзе Ираклия, — писала Дробязкам из Москвы В.Инбер. — Он говорил о вас с величайшей нежностью». В другом письме поэтесса сознавалась: «Очень хочется мне в Киев... Во всяком случае — мысленно я частенько сижу на улице Ленина, 68, квартира 22а».

А завершу этот раздел о чете Дробязко папиными стихами, посвящёнными им вместе и каждому в отдельности в разные периоды их жизни:

Евгению Антоновичу Дробязко

*в день его семидесятилетия
балладу из цикла «Оболдуйская осень»
посвящает автор*

Над планетой нашей тленной,
распрощавшись с плотью брэнной,
реет дух
творца стихов,
переживших шесть веков.

Чем он занят, что он ищет
полубог,
изгнанник нищий?

Отчего в крошечной мгле
устремляется к земле?

Знает:
темпора мутантур!¹
Не забыт ли старый Данте
в мире,
где среди прочих скверн
жив поп-арт
и стиль модерн?

Полон образов тревожных,
мыслей мрачных
и безбожных
опускается старик
на знакомый материк.

Так и есть.
От рок-н-рола,
твиста, свиста, кока-колы,
от пылающих витрин,
от пугающих картин,
от пустых стихов без чувства,
от искусства без искусства,
рёва толп и скачек блох
онемел он и оглох.

Неужели ж сесть за парту
изучать азы поп-арта?
Или после «Вита нова²»
стиль освоить модернистский?
Что за век?
Куда попал?
Дух поэта
духом пал.

Зря, о дух!
Ты знать обязан,
кто к тебе душой привязан,
кто, за твой болея стих,
тянет ляжку за двоих.

- Кто же?
- Мастер перевода!
Улетай к нему за воды
в город Киев над Днепром,
отыщи Дробязкин дом.
В путь!
До Киева, старик,
доведёт тебя язык.

Обгоняя «ТУ» и «АНТЬ»,
В Киев, в Киев
мчится Данте.
Что чужой далёкий край,
метеоры, холод, жажда
для прошедшего однажды
ад, чистилище и рай?!
Мчится старый что есть духу.
Путь такой не страшен духу.

Вот и город у реки...
Но постой,
не думай, Данте,
что дантисты и педанты
суть твои ученики!
Цель твоя -
найти Дробязку.
Он шестисотлетней связкой
связан с музою твоей
и, справляя юбилей,
сил, здоровья не жалея,
сей виновник юбилея,
по ночам трудясь, как вол,
труд твой дивный перевёл.

Есть другие переводы,
но они чужды народу.
Не один уже поэт
перевёл твой стих на нет.

Ночь.
На Спасской бьют куранты.
В дом Дробязко входит Данте.
Он уже отлично знал
для чего зашёл в подвал.
Перед ним бумаги ворох.
Слышен только лёгкий шорох
и восторженное «Ах!» -
дух себя узнал в стихах.

Данте здесь. На юбилее.
Дух невидим.
Сожалею.
Дух не слышен.
Чья вина?
Телепатия нужна.
Что ж поделаться с вашим братом?
Автор будет телепатом.
Не чураясь пустоты,
автор с духами на ты.

Слово Данте -
грань брильянта.
Что ж сказал великий Данте?
«Я готов поклясться в спиче
честью юной Беатриче,
что такого я не ждал,
с корабля попав на бал.
Я - предтеча Возрожденья,
поздравляю с днём рожденья
юбиляра,
и притом
низко бью ему челом.

Но одно сказать я жажду:
юбиляр вкушает дважды,
может, даже через край,
«Ад», «Чистилище» и «Рай»!
Их поэт вкусил впервые,
надо мной сгибая выю.

С ними справился поэт.
У меня претензий нет.
Но с квартирной эпопеей!..
Даже я и то пупею,
постигая сколько сил
он с женой в неё вложил.

«Ад» – подвал,
где еле жив он,
что выматывает жилы,
от которого жена
юбиляра
так больна!

И «Чистилище» прошёл он,
страхов,
мук душевных полон,
словом,
внёс сполна свой пай,
получая ордер в «Рай».

Ну, а «Рай» -
покой, нирвана:
туалет, отдельно ванна,
спальня рядом с кабинетом -
вот она, мечта поэта!

Но, увы, боюсь, о други,
то, о чём мечтал поэт,
как сказали бы на юге -
или будет,
или нет...».

Спич заздравный Данте вроде
дан в синхронном переводе.
Если, может, что не так,
виноват во всём коньяк,
ибо сей напиток дух
сторяча хлебнул за двух.

Не жалея о поступке,
юбиляра чмокнув в губки,

дух
опять же с криком «Ах!»
растворился в трёх томах,
где на каждом переплёте
вы, естественно, прочтёте,
их окинув невзначай,
«Ад», «Чистилище» и «Рай».

Вот и вся моя баллада.
Я, конечно б, дал ей ладу,
если б был уверен в том,
что она
(причём не даром)
в честь родного юбиляра
будет издана «Дніпром».

Но и в этой скромной фазе
в каждом слове,
в каждой фразе
автор в меру сил исторг
восхищенье и восторг
переводами Дробязко
и собой,
что для завязки,
груз раздумий сбросив с плеч,
Данте тень сумел привлечь.

Пусть великий флорентиец
не принёс в кульке гостинец,
но построчный гонорар
тоже как бы Дантов дар...

Я не Данте,
я не гений,
я простой еврей, Евгений.
Не безгрешен,
есть порок -
я немножечко пророк.

Я предвижу и вещаю:
ломтик булки с маслом к чаю

ежедневно,
а порой
даже с паюсной икрой.

В новой маленькой квартире
с милой Лией
жить вам в мире.
Видеть «нахес»³ от детей.
Справить сотый юбилей.
И на ниве перевода
быть моложе год от года,
истощая каждый раз
наших классиков запас.
Вот и весь мой сказ.
Я пас.

Киев, 1968 год.

1 - времена меняются (лат.).

2 - новая жизнь (лат.) — лирическое произведение Данте Алигьери, в котором он воспел Беатриче.

3 - счастье (идиш).

Дорогим друзьям - чете Дробязко

в знаменательный день.

Размышления на серебряную свадьбу

Порой встаёт вопрос упрямо:
Чем объяснить такой обряд,
Что люди со времён Адама
В день этот серебро дарят?

Адам пожертвовал ребро -
Сырьё для производства Евы.
Он думал сотворить добро,
Внося свой вклад в создание девы.

Но бедному не повезло.
Его опутала девица,
Заставив на себе жениться.
Ребро пошло ему во зло!

Эдем покинул он, к тому же,
Дотоль свободный человек,
Стал самым заурядным мужем
И, к сожалению, навек.

Супруга, ядовитей кобры,
Ему не раз считала рёбра.
Не досчитавшись же ребра,
Пилила мужа до утра.

Осталась тень от человека.
Адам в долги большие влез,
Но вставил через четверть века
Себе серебряный протез.

Казалось бы теперь - порядок?
Нет, Змий на серебро был падох.
Руками женщины тиран
Осуществил коварный план.

Она, внимая Змию, ловко
В вино подлив супругу бром,
Распорядилась, как мотовка,
Фамильным этим серебром.

Пока похрапывал он сонный,
Жена взяла его протез
И отнесла в комиссионный,
Взамен купив себе отрез.

Адаму женщину прогнать бы,
Назад потребовать ребро!..
Ан, заробел... С тех пор на свадьбы
Потомки носят серебро.

Бокалы, ложечки, солонки
И ряд других предметов звонких,
Желая с жёлчью разлитой
Друзьям дожить до золотой.

Вот, собственно, конец новеллы.
Пускай рукой не слишком смелой
Она написана, друзья,
Но автора винить нельзя.

Он сам супруг... К тому же рядом
Его сверлит супруга взглядом,
и взгляд не светится добром.
Поставишь ли вопрос ребром?

Столь лаконичная развязка
Была б естественной сейчас,
Но не в квартире у Дробязко,
Где любим мы, и любят нас.

Что радует в квартире этой?
То, что новелле вопреки
Супруги, словно голубки,
Живут совместно многи лета.

Нет, отвратительному Змию
Не соблазнить, как Еву Лию,
Евгений же домашний рай
Не бросит.
Что ж, поэт, кончай!

Пора раздумья подытожить!
Мы золотую свадьбу тоже
Надеемся отметить тут,
Конечно,
если позовут.

Киев, 1955 год.

Лице Наумовне Дробязко в день её шестидесятилетия.

Ирпень.
В часы ночного бденья
Жара и комариный писк...
Стихи встают, как обелиск,
Воздвигнутый ко дню рожденья.

В них мощь, в них сила, в них душа,
В них страсть кипит и мысль крылата.
Пусть не заплатят ни шиша,
Улыбка друга - тоже плата!

О, Лия!
Не для похвалы
Я разразился одой-гимном.
Вы так остры и так милы,
Находчивы, гостеприимны.
Что даже не берусь, ей-ей,
Всех описать достоинств Ваших.
Мне б только вылезть поскорей
Из этой стихотворной каши!

Но совесть у меня
чиста!
Смысл предыдущего не тёмн...
Теперь меняю курс, как Тёмин¹
В столовой каждый раз места.
Что пожелать Вам, милый друг?
Здоровья? От души желаю.
И этим как бы замыкаю
Непрощенных ошибок круг.

Пусть боли
порадут былём!
Нехай ім грець - хворобам панським!
Советским пенистым шампанским
Все огорчения зальём!

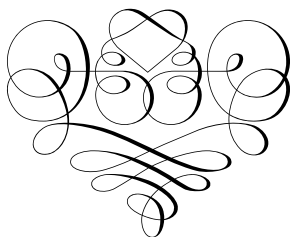
Пусть останятся года
На данном, так сказать, отрезке!..
Любовь четы Золотаревских
Вам обеспечена всегда!

Ирпень, Дом творчества, 1965 год.

1 – Леонид Темин (1933 – 1983) – поэт

Папа, мне очень нравятся эти твои искренние и остроумные посвящения. Когда я их читаю, то твои друзья, как живые, встают передо мной.

*Семидесятые
годы*

Шестидесятые годы шли на убыль. Папа полностью восстановился и вновь успешно чередовал свою творческую деятельность с обычным семейным распорядком дня. Он подготовил к публикации в киевском издательстве «Радянский письменник» очередную книжку - «По движущимся целям», которая вышла в 1970 году. Сейчас мне почему-то пришла в голову одна история, связанная с приятельницей моих родителей – Фирой Кушнир, которая на моих глазах превратилась из молодой интересной женщины в толстую пожилую просто милую еврейскую тётю. Она недавно потеряла своего мужа – Семёна Найдорфа и хотела поменять свою комнату на другую жилплощадь. Фира приносила папе бесчисленные варианты обменов в надежде получить от папы решительный и окончательный совет. Но все советы разбивались о Фирины сомнения и нерешительность. То район не тот, то этаж не подходит, то темно в комнате. Однажды папа радостно встретил Фиру словами: «Я нашёл тебе обмен!». После этого произошёл следующий диалог:

- Фира, тебя устроит комната в 28м² - солнечная сторона?
- Конечно.
- А четвёртый этаж с лифтом?
- Прекрасно.
- В самом центре города, недалеко от нас?
- Так я же именно это и ищу.
- Фира, тогда всё в порядке! Это квартира, в которой ты сейчас живёшь.

Смеялись все, но больше всех смеялась Фира, которая так и осталась жить на прежнем месте. Мама продолжала хлопотать по дому, пасла Ирочку, не прекращая свою диссертационную деятельность. В стране по-прежнему ощущался острый дефицит научных кадров в области общественного питания. Когда в доме затихала активная жизнь, а это могло быть и в 11 часов вечера, мама и папа садились ужинать. Обычно они покупали к ужину в гастрономе напротив Золотоворотского садика буженину и греческие маслины. Неторопливая беседа на фоне чая с лимоном и бутербродами было любимым временем препровождения. Ирочка пришла в себя после операции и уже жизнь в доме приходила

в относительную норму. В 1969 году семья торжественно и весело отметила мамино шестидесятилетие. Была, как всегда, прорва гостей, шикарное застолье, шутки, остроумная трепотня и папины стихи, посвящённые этому случаю.

Риточке к шестидесятилетию

В даты юбилейные
стиль мой - не елейные,
не галантерейные
опусы в стихах.
Пусть от них икается
юбилярам, каются
пусть они в грехах.
Сколько раз, не кицкая,
я долбал Кржепицкого –
сто ему годков!
Сколько раз в беф-строганов
превращал я Кагана –
чтоб он был здоров!
Каган, по созвучию,
я в стихах замучивал,
не давал житья.
Яна Томашевского,
над которым шефствовал,
брал на вилы я.
Сыпались и плюхи на
доктора Мизрухина -
выносил кряхтя.
В юности, бесчинствуя,
я кусал Лещинскую.
Вкусное дитя!
Штолей – Полторацких¹ бы
хваткою рыбацкою
я подсесть бы рад.
Но улыбки женские...
казино ирпенское...
Что поделать – блат!

Розовою краскою
рисовал Дробязко я,
нарушая стиль.
Но в пучине од моих
камушки подводные
ударяли в киль.
Под луной московскою
я честил Жарковского,
хоть он родич мой.
Счастлив видеть гения,
виноват, Евгения
с милою женой.
Но супругу рóдную
одой обиходную
братъ на вилы – грех.
Я подругу-паиньку,
только, чур, без паники,
ставлю выше всех.
Тут детишки-цветики,
так сказать, с приветиком
от лица троих
бабушку поздравили,
пожелали здравия.
Чем я хуже их?
Время хоть и движется,
паспорт - только книжица.
Суть не в дате той,
что в графе записана
канцелярской крысою,
суть – в тебе самой!
За поэта выдана,
расцвела невиданно
ты в союзе с ним.
Не в надежде славы ли
лик твой в дымке плавает?
Или это дым?
Сорок лет без малого
с малыми бывало нам

приходилось вкалывать
в хлопотах о них,
всеми уважаемых,
нами обожаемых,
толстых и худых.
Нынче внуки тостами
намекнули толсто нам
на домашний труд,
что, как цепь железную,
ты влачишь, болезная.
Мальши не врут.
Но не только кашками,
утюгами, чашками
полон твой досуг.
У тебя, о рвение,
о стремленье к чтению! -
книга в поле зрения
чаще, чем утюг!
Будь горда сознанием,
что на соискание
средств для пропитания,
диссертаций ряд,
в грош не ставя звание
только по призванию,
метрам в назидание
ты печёшь подряд.
Пусть куплет растянутый,
в нём добром помянуты
качества твои.
Этих качеств дюжины.
Ты в семье - жемчужина!
В том залог и мужниной
пламенной любви.
Вельды, тундра, прерии
не раскрыли двери нам
даже в третьей серии
жизни-бытия.
Мы сидели сиднями.
Нас трепало злыднями.

Но зато завидные
есть у нас друзья.
С ними всё пережили:
жили мы и не жили.
Но надёжней, нежели
часом ста рублей,
сто друзей-товарищей,
их пожатий жар ещё
на руке твоей.
Пусть квартирка чахлая
и мебелишка дряхлая,
что тряпьё? Жильё?
Дьявол с ней, с жилплощадью!
Счастье наше общее -
бытие твоё!

18 сентября 1969 года.

1 – Алексей Полторацкий – прозаик, критик.

В конце лета 1970 года в связи с холерой в Одессе вместо запланированной поездки на Чёрное море мы наметили со Светой и Володей Смирновыми путешествие по Прибалтике по маршруту Ленинград – Рига – Взморье – Вильнюс – Паланга – Таллин – Каунас. Родители безропотно остались с Ирочкой, и мы укатили. Руководителем поездки, как опытного туриста, мы избрали Володю и надо сказать, что он успешно справился с оказанным ему доверием. Хотя, на мой взгляд, только в молодые годы можно было пуститься в этот вояж, не имея ни в одном городе даже крыши над головой. И несмотря ни на что, всё сложилось просто замечательно. Вернувшись домой, мы застали покой и полную гармонию. А ещё, как говорится, долгими зимними вечерами играли в преферанс. Дым стоял столбом - курили все. Мне очень не нравилось, что Таня курит, и однажды я предложил ей совместно бросить курить. Но Таня была уверена, что мне это не удастся сделать. Тогда пришлось предложить показательный вариант. Я пообещал бросить курить 1-го февраля (речь идёт о 1973 году), а спустя месяц, убедившись в этом, должна была расстаться с вредной

привычкой и Таня. Так мы и сделали. С тех пор я не курю, а Таниюша окончательно бросила лишь в 1994 году в Германии, где пачка сигарет стоила дороже, чем домашний обед. А тогда мы с Танюхой много работали, точнее, как нам подсказывали вожди, работали, работали и работали... Как всегда, нужны были деньги. Я подрабатывал любыми доступными путями. В основном это были студенческие работы: контрольные и курсовые. В 1973 году я работал начальником техбюро механического цеха завода «Электроприбор». Неожиданно нашему цеху досталась очень выгодная халтура – нам были заказаны сложные сборные оконные рамы из дюралюминия для десятиэтажного административного корпуса. Были созданы две бригады, в одной из которых работал и я. Мы это делали вечерами, после основного рабочего дня. Было тяжело, но очень выгодно. Однажды меня неожиданно позвали к телефону. Я всё понял. Сердце почувствовало беду. Дело в том, что в середине ноября с папой случился второй обширный инфаркт. Его госпитализировали в кардиологическое отделение Октябрьской больницы, где папу пытались спасти и вернуть к жизни. Каждое утро перед работой Таня бежала в больницу, чтобы папу покормить и сделать всё необходимое. Мама или Ира приходили днём, говорили с врачами, со страхом заглядывая им в глаза, пытаясь уловить хоть искорку надежды. Врачи честно говорили, что положение очень серьёзное, но всё должно определиться десятым кризисным днём. Но папа его не пережил. 27 ноября 1973 года ушёл из жизни наш дорогой папа – Исаак Яковлевич Золотаревский. Патологоанатом сказал мне позднее, что сердце было уже давно в состоянии несовместимом с жизнью. Папу похоронили на писательском участке Байкового кладбища.

Первые дни на маму страшно было смотреть. Она почти не плакала, непрерывно курила и стонала. Но мы понимали, что только время и какая-то деятельность смогут вывести маму из этого состояния. В это время Марочка стала подбрасывать маме машинописные работы, которые у неё были в избытке. Мама целый день стучала на машинке, отрываясь лишь на приготовление еды к нашему приходу с работы. Постепенно горе уходило на второй план, уступая позиции энергично пульсирующей жизни. Приходя с работы, мы получали подробнейший отчёт

обо всём, что происходило вокруг нас и в мире, разумеется, в интерпретации государственных радио- и телевизионных каналов. При этом мама всегда с улыбкой говорила, что естественнее было бы, если бы свежую информацию приносили мы. Мы же с удовольствием пользовались сложившейся ситуацией. В 1974 году Дима стал студентом Белорусского института инженеров железнодорожного транспорта. Судя по тому, что после третьего курса он оттуда слинял, предпочтя службу в армии, можно представить, как ему там было плохо. Надо сказать, что семья стоически перенесла этот, мягко выражаясь, мало интеллектуальный поступок. Бедняга отгарабанил положенные два года в армии, но затем всё же институт окончил. В 1974 году выходят две последние папины книжки одна в Москве – «Нечистая сила» в изд-ве «Правда», а вторая в Киеве – «Голий король» в издательстве «Радянська Украина». Первую книжку папа ещё сам готовил к печати, а для выхода в свет «Голого короля» пришлось приложить определённые усилия. Вроде бы и никто не отказывал, но дело не двигалось. И всё же 27 ноября точно в годовщину папиной смерти его книжка была подписана к печати. В 1975 году Таня с большими боями и переживаниями получила от института «Гипростром», где она в то время работала, двухкомнатную квартиру на проспекте Науки. Мы сразу занялись обменом, потому что маме психологически было тяжело оставаться на Свердлова, где всё напоминало о папе. Кроме того, наша соседка – Мединская после ухода папы почувствовала свободу и совсем озверела. Мы выставили на обмен нашу новую квартиру и две комнаты на Свердлова взамен трёхкомнатной квартиры тоже в центральной части города. Поскольку мы теряли в метраже порядка десяти метров, не требуя доплаты, то обмен нашёлся довольно быстро. К концу года нам уже открыла двери квартира на улице Кавказской. На удивление мы там довольно быстро освоились. Мама поддерживала, как и прежде, домашний очаг, общалась с соседками по подъезду, что даже трудно было предположить, и встречала Ирочку после школы. К нам по-прежнему приходили мамыны друзья, и, разумеется, наши тоже. Многие из них с большой теплотой и благодарностью вспоминали эти встречи. Конечно, возраст друзей родителей и расстояния не позволяли делать эти встречи

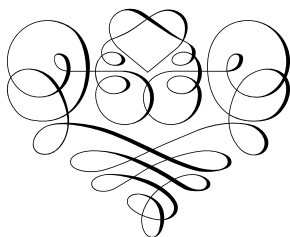
такими частыми, как это было раньше, и всё же у нас довольно часто собирались гости. В 1978 году я был утверждён главным технологом Украинского экспериментально-производственного объединения, а в 1979 году Татьяна тоже перешла на новое место работы. Она была принята руководителем группы экономистов конструкторско-технологического бюро «Снабпроект». Вростание в новые коллективы, освоение новых технологий и задач – это было очень непросто. Мы приходили выжатые домой, где нас встречали мама и Ирочка, которые быстро приводили нас в норму, окутывая своей любовью и заботой.

Но наступили страшные месяцы конца 1979 года и начала 1980 года. Одна за другой больницы – «Охматдет», Городская инфекционная и клиника Шалимова. Это было последнее Ирочкино пристанище. В 5 утра 12 марта 1980 года перестало биться Ирочкино сердечко. Об этом больше не могу... Скажу лишь, что наша дорогая и мужественная мама встречала нас, как всегда спокойно, не показывая, чего это ей стоило. Ведь для неё после папиной смерти Ирочка была самым дорогим и любимым человечком. Теперь мама оставалась на целый день одна, если не считать Рэськи – карликового пуделя, который был куплен по просьбе Ирочки и, в котором она не чаяла души. Бабушка приняла на себя все заботы об этом добрейшем и милейшем существе. Рэська пережила Ирочку на двенадцать лет и на два года маму.

Отныне нашу жизнь мы делили между Кавказской и Байковым кладбищем. Огромное спасибо всем нашим друзьям и близким, без поддержки которых мы не смогли бы пережить это. Я чувствую, что наступил момент, когда нужно взять таймаут в моём относительно упорядоченном хронологически повествовании и перейти к воспоминаниям о друзьях родителей, с которыми они прошли все жизненные этапы смолоду и до последних дней. При этом я, наверняка, не смогу придерживаться строгой логической цепочки, поскольку облака воспоминаний громоздятся в моей голове, спонтанно выводя на передний план то одних, то других родительских друзей, одинаково им дорогих и любимых.

И всё же начну с людей, вошедших в жизнь папы и мамы с ранних лет.

*Владимир Яковлевич
Александров*

Обаяние этого человека было настолько велико, что всякий раз я с нетерпением ожидал очередной командировки в Ленинград. Их гостеприимный дом для меня всегда был открыт. Надо сказать, что на протяжении всей моей трудовой деятельности, где бы я ни работал, мои профессиональные интересы всегда были связаны с Ленинградом, что предопределяло частые командировки. Поначалу это было НПО «Аврора», затем Ленинградский монетный двор и, в конце концов, ПО «Красногвардеец». И всегда я останавливался на проспекте Смирнова у Александровых, где мне были искренне рады. Владимир Яковлевич сразу усаживал меня в глубокое вольтеровское кресло, стоящее в углу его кабинета, и выкачивал из меня интересующую его информацию. Его интересовали, в первую очередь новые, как он говорил, папины «хохмы», что происходило в Украине, и всегда просил рассказать о последних примерах «жидоедства» (его слово). Затем разговор переносился в его любимую биологию и непременно завершался обменом литературными новостями. В его доме я впервые познакомился с самиздатом. На тонких листочках папиросной бумаги был отпечатан «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург – по сути, первая летопись страшных событий сталинского правления. Сегодня об этих годах написаны сотни, если не тысячи статей и книг, тогда же только за хранение подобной литературы, можно было схлопотать десяток лет всё ещё активно функционирующего ГУЛАГа.

Наши замечательные беседы, обычно, прерывались стуком в дверь, и в комнату вкатывалась Зинаида Ивановна – жена Владимира Яковлевича. Это была очаровательная и, несмотря на шарообразность фигуры, необычайно подвижная женщина с умными сияющими глазами и какой-то удивительной лёгкостью речи. Она была не просто умной, но и очень мудрой женщиной. Ей удавалось на протяжении практически всей их совместной жизни цементировать семейные отношения, прощая Владимиру Яковлевичу его бесконечные левацкие забеги, на которые он был весьма охоч. Зинаида Ивановна безропотно и даже доброжелательно принимала у себя в доме внебрачного сына Владимира

Яковлевича. Семья Александровых поначалу состояла из четырёх человек: Владимир Яковлевич или Вилка, как его величала жена, сама Зинаида Ивановна, их сын Юлий, он же Юлка и Матрёна Семёновна – домработница, хотя так её называть просто не поворачивается язык, поскольку она была родной человек – полноценный член семейства. Позднее Юлий женился на очень милой своей коллеге Наташе, со временем у них появилась дочка Анна, которая оставалась на попечении бабушки и дедушки и, разумеется, Матрёны Семёновны, потому что родители – геологи вели полевой образ жизни. Анечка стала единственным светом в оконце, объектом безумной любви и гордости дедушки и бабушки. И, надо сказать, ребёнок этого вполне заслуживал. Сегодня Анна Богданова (Александрова в девичестве) с мужем Миколой Богдановым и дочкой Зинаидой живут в Цюрихе. Анечка - доктор биологии, руководит лабораторией и профессорствует в Цюрихском университете. Представляю, как был бы счастлив дедушка! У нас с ними, несмотря на солидную разницу в возрасте, сложились по-настоящему дружеские отношения. Они побывали у нас в Кёльне, и мы не заставили себя уговаривать с ответным визитом. Регулярно «перескайпываемся».

Здесь, пожалуй, мне хочется вернуться в начало начал. Владимир Яковлевич родился в Черкассах в 1906 году в семье провизора и учительницы. Они жили недалеко от дома, в котором обреталась семья Золотаревских. Ребята быстро подружились. Их было трое. Изя Золотаревский, Виля Александров и Женя Лурье. Они были - не разлей вода. Долговязый Виля за свою непомерную любознательность и выдающийся орган обоняния имел кличку «Носа». А у моего папы была кличка «золотарь», позволяющая предположить, что среди моих предков были золотари – золотых дел мастера. В 1923 году семья Александровых переехала в Петроград. С тех пор папа и Владимир Яковлевич виделись лишь эпизодически – наездами, но их дружба не тускнела.

В 1929 году Виля окончил биологическое отделение Петроградского Университета. Он с головой ушёл в экспериментальные работы по биологии. Уже в 1940 году он блестя-

ще защитил докторскую диссертацию. А в 1943 году у него вышла, написанная в соавторстве с его учителем и другом проф. Дмитрием Николаевичем Насоновым книга «Реакция живого вещества на внешние воздействия». За неё им была присуждена Сталинская премия второй степени. Половину средств - 50 000 рублей авторы перечислили на нужды Красной Армии. Но я никогда не видел на лацкане пиджака Владимира Яковлевича этой лауреатской медали. Что-то

Владимир Яковлевич Александров

ему мешало её носить.

После Войны очень обострились отношения между серьёзными учёными-генетиками и безграмотными выскочками во главе с обласканным властями авантюристом академиком Т.Д. Лысенко. В 1948 году состоялась печально знаменитая сессия - суди лице ВАСХНИЛа, на которой генетика была названа «продажной девкой империализма» и тем самым, по сути, был наложен

строгий запрет на дальнейшие исследования клетки.

Крупнейшими учёными страны было направлено письмо руководству партии и правительства с протестом против

махрового невежества принятого решения на сессии ВАС-ХНИЛ 1948 года. Среди подписавших письмо был и В.Я. Александров. На подписантов начались гонения. При этом надо ещё учитывать, что всё это происходило на фоне широко развёрнутой антисемитской кампании под лозунгом «борьбы с безродными космополитами». Владимир Яковлевич потерял свою лабораторию, лишился возможности вообще, где бы то ни было работать. Спасало лишь то, что он делал переводы зарубежных научных работ и публиковал их под фамилией своей жены - Крюковой Зинаиды Ивановны, благо они были коллегами.

Зинаида Ивановна Крюкова

Параллельно, не смотря ни на что, Владимир Яковлевич у себя дома, вооружившись лишь термосом и микроскопом, продолжал проводить свои империалистической

направленности эксперименты.

После развенчания Лысенко и его приспешников, типа Презента, Владимир Яковлевич вернулся к активной научной работе. Он вновь возглавил лабораторию цитофизиологии и цитоэкологии. Я бывал у него в лаборатории, находящейся в Ботаническом саду. Однажды я попал во время обеденного перерыва. Меня поразила обстановка, царящая за общим столом. Вся еда, принесенная сотрудниками из дому, выкладывалась на всеобщее «обожрение». Здесь во время этих совместных трапез решались не только профессиональные вопросы, но и разруливались разнообразные личные проблемы. Обстановка была очень доброжелательной и весёлой.

В эти годы за цикл работ по эволюции живого, связанной с изменением температуры среды, Владимир Яковлевич был удостоен высшей награды Академии наук СССР по биологии – Золотой медали им. И.И.Мечникова. Этой наградой

он очень гордился и с удовольствием её демонстрировал. В 1990 году В.Я.Александров был награждён орденом Ленина, но этой награды он как-то стеснялся.

В 1993 году выходит в свет его книга «Трудные годы советской биологии», которой он как бы выполнил долг перед поруганной наукой и учёными, загубленными лысенковщиной, перед коллегами, прошедшими все круги ада и сумевшими победить мракобесие. Заключить мои воспоминания о Владимире Яковлевиче мне хочется несколькими его афоризмами, на которые он был большой мастак:

«Для каждого человека Вселенная – это лишь то, что он в себя вмещает»;

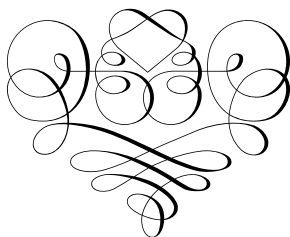
«Жена – условие необходимое, но недостаточное»;

«Старость – это крупная личная неприятность, но нужно жить в мире со своим возрастом»;

«Ничто так не способствует признанию заслуг учёного, как его кончина».

Владимир Яковлевич Александров ушёл из жизни в 1995 году, не дожив нескольких месяцев до своего девяностолетия.

*Евгений Маркович
Лурье*

Женя Лурье родился в семье зубного врача на той же улице Прорезной в Черкассах, что и папа, в том же 1906 году. Их детские годы прошли в обычных для этого возраста забавах. Играли в квача и жмурки, коцы и штандер, крутили серсо и купались в речке, таскали яблоки из соседских садов и промышляли на ближних огородах. Словом, у Носа, Золотаря и Женьки день был занят полностью. Семья, в которой воспитывался мальчик Женя, сформировала некоторые особенности его характера. Слыша ежедневно безумные вопли пациентов своего отца, Женя приобрёл устойчивое чувство страха перед зубными врачами. Большую часть жизни он провёл с беззубым ртом, пока его начальство в приказном порядке под страхом увольнения не заставило привести рот в божеский вид. С тех пор Евгений Маркович, и без того очень красивый человек, блистал ослепительной улыбкой Алена Делона. В 1924 году дядя Женя поступил в сельскохозяйственный институт, который и закончил по специальности агрономия. Во время учёбы он познакомился с Верой Максимовной (1913-1994), ставшей до конца дней его верной и любящей женой. Вскоре он получил предложение, от

*Подполковник Евгений
Маркович Лурье при
исполнении*

которого, как говорится, невозможно было отказаться. Его призывали на службу в ОГПУ СССР, повесили лейтенантские погоны и назначили начальником сельскохозяйственной исправительно-трудовой колонии (ИТК). У них родились две девочки Галина и Лариса. Дядя Женя часто бывал в Киеве в командировках и всегда останавливался у нас. Мама относилась к нему с особой симпатией и очень оживлялась с его появлением. Мне запомнился такой случай. Дядя Женя и мама сидели на диване и разговаривали. Неожиданно ему на колени прыгнул наш любимец –

сибирский кот Руслик. Дядя Женья с отвращением сбросил его на пол, потому что страсть как не любил кошачью породу, отдавая явное предпочтение собакам, которых держал всю жизнь.

Но наш кот был принципиальной тварью и обид не прощал. Он уселся на холодильник «Саратов», стоящий в проходе между комнатами и, дождавшись, когда дядя Женья зачем-то переходил из одной комнаты в другую, бросился с диким воплем на него и разодрал ему левую руку. Что было с пострадавшим описать трудно! Он выхватил из кобуры пистолет и с криком «Убью!» стал гоняться за мстительным животным по всей квартире. Но Руслан был хитрее и значительно резвее. Он спрятался от обидчика в кухне на антресолях. А мы общими усилиями постепенно успокоили дядю Женью. Наш же драчун появился только после его отъезда. Евгений Маркович проработал до выхода на пенсию начальником ИТК в посёлке Божково под Полтавой. Тогда он уже носил полковничьи погоны.

Каждый раз, приезжая к нам, он уговаривал папу и маму отправить меня на лето к ним в Божково, всячески расхваливая прелести их натурального хозяйства. И вот летом 1961 года я принял его любезное приглашение, решив провести там свой отпуск. Тут нужно напомнить, что это было накануне нашей с Танюшей свадьбы. Таня в это же время поехала в Лозовую навестить тётю Дусю – первую жену Таниного отца. А я, приехав в Божково, убедился, что у дяди Жени всё действительно было отлично. И замечательные девчонки, и природа, и свежайшая еда, которую очень вкусно готовила Вера Максимовна. Таких молочных продуктов я не едал больше никогда в жизни. Кроме того, меня очень занимала кажущаяся романтика лагерной жизни. И всё же за 2-3 дня я так искушался по Тане, что, испросив разрешения у дяди Жени и тётки Веры, поехал в Лозовую за Таней и привёз её в Божково, где мы провели уже вместе прекрасную неделю. Таня, к моей радости, всем очень понравилась, а дядя Женья в неё просто влюбился и, по сути, стал крёстным отцом нашего брачного союза. Только много лет спустя он мне рассказал, что на самом деле он хотел меня посватать за свою

младшую дочь - Ларочку. А тут я, как говорится, в Тулу со своим самоваром, да ещё с таким красивым. Дядя Женя водил нас на экскурсию в зону, показывал псарню с лютыми собаками и даже однажды взял с собой на ночную охоту на зайцев в степи с помощью автомобильных фар.

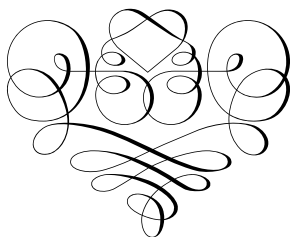
Вера Максимовна все годы страдала серьёзным сердечным заболеванием, но это не мешало ей и девочкам активно заниматься художественной самодеятельностью. Они хорошо пели и принимали участие в концертах перед заключёнными. Однажды на таком концерте присутствовал и я. Позднее, глядя фильм В.Шукшина «Калина красная», я с некоторым душевным трепетом вспоминал тот концерт. После ухода на пенсию в 1967 году семья Лурье переехала в Одессу, где они поселились в большой квартире на улице Островидова.

*Вера Максимовна и Евгений
Маркович Лурье на пенсии*

Мы с Таней бывали там у них и были дружны не только с родителями, но и с девочками и их семьями. Галина вышла замуж за вертолётчика Анатолия Могилу, а Лариса – за инженера Валентина Конорева. Вся их большая и дружная семья жила в Одессе. К сожалению, кроме Валентина, ему на долгие годы, никого из старшего поколения не осталось в живых. Евгений Маркович Лурье, дядя Женя, ушёл из жизни в 1997 году.

*Любовь Самойловна
Горкина*

Мне всегда казалось очень показательным, что все друзья её называли – Любочка. Не Люба, не Любовь и уж тем более не Любовь Самойловна, а именно – Любочка. Её внешность и располагающая манера общения никого не оставляли равнодушным. Она выделялась даже среди очаровательных девушек «Чипыстана», причём не только внешностью, но и весёлой авантюрной энергией, странно сочетающейся с несвойственной молодости мудростью. Её биография – это увлекательный приключенческий роман. Любочка родилась в Одессе в 1909 году. К сожалению, я ничего не знаю о её детстве и юности, не знаю и о том, каким ветром её занесло в Киев, где она и познакомилась с моими родителями, дружба с которыми не прерывалась никогда. Знаю лишь, что во время одной из своих поездок в Одессу, она встретила красавца-моряка Матицкого и вышла за него замуж. Бурный роман очень скоро получил трагическую развязку. Выяснилось, что шикарный матрос дарил свою любовь не только Любочке. Одна из любовниц, родив от него сына, подкинула его им и скрылась навсегда. Любочка сумела простить неверного мужа и полюбить чужого ребёнка. Они назвали его Валерием. Вскоре внезапно умер Любочкин муж. Она осталась одна с больным ребёнком на руках. Врачи поставили диагноз: детский церебральный паралич. Всю свою жизнь Любочка положила на то, чтобы поставить ребёнка на ноги и ей это удалось. Валерий Горкин-Матицкий стал журналистом и работал вплоть до 2003 года обозревателем на радио «Всемирная русская служба». С середины тридцатых годов Любочка с сыном поселилась в Москве. Там она познакомилась с молодым артистом Театра Сатиры – Александром Борисовичем Прибыловским, который безумно влюбился в Любочку и, несмотря на крайнюю мягкость характера, тут проявил необычайную твёрдость и решительность, уговорив Любочку выйти за него замуж. Надо сказать, что они прожили вместе до конца своих дней. В театре Александр Борисович, или, как его называла Любочка, Санечка, был далеко не на первых ролях, но дома – это был надёжный друг, нежный муж и любящий отец. Своих детей у них не было. Во время войны театр эвакуировали во Фрунзе. Здесь её

энергия, ум и обаяние находят достойное применение. Она стала заместителем министра культуры Киргизии. Там же она познакомилась с академиком Александром Владимировичем Палладиным, будущим бессменным Президентом Академии наук Украины, дружбу с которым она сохранила на долгие годы. В конце Войны Любочка с мужем и сыном возвратились в Москву в двухкомнатную квартиру на Большой Дорогомиловской улице, где мы неоднократно бывали. Когда театр приезжал на гастроли в Киев, они много времени проводили у нас. Приезд Любочки был всегда для родителей праздником. Хочу рассказать об одном, на мой взгляд, потрясающем эпизоде, который как нельзя лучше характеризует Любочку. Это было во время киевских гастролей театра в 1952 году. У нас дома собрались, живущие в Киеве, бывшие «чипыстановцы». Среди пришедших была и Гильда Исааковна, муж которой всеми любимый Сейка (Ойсей Соломонович) отбывал срок по лживому состряпанному на живую нитку антисемитскому процессу. Конечно, разговор сразу коснулся этой темы. Любочка со свойственной ей решительностью сказала: «Гильда, завтра сведи меня с Сейкиным адвокатом. Мне нужны все документы и заявление о помиловании». Вечером следующего дня Любочка вернулась со всеми необходимыми бумагами. Она была очень сосредоточена и на вопросы родителей толком ничего не объясняла. Утром она навела на себя марафет, оделась изысканно, но скромно, и удалилась. А нужно заметить, что, несмотря на очень ограниченные возможности, Любочка всегда выглядела, пожалуй, не хуже английской королевы. Вернулась Любочка после полудня возбуждённая и очень довольная. Глаз от неё нельзя было оторвать.

Она рассказала, что попала на приём к Сидору Артемьевичу Ковпаку бывшему легендарному командиру Украинской партизанской дивизии, а ныне заместителю Председателя Президиума Верховного Совета Украинской ССР. Как уж ей это удалось – так и осталось тайной. Нам же она нехотя объяснила, что просто вежливо и с улыбкой обратилась с просьбой в секретариате. С.А.Ковпаку она поведала горькую историю, которая приключилась с её оклеветанным

другом О.С.Коганом - честным человеком с безупречной репутацией и умоляла поручить детально и доброжелательно разобраться в этом деле. Ковпак с неохотой пообещал. Но она, выстрелив в хозяина кабинета своей обворожительной улыбкой, попросила положить заявление о помиловании в папку для срочных дел. Загипнотизированный Сидор Артемьевич послушно выполнил её просьбу. Только после этого Любочка сказала, что они здесь в Киеве с Театром Сатиры, что можно позволить себе и отдых (не всё же заботы о благе Украины), что завтра, например, великолепный спектакль по пьесе В.В.Маяковского «Клоп» и она с радостью приглашает его посетить театр. Каково же было удивление, когда на следующий день Санечка вернулся после спектакля с вытаращенными глазами и, запинаясь, поведал, что на спектакль пришло почти всё руководство республики во главе с первым секретарём ЦК КПУ Леонидом Георгиевичем Мельниковым. Через два месяца Сейка вернулся домой. Вот в этом поступке Любочка вся. В 1961 году Любочка приехала на нашу с Танюшей свадьбу.

Любовь Самойловна Горкина

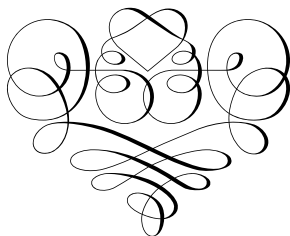
Она прекрасно справилась с ролью тамады, которую с радостью взвалила на себя. При этом она, несмотря на возраст, была едва ли не самой привлекательной из женщин, не считая, разумеется, невесты. Мы получили от Любочки целый ряд простых, но очень важных жизненных установок. Вот три из них, которыми сама Любовь Самойловна следовала всегда:

«Ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого, как вежливость».

«Лучшее украшение женщины – улыбка».

«Человек должен делать добрые дела».

***Овсей Соломонович
и Гильда Исааковна
Коганы***

Сейка - так у нас дома его называли родители. Для нас – детей он был дядя Сея. А вообще-то его полное имя – Овсей Соломонович Коган (1907 – 1984). В наш дом он попал, женившись на «чипыстановской» красавице Гильде – Гильде Исааковне Шмуклер (1908 – 1984). Когда я с ними познакомился, это были, на мой взгляд, достаточно пожилые люди явно семитской внешности, крепко потрёпанные жизнью. Сейка был жилистым смуглым шатеном среднего роста с огромными тёмными глазами и крючковатым носом. Этот нос и природная сутулость придавали его внешности орлиный облик, за что ещё смолоду получил кличку «орёл». Глядя же на Гильду, трудно было предположить в ней ту красоту, о которой говорили родители. Это была болезненного вида хрупкая брюнетка. Тонкая кожа лица не могла скрыть нежной

*Гильда Исааковна Шмуклер,
1928 год*

голубизны кровеносных сосудов. Пожалуй, единственное, что напоминало о прежней красоте, были большие карие миндалевидные библейские глаза.

Вместе они к нам приходили только по званым случаям. А Сейка сам бывал часто. Он был не только другом, но и постоянным партнёром родителей по преферансу. У нас в семье Сейку очень любили, называли Распайкой и всегда с удовольствием ждали его прихода.

Это был по-настоящему живой человек. Он был заядлым рыбаком, азартным картёжником, любил выпить. Играть с ним в преферанс было одно удовольствие. Помимо того, что он был хорошим игроком, он ещё и обладал бешеным темпераментом. Неожиданно выигранная им игра вызывала бурю весёлых эмоций, а ошибка партнёра, не смотря на ничтожные ставки, грозила членовредительством. И тогда глаза его загорались дьявольским светом, что очень гармонировало с его внешностью.

Овейс Соломонович Коган

Родители играли слабее его и, разумеется, большей частью проигрывали. Папа к этому относился с олимпийским спокойствием, а мама – иногда нервничала. Так что страсти разгорались нешуточные. В середине игры делалась пауза на ужин. При этом если мама предлагала чай с пирогами, Сейка выражал свой протест возгласом: «К чёрту чай! Рюмку водки и хвост селёдки!». Иногда к игре присоединялся и я, тогда Сейка изо всех сил старался себя сдерживать, понимая, что моя игра ничуть его не хуже. В 1962 году тор-

жественно отмечалось Сейкино 55-летие. Жили они на Большой Житомирской во встроенной в мансарду квартире. Добраться до них при отсутствии лифта было непросто. Но обставлено всё было с выдумкой и хорошим юмором. Лестница от первого этажа и до мансарды была увешана шутивными самодельными лозунгами и стишками. По этому случаю папа написал поздравительные стихи.

Овсею Когану пятьдесят пять! Сейка разумное, доброе, вечное...

Вновь Распасейка¹ юбиляр.
Живучая однако раса!
Меня уже бросает в жар,
когда я вижу чуб Тараса.

Всё тот же бал на чердаке,
шум, гам, парад головоломка,
и Ювеналов бич² в руке
его тщедушного потомка.

Я это знаю назубок,
как вкус вина, плодов и ягод,
как то, что Распасейка - бог³,
рабочий вол и доходяга.

Взгляните на его лицо.
Что видим в кадре, судя строго?
Оно (лицо) заподлицо
с коричневым регланом Бога.

Кто в кадре не найдёт следов
бессониц, частых возлияний,
нечеловеческих трудов
и человеческих страданий?

Вот он ползёт на свой чердак
от копоты табачной смуглый.
Он правда юбиляр не круглый,
но круглый... как это... вот так.

А впрочем, что ронять слезу,
пируя, сидя на скамейке?
Кто видел на ветру лозу,
поймёт в чём сила Распасейки.

Домой приходит трупом труп...
Но вот жена подкрутит гайки,
даст пить Орлу⁴... и поутру
он вновь бренчит на балалайке.

А если светит преферанс,
старик Орёл страшной кондора...
И тут уже поют романс
финансы у его партнёров.

Здесь гения видна печать!
С Орла, как говорится, взятки гладки.
Царю ль пернатых получать
на мизере при птичке взятки.

Нет! В крайнем случае - одну
из трёх. Напрягши все усилья,
царь птиц - Орёл, идя ко дну,
внезапно расправляет крылья.

Короткий взмах! Парад але!
И он, как бы в пылу азарта,
под громкий клёкот, на столе
вдруг перемешивает карты.

Приём известный! Что ж, ей-ёй,
и мы не раз в своих же стенах,
как дураки, по шесть рублей
ему платили в новых ценах⁵!

Соображение у стола
и мы не раз теряли сдуру,
вместо того, чтобы Орла
спокойно общипать, как куру...

Но дело прошлое... Орлу
должны воздать мы по заслугам.
Он был всегда нам лучшим другом.
Как Богу воздаём хвалу.

Орлу - бойцу, царю пернатых,
от всей души, не скондачка,
от нас и от детей женатых
и неженатого внучка.

Цвети на радость Гильде, Юре,
служи стране своим трудом.
Пусть впредь невзгоды, беды, бури
минуют Распасейкин дом.

Но мы хотим, чего таиться,
чтобы Орёл в недобрый час,
темня на мизере при птице,
пять взяток получил хоть раз!

03.02.1962 год.

- 1 - кличка Овсея в нашей семье.
- 2 - синоним поэзии гневного обличения.
- 3 - прозвище с молодых лет.
- 4 - прозвище, связанное с орлиной внешностью.
- 5 - недавно произошла денежная реформа.

А какое удовольствие мы все получали от совместной рыбалки! Это речь идёт о нашем летнем пребывании на Десне в Пирново. Ира, работая начальником финотдела Стройтреста №1, имела возможность получать туда путёвки. На рыбалку Сейка подымал всех ни свет, ни заря. Мы выходили на Десну большой рыболовецкой артелью: Сейка (бугор), папа, Таня и я. Накануне вечером он учил нас, как делать наживу и прикормку. Он варил для рыбы вкусную перловую кашу со специальными только ему ведомыми добавками и, смешав её с местной глиной, крутил так называемые «балаболы», которые во время рыбалки забрасывались в воду, как аппетитная завлекалочка для рыбы. К завтраку мы возвращались всегда с рыбой, но в наши обязанности (главным образом Танины и мои) также входила её чистка.

За ужином к рыбке всенепременно подавалась водочка, и жизнь сверкала всеми цветами радуги. Но был у дяди Сеи ещё один талант, который выделял его из всех родительских друзей. Он обладал феноменальной музыкальностью.

Он самостоятельно научился игре на скрипке, освоил игру на гитаре и балалайке. Я думаю, что ему было под силу овладеть любым музыкальным инструментом. Разумеется, у него был абсолютный слух, но, когда он напевал даже простую мелодию, ему удавалось наполнить её поразительным многоголосием нюансов. Невольно приходило на ум сравнение с видимым простым белым цветом, который состоит из целой гаммы различных цветов. Это у меня вызывало бурю восторга. Такое количество полутонов я слышал только в исполнении Леонида Осиповича Утёсова.

К сожалению, я плохо знаю все этапы жизни Сейки и Гильды. Могу лишь сказать, что по образованию они оба были экономистами и работали до Войны на этом поприще. После войны дядя Сея работал в каком-то учреждении начальником планово-экономического отдела. Там в годы борьбы с космополитизмом было состряпано дело, состоялся скорый суд-расправа, и дядя Сея получил семь лет. О том, как он, благодаря Любочке, освободился, я уже писал.

После лагеря, конечно, его не брали ни на одну работу по специальности, и он вынужден был работать в артели, изготавливающей металлические кроватные сетки. Кстати, там он встретился и познакомился с Маратом, который тоже после отсидки только в этой артели сумел найти себе работу. На их руки страшно было смотреть – сплошные кровавые мозоли.

Позднее Сейка устроился на работу в школу учителем пения, где проработал десять лет, а параллельно руководил художественной самодеятельностью в Киевском институте кибернетики, где вместе с сыном Юрием ставили к первому апреля замечательную «Юморину».

Юрий Овсеевич и Овсей Соломонович Коганы

Гильда в послевоенные годы зарабатывала, печатая на пишущей машинке. Припоминаю два папиных экспромта, уже не помню по какому поводу, посвящённых Сейке и Гильде.

НЕТ БОГА КРОМЕ БОГА

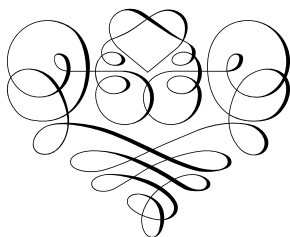
Слесарь, клезмер, жрец науки,
Бог в искусстве и жратве,
Сейка мастер на все руки,
Но испытывает муки,
Оттого, что рук лишь две.

ПЕЧЁТ И ДОПЕКАЕТ

Печёт страницы Гильда, как блины.
Сыночка нянчит нежно, до оскомы.
Но иногда объестся белены,
И мужа - в блин... Тем хуже для жены:
Мы все не молоды, мы все больны;
Только б не вышел блин не комом - комой!

С горечью должен сказать, что после ухода из жизни в 1973 году моего папы, Сейка стал бывать у нас всё реже и реже. Я думаю, что в этом не последнюю роль сыграла Гильда. Но я им не судья, мне просто было жаль маму, которую огорчало это охлаждение в их отношениях. Последние годы Сейка и Гильда очень болели и умерли с разницей в три дня в 1984 году. А закончу эту главу я рассказом о том, как я нашёл их сына – Юру, которому мне нужно было задать несколько вопросов в связи с этой моей работой и попросить фотографии его родителей, которых в моём фотоархиве не оказалось. Мой розыск по Интернету не дал результатов, а попытки обнаружить его следы в Киеве тоже оказались тщетны. Помогла мне Лёля - дочка папиного друга юности Саша Бернштейна, живущая в Берлине. По телефону она сообщила мне, что по её сведениям Юра двадцать лет назад ездил поработать по контракту в Сан-Хосе - столицу Коста-Рики. И я решил написать ему письмо в полном смысле «на деревню дедушке», в котором изложил суть проблемы и все возможные свои координаты. Прошло три месяца, и я уже потерял надежду. Однако, какова же была моя радость, когда неожиданно провякал скайп и в нём появился Юра. Оказывается, в Коста-Рике, а конкретно в Сан-Хосе, нашлось не так много евреев, а уж Юрий Коган и вовсе обнаружился лишь один.

***Мария Исааковна
Каган***

Мария Исааковна Каган (1907-1979) – Марочка. Она была ближайшей маминной подругой, а потому и самым близким всей нашей семье человеком. Можно, пожалуй, даже сказать, что она просто была членом нашей семьи.

Мария Исааковна Каган

В прошлом «чипыстановская» красотка, человек редкой общительности, всю свою жизнь окружённая людьми из самых разных социальных слоёв общества - от ресторанных грузчиков до литературной украинской элиты. Со всеми она

находила нужный тон и всегда могла поддержать любую тему в разговоре, со всеми была в приятельских отношениях. У Марочки была симпатичная речевая особенность. Она вместо буквы «л» произносила букву «в». И это «было очень миво». Её биография могла бы стать сюжетом для остросюжетного романа.

До Войны она была замужем за ответственным работником НКВД, о котором я ничего не знаю. Знаю лишь то, что при очередной чистке рядов органов безопасности он в 1937 году был расстрелян. Марочку же спасли от ареста сослуживцы её мужа, которые к ней относились с большой теплотой. Они посоветовали ей немедленно скрыться, и она уехала из Киева. А вскоре началась Война. Во время эвакуации Марочка с больным отцом оказалась в Челябинске. Жили впроголодь. Чтобы поддержать больного отца Марочка на рынке выменивала какие-то тряпки на продукты питания. Однажды она, покупая на базаре у спекулянта остаток хлебной карточки, была арестована. Это совпало с кампанией по борьбе со спекулянтами. Устроили показательный процесс, на котором были осуждены и продавец, и покупатель. Марочка получила 5 лет лагерей. Но и там она пользовалась любовью и уважением своих сокамерниц, спасших её от притязаний одного из начальников лагеря. Когда казалось, что развязка неминуема, соседки по камере предложили ей проглотить какую-то дьявольскую смесь, которая должна была привести Марочку на больничную койку, упрятав её тем самым от похотливых притязаний. Однако это средство привело к тяжелейшему отёку горла и повредило голосовые связки. Цель была достигнута, но с тех пор Марочка разговаривала хриплым почти мужским голосом с сипящими прерывающимися звуками (очень напоминало голос Галины Волчек). Выйдя из лагерной больнички, Марочка обратила на себя внимание уголовного авторитета – Васи, и он взял её под свою защиту вплоть до её условно-досрочного освобождения.

После отсидки Марочка вернулась в Киев и вышла замуж за милого скромного инженера Бориса Самойловича Каплана, живущего в маленькой комнате этажом выше нас на

Прорезной. Он носил очки-линзы, через которые были видны нереальных размеров серые глаза. Он был очень хорошим шахматистом, что нас с ним сближало в период моего активного увлечения этой древней игрой. Однажды Марочку разыскал (один Бог ведает как) её бывший соллагерник вор-рецидивист Вася. Он предложил ей вместе с ним бежать за границу. Конечно, Марочка отказалась. Тогда он вынул перстень с огромным бриллиантом и попытался подарить его. Насилу Марочке как-то удалось от всех этих предложений отвертеться. Больше Вася в её жизни, к счастью, не появлялся. Вскоре неожиданно умер Борис Самойлович, и Марочка осталась опять одна.

Она стала приходиться к нам по несколько раз на дню, распираемая от необходимости поделиться какими-нибудь, чаще всего ерундовыми, новостями. Благодаря своей невероятной контактности, она знала всё обо всех и обо всём. Новости в независимости от их значимости она рассказывала с горящими глазами, не вынимая папиросы изо рта. Когда же собеседник пытался её переключить на какие-либо свои события или впечатления, она, зачастую не дослушав до конца, перебивала его словами: «Нет, вучше!» и рассказывала свой вариант аналогичного сюжета. Если Марочка заскакивала к нам, когда мы сидели за столом и обедали, и мама предлагала ей пообедать с нами, она всегда поначалу категорически отказывалась, но, спустя мгновение, как бы нехотя произносила: «Борщ я, пожавуй, съем». Но все эти милые и даже забавные особенности характера лишь добавляли краски к её основным чертам. Марочка была отзывчивым и надёжным другом. Особенно это проявлялось, если она видела, что кому-то нужна помощь. Тут она была изобретательна и неудержима.

Все послевоенные годы своей жизни она работала в издательстве «Радянский письменник» машинисткой, куда её привел очень близкий друг - известный украинский писатель Юрий Петрович Дольд-Михайлик. В её доме бывали многие украинские литераторы, с которыми она легко поддерживала приятельские отношения. Здесь можно было встретить М.Стельмаха, И.Дзюбу, А.Мальшко,

Л.Вышеславского и других. После смерти папы Марочка стала подбрасывать маме работу на машинке, чтобы отвлекать её от горестных мыслей. При этом она держала себя нарочито строгим начальником, неукоснительно требуя от мамы точного выполнения сроков сдачи работ. Запомнилось Марочкино шестидесятилетие, которое отмечалось два дня.

Марии, Марфе, Маре – вместе в день юбилея, но без лести.

«Какая жуткая кошмара,
Сегодня выродилась Мара!»
Так много лет тому назад
красотке в день её рожденья
поэты в чашу поздравленья
плеснули скептецизма яд.
Но вот сегодня шестьдесят...
Не верится. Давно ли Марфа,
стан повязав дерюжным шарфом,
к лицу любая тряпка ей,
являлась к нам на Прорезную¹
с поклонниками всех мастей
ошуюю и одесную?
Года ушли, но юный пыл
за ними не ушёл в погоню.
Мария вся как на ладони,
как в те годочки так и ныне,
с её вопросом: «Где ты быв?»²
Как и тогда с осанкой гордой
в гостях за праздничным столом,
где угощают пирогом,
она твердит: «Сыта по горло!»
Но, между прочим, вслед за тем,
тарелку протянув хозяйке,
вдруг говорит: «А впрочем, дай-ка,
кусочек я, пожавай, съем.»

Но что-то в Маре изменилось.
Она не выродилась, нет,
скорей всего переродилась
за столько зим, за столько лет.
Конечно, не во всём. В деталях.
И тут припоминать мы стали...
В те годы взвешивала слово
/помалкивать –хороший тон/
сейчас красноречива, словно,
в неё вселился Цицерон.
Сейчас она оспорит твёрдо
любую мысль, любой резон...
От Ноя и до Резерфорда -
таков её диапазон.
Всё ей доступно, всё известно
о чём бы ни был разговор.
Пускай порою мыслям тесно,
зато словам всегда простор.
Малыш животиком страдает.
Вопрос изучен глубоко:
«А Стельмах всё-таки считает,
что виновато молоко!»
Она карабкалась на кручи,
исколесила север, юг...
Непревзойдённое «нет вучше»
рты затыкает всем вокруг.
Коснётся ль речь деторожденья,
кибернетических глубин -
На всё у Марфы точка зренья.
Кто не согласен, тот кретин.
Всегда права! Не спорьте, бросьте,
иначе солнце застит мрак.
Не раз мы наблюдали как
она «кипева вся от звости.»
Не тронь её, когда сердита.
А до дискуссии дойдёт,
с четвёртой буквы алфавита,
не моргнув глазом, обзовёт.

В дни приступов радикулита,
когда гнездится боль в ноге,
Не тронь её! Она разбита.
Тут могут выйти на орбиту
слова не только с буквы «Г».
О, доктор Бротман³, тёзка Мары,
как жизнь становится сложна,
когда раздастся в трубке ярый,
осипший голос: «Я больна!»
Мужайтесь Бротман-Айболит!
Вы ей по части аспирина,
она ж насчёт врачей-кретинов,
и в бой вступает алфавит.
В короткой этой перепалке
такой густой словесный фон,
такие перлы, ёлки-палки,
что аж краснеет телефон!..
Друзья, о юбилярше Марфе
сыграл я оду на басах.
А можно было бы на арфе,
на самых нежных голосах.
Она в друзьях души не чаёт,
все псы на свете ей сродни.
Ответ «мне это не мешает»
стал классикою в наши дни.
Едва войдя в её обитель,
и ты становишься другим.
Ты тоже Бахмач-отправитель⁴,
ты тоже чем-то одержим.
И хочется звонить куда-то,
весь мир прибрал к своим рукам,
объять всё то, что не объято,
кричать восторженно: «Ребята!»
уже пидтоптаным дядькам.
Как спутник «Молния» мгновенно
любую новость, слух любой,
дав фору всем земным антеннам,
передавать наперебой...

Да, в этом сила юбилярши.
Заложен в ней особый код.
Другие с каждым годом старше,
она ж моложе что ни год!

Мы ценим, любим нашу Мару,
и он, и вы, и ты, и я,
ей отказать ни в чём нельзя...
А в общем всё-таки, друзья,
какая жуткая кошмара!

Киев, 1969 год.

1 - Улица Киева;

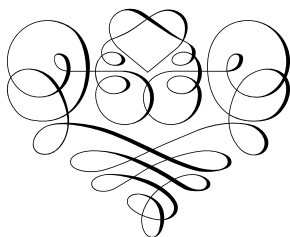
2 - Марочка вместо «Л» произносила «В»;

3 - известный в те годы врач-невропатолог,
приятель Марочки;

4 – в годы Войны диспетчер на железно-дорожной станции

Поскольку она жила в коммунальной квартире, то в этом празднике жизни принимали участие все соседи. У Заславских были накрыты столы, а все остальные помогали стульями, столовыми приборами и приготовлением праздничных блюд. На первый день были приглашены Марочкины друзья-сверстники, а на второй – молодые друзья. В итоге у неё побывало более тридцати человек, что уже само по себе говорит о многом. В декабре 1979 года Марочку при переходе улицы сбила машина. Черепно-мозговые травмы оказались несовместимыми с жизнью и спустя несколько дней, не приходя в сознание, Марочка скончалась. Без жгучего чувства стыда не могу вспомнить, как мы, получив от соседки Софьи Заславской ключи от её комнаты, устроили настоящий обыск в поисках сберегательной книжки на предьявителя, о которой нам Марочка рассказывала. Но нас, судя по всему, опередили. После кремации мы похоронили урну Марочки недалеко от нашей могилы на Байковом кладбище. И, конечно же, всякий раз бывая на кладбище, подходили к её камешку, прибирали и клали цветы. Для мамы после смерти папы это была, пожалуй, самая большая потеря. До 12-го марта оставалось меньше трёх месяцев...

***Рафаил Соломонович
и Нина Нухимовна
Скоморовские***

С Рафой Скоморовским (1899-1962) родители познакомились в том же «чипыстановском» молодёжном сообществе, где Рафа, хотя и не был активным участником всех сборищ, но пользовался авторитетом, поскольку был существенно старше всех и уже к тому времени сформировался как литератор. Он в те годы работал в киевской газете «Пролетарская правда», писал стихи и активно публиковался. Молодёжь относилась к нему настолько уважительно, что папа в те времена даже ни разу не написал на него никаких подтрунивающих стишат. А жаль! Однако роль вожака была не для него писана. Этот незаметный, скромный и тихий человек, если чем и выделялся, то только своей непоказной эрудицией. Внешне его отличали огромные добрые и грустные глаза, выдающийся лоб мыслителя и обезоруживающая детская улыбка.

Я впервые встретился со Скоморовскими уже после их возвращения из Уфы, куда они были эвакуированы вместе с Союзом писателей Украины. Дядя Рафа, как член Союза писателей, уже в 1944 году получил двухкомнатную квартиру в подвальном этаже писательского дома «Ролит», о котором уже шла речь. Через десять лет Скоморовские переехали в том же доме в квартиру этажом выше.

*Рафаил Соломонович
Скоморовский*

Нина Нухимовна Скоморовская

Их семья состояла из трёх человек: самого Рафаила Соломоновича, его жены – тёти Нины, Нины Нухимовны (1903 – 1972) и сына Виктора, который старше меня почти на три года.

Невзирая на существовавшую для того нашего возраста разницу в годах, дружба родителей предопределила и наши дружеские отношения. У нас были общие интересы: книжки, увлечение фотографией и музыкой. Помню наши походы на Владимирскую горку, где

обычно субботними или воскресными вечерами мы слушали классическую музыку в исполнении симфонического оркестра под управлением Натана Рахлина. До сих пор не могу забыть в их исполнении Вторую венгерскую рапсодию Листа. А ещё мы любили оперную музыку. Кстати, Витя на каком-то этапе неожиданно запел густым басом – сочно и громко.

Да, чуть не забыл, был ещё один полноценный член семьи Скоморовских – неведомой породы весёлый пёс Бум. Это был коренастый крепыш, который с трудом дожидался момента, когда его выведут погулять, тогда он давал себе волю, и дядя Рафа под натиском этой неодолимой силы пушинкой взмывал вверх по лестнице вслед за тянущим его Бумом.

Тётя Нина работала в УНДИПе (Украинский научно-исследовательский институт педагогики) в качестве младшего научного сотрудника. Она была соавтором учебников по

украинскому языку для младших классов средней школы. Не помню, курил ли дядя Рафа, но тётя Нина курила безбожно. Она, сколько её помню, выглядела очень худой, даже измождённой женщиной. И только её насмешливые и умные глаза говорили о её внутренней жизненной энергии.

Порядочность, благородство и полное отсутствие хватательного рефлекса определяли уровень жизни Скоморовских. И дядя Рафа и тётя Нина были очень слабо приспособлены к элементарным жизненным трудностям, что, естественно, отражалось на их крайне скромном быте.

У Рафаила Соломоновича Скоморовского вышли в свет два романа «Интеллигенты» (1930), «Суровые годы» (1957) и множество рассказов.

Все его произведения отличались острой приметливостью и отточенным авторским стилем.

Рафаилу Скоморовскому в день шестидесятилетия

Рафа, друг, погляди,
боевые товарищи седы...
Время нас не щадит, подгоняет,
но в этом ли суть?
Несмотря на лета,
все задиры мы и непоседы,
каждый голову чёрту,
играючи, может свернуть!
Я не зря помянул,
да простят мне товарищи, чёрта.
Бес хитёр.
То, глядишь,
заколдует внезапно перо,
то сосуды сожмёт,
то напротив, расширит аорту,
а бывает и так,
что без спросу залезет в ребро...

Я увлѣкся, друзья,...
Рождество на носу... а в сочельник -
ясно прѣт чертовщина
и прочая там ерунда...
Извините. Пардон.
Я как тот незадачливый мельник,
у которого вдруг
прососала плотину вода.
Юбилей!
Я, друзья,
не сторонник сенсаций и шума,
и недаром мой ум
бередит неотвязная мысль:
полно нужен ли бум?
И нельзя ль юбиляру без Бума¹
обойтись у себя,
как и мы без него обошлись?
Голиафа и то
это б за десять лет подкосило...
Что за вид,
что за видик,
как скажут в одессе - «видюк»!
Вдоль по улице пѣс
с небывалою дьявольской силой
Скоморовского тащит,
струной натянув поводок!
Это шутка, конечно.
Но вот извлекаю из шкафа
томик прозы твоей.
Хорошо! Узнаю старика!
Ювелиру под стать.
Дорогой, ненаглядный мой Рафа,
по душе мне твоя
рафинированная строка!

Пережитых событий
мелькает подробная лента.
Вижу ясно,
следуя с благодарным вниманьем за ней,
как в «Суровые годы»²
тщедушные «Интеллигенты»²
без остатка себя
отдавали Отчизне своей...
Что тебе пожелать?
Были б только здоровье и силы!
Дедом стань, как и я,
это тоже потребует сил...
Словом, как говорится,
до возраста Мафусаила
доживи, дорогой,
уважаемый Рафусаил!
Ничего, что в кудрях
серебрятся скупые снежинки,
скрип пера в нашем возрасте -
оптимистический скрип...
Пусть романы жена
переписывает на машинке,
на простой Ундервуд
променяв свой мудрённый Ундип³!
Важно вовремя точку
поставить в стихотвореньи.
Многословные оды
в наш век скоростей
Не в чести...
В знак любви и почтения,
черту подводя в заключение,
скромный адрес позволь
от души тебе преподнести:
г.Киев, ул.Свердлова 24, кв.54.

1 - любимый беспородный пёс Скоморовских;

2 - названия книг Р. С. Скоморовского;

3 - Украинский НИИ педагогики.

В 1962 году в результате тяжёлого сердечного недуга Рафаил Соломонович ушёл из жизни. Когда хоронили дядю Рафу, к папе подошёл Микола Упеник - известный украинский поэт и сказал: «Как жаль Рафу! Такой был хороший человек! Ему даже никто не завидовал!»

Десять лет спустя в 1972 году вышел сборник рассказов Рафаила Скоморовского с символическим названием «Возвращение». С Витей и его женой Лилей мы по-прежнему поддерживаем дружеские отношения, несмотря на то, что живём в разных странах. Собирая материал для этой книги, я неоднократно разговаривал на эту тему с Витей и он мне напомнил, что после смерти дяди Рафы у тётки Нины возникли проблемы с оформлением наследования из-за каких-то неточностей в документах. К этому подключился мой папа и помог уладить возникшие трудности. По части помощи папа был очень лёгок на подъём. Раз в два-три года мы бываем в Киеве, а в промежутках связываемся по замечательному скайпу. Во-первых, не только слышно, но и видно, а во-вторых – пока бесплатно. Правда, надо сказать, что после отъезда дочек (Анна – в Израиле, а Елена – в США) у них существенно изменился образ жизни. Они стали всерьёз исповедовать иудаизм и даже, как и положено, сменили имена. Отброшены прочь все прежние светские даты и, соответственно, праздники, хотя с ними прожита большая часть жизни... Витя теперь – Арон, а Лиля, пройдя через сложную процедуру принятия гиюра, стала Леей. Теперь Витя, на мой взгляд, пребывает в умиротворённо-счастливом состоянии

Мне очень интересно, как к этому отнеслись бы дядя Рафа и тётка Нина. Но, увы, этого узнать уже не дано.

Говоря о Скоморовских, совершенно естественно вспомнить их ближайших друзей - Бергольцевых, дружба с которыми долгие годы украшала жизнь моих родителей. Семён Николаевич и Эсфирь Евсеевна Бергольцевы были профессиональными юристами. Дядя Сёма всю свою жизнь проработал адвокатом, будучи одно время членом президиума Киевской коллегии адвокатов, а тётка Фира – юрисконсультом одного из киевских учреждений. Они жили на шестом

этаже в доме на улице Саксаганского в большой комнате с балконом. До Войны родители, Скоморовские и Бергольцевы встречались довольно часто, а после возвращения из эвакуации их встречи, к сожалению, стали реже, но по-прежнему они явно доставляли им радость.

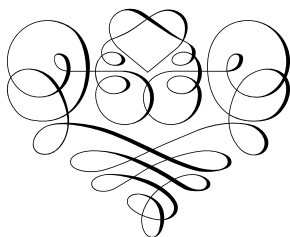

*Семён Николаевич и Эсфирь Евсеевна Бергольцевы
и Рафаил Соломонович Скоморовский, 1938 год*

Это были образованные, очень доброжелательные и приветливые люди. Дядя Сёма запомнился мне худощавым человеком небольшого роста приятной внешности с располагающей улыбкой. Он прошёл Войну, был участником Сталинградской битвы. Тётя Фира – среднего роста красивая женщина с пышными седыми волосами. В её присутствии все как-то становились серьезнее, видно собеседников организовывала её мобилизующая собранность. Мне всегда было очень интересно слушать их разговоры.

Как жаль, что всё это ушло вместе с этими замечательными людьми.

***Алла Михайловна
Лещинская***

В доме на улице Прорезной, где родилась моя мама, прошло и детство сестёр Лещинских. Их было трое: старшая – Валентина, средняя – Инна и младшая Алла. Все они закончили факультет иностранных языков, но жизнь их, разумеется, сложилась по-разному. Валентина Михайловна стала заведующей кафедрой иностранных языков романо-германской группы Киевского Университета. Внешне это была крупная малопривлекательная женщина с плоским лицом и приплюснутым носом и мужеподобной фигурой. У неё была дочка Лёля, с которой я одно время поддерживал приятельские отношения. Общение с ними мне всегда доставляло большое удовольствие, но при этом меня не покидало ощущение, что я безнадежно не дотягивал до их уровня. Жили они в маленькой однокомнатной квартирке в Дионисовском переулке. Я почему-то воспринимал их, как пришельцев из прослойки рафинированной интеллигенции прошлого века. На мой взгляд, это чувствовалось во всём – в сфере их интересов, манере (скорее манерности) общения и даже в быту. Валентина Михайловна с Лёлей изредка бывали у нас, но дружеские отношения с мамой и папой у них не сложились. Я также не помню, чтобы когда-нибудь родители, в отличие от меня, бывали у них. Сегодня эту ветвь клана Лещинских поддерживает Лёлина дочка – Аннушка. Что же касается Инны Михайловны, то она практически всю жизнь жила и работала в Москве, где следы её необъяснимо затерялись. А вот Алла Михайловна (1909 – 2008), или Аллочка, как её все называли в нашей семье, была маминой ближайшей подругой с детских лет и на протяжении всей жизни. В молодости это была очаровательная девушка, мимо которой, не оглянувшись, не мог пройти ни один мужчина. Человек с глазами, горящими от бурного темперамента и негасимой любознательности. Когда началась Война, Аллочка вынуждена была остаться с больным нетранспортабельным отцом в оккупированном Киеве, что предопределило её послевоенные мытарства. Несмотря на высшее образование и знание английского и немецкого языков, она долго не могла найти работу. В конце концов, ей удалось устроиться преподавателем немецкого языка в вечерней школе или, как их тогда

Аллочка времен «Чилыстана»

называли, в школе рабочей молодёжи. Когда я увидел её, то от бывлой красоты уже мало, что оставалось, но жизненная энергия и интерес ко всему вокруг происходящему не утихали до конца её дней. Сразу после Войны, Аллочка скоропалительно вышла замуж лишь для того, чтобы родить ребёнка. Мои родители видели этого человека всего один раз. Как только Аллочка убедилась в своей беременности, она с ним решитель-

но распрощалась. «Мавр сделал своё дело, мавр может уходить». Так на свет божий в семействе Лещинских появилась ещё одна девочка – Клавдия или Лада (1949 – 2004), как называли её близкие. От биологического отца Лады осталось только отчество. Так что полное имя Лады было – Клавдия Михайловна. Надо сказать, что мужчины в этом феминистическом семействе выполняли сугубо служебные функции, надолго не задерживаясь. С появлением Лады у Аллочки на фоне счастливого материнства началась ещё более трудная жизнь. Почему-то я очень хорошо запомнил наш с мамой визит к Аллочке вскоре после их возвращения из роддома. Жили они на Андреевском спуске в доме, всем нам хорошо знакомом по роману М.Булгакова «Белая гвардия», в коммунальной квартире, где у Аллочки была довольно большая комната. Жалкая мебель, убогое убранство и тусклое освещение – вот моё первое впечатление от увиденно-

го. Не добавлял настроения и непрерывный плач ребёнка, доносящийся из стоящей за ширмой детской коляски. Как потом выяснилось, у Аллочки исчезло молоко, о чём на весь мир сигнализировало несчастное дитя. Но восторженная Аллочка, что называется, с порога предъявила нам дочку, ожидая заслуженных восторгов. Мама отреагировала адекватно, однако мне это существо не понравилось. Тогда я ещё не знал, что новорожденные так ужасно выглядят. Правда, это был мой первый контакт с новорожденными. После декретного отпуска Аллочка вышла на работу, отдав, как все, ребёнка в ясли и затем в детский сад. Она выпрашивала в школе сверхурочные часы, искала дополнительные заработки. Это всё ложилось на её хрупкие плечи, но она не унывала, по-прежнему проявляя к жизни свойственный ей жгучий интерес. Шли годы, менялись времена, жизнь постепенно налаживалась.

Аллочка. 70-е годы

Аллочке даже удалось скопить деньги на однокомнатный кооператив в доме на углу улиц Сагаганского и Толстого,

Лада закончила биологический факультет Киевского Университета, стала писать стихи и публиковаться в периодической прессе. В начале 80-х годов у неё вышел первый сборник стихов под фамилией Клавдия Билык. Возможно, это была фамилия её мужа, но это мне неизвестно, и все мои попытки разыскать Ладу казались безуспешными.

Последние годы жизни Аллочка нашла для себя новую сферу деятельности, соответствующую полностью её энергичному характеру и завидной общительности. Она стала успешным страховым агентом, которого, как и волка, ноги кормят. Аллочка с горящими глазами прибегала на Кавказскую и рассказывала маме и нам, если мы бывали в это время дома, с какими удивительными людьми её сталкивает профессия и как успешно или не слишком успешно ей удаётся втюхивать им такие «нужные» страховые полисы. При этом Аллочка была глубоко убеждена, что она их просто осчастлиливляет.

Позднее, когда развалился Союз, основное население Украины обнищало, и страховая деятельность соответственно пошла на убыль, Аллочка стала заниматься мелкой коммерцией. Она вставала ни свет, ни заря и мчалась на площадь Победы к универмагу «Украина», чтобы, отстояв тысячную очередь, купить оптом энное допустимое в одни руки (незабываемый советский лимит) количество мыла и затем уже в розницу перепродать его где-нибудь в переходе. И это происходило, когда Аллочке было уже за 80 лет. Такой вид деятельности давал возможность выжить многим неприспособленным слоям интеллигенции в условиях обрушившегося на их бедные головы беспощадного капитализма.

Последний раз я виделся с Аллочкой в 1997 году, когда приезжал в Киев, а Ира ещё некоторое время продолжала с Аллочкой переписываться, но письма стали приходить всё реже и реже и, в конце концов, переписка оборвалась.

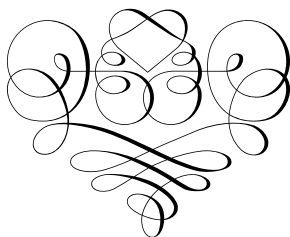
И всё же моя беспокойная натура не давала покоя ни себе, ни другим. Я попросил моего безотказного друга Володю Смирнова подойти по адресу, где жила Аллочка и по-

пытаться выйти на контакт с Ладой, понимая, что скорей всего Аллочка уже давно нет в живых. Оказалось, что не только Аллочка ушла из жизни (совсем недавно, не дожив одного года до 100 лет), но и Лада. Причём при весьма трагических обстоятельствах. Аллочка в начале двухтысячных годов дважды перенесла тяжелейшие операции, связанные с переломами с обеих сторон шейки бедра. К тому же она катастрофически теряла зрение. На всё это наложился ещё и страшный диагноз, поставленный Ладе. После смерти дочери у Аллочки хватило духовной силы, интеллекта (95 лет) и энергии (95 лет) на кропотливую работу с оставленными Ладой поэтическими архивами. В результате ей удалось издать посмертно ещё три Ладиных поэтических сборника. Причём после выхода каждого сборника Аллочка приглашала к себе домой всех, кто принимал участие в выпуске книжки, и торжественно отмечала это событие.

Всё это мне удалось выяснить (спасибо Володе Смирнову) из телефонного разговора с мужем Лады – Евгением Ароновичем Черняховским, который пообещал подобрать необходимые мне фотографии Аллочки. В конечном счете я их получил, но от Анны Володарской – дочери Лёли Лещинской.

Такую долгую многострадальную, но и счастливую жизнь прожила Алла Михайловна Лещинская.

*Юлий Адольфович
Бер*

А вот ещё одна «чипыстановская» звёздочка, но мужского пола. В этой искрящейся интеллектом и юмором молодёжной компании Юлий занимал достойное место. И всё же, хотя он, безусловно, был равным среди равных, Юлий почему-то являлся постоянным объектом дружеского подтрунивания. Этому он противопоставлял не по годам созревшую мудрость и великолепное чувство самоиронии. Юлий Адольфович Бер родился в 1903 году в Смоленске, где он закончил три класса церковно-приходской школы. Вскоре семья переехала в Киев. Жили они на Бессарабке. Для Юлия наступил период углублённого самообразования и в 1921 году он легко сдал экзамены на аттестат зрелости. Его юношеским устремлением была хирургия, но обстоятельства сложились так, что Юлий поступил на историческое отделение Киевского института народного образования, которое успешно закончил в 1928 году. После окончания института Юлий получил назначение музейным работником в Ленинград. В связи с этим «Чипыстан» весело скорбел, теряя лучшего из лучших (впрочем, других там и не было). На прощальной встрече прозвучали папины стихи, посвящённые этому расставанию.

Юлию Бери в связи с его отъездом в Ленинград

Это имя - другим пример...
Юлий Цезарь и Юлий Бер.
Только там, где должно быть Гай,
декламируя ты... икай!

Я безумствовал и постиг,
что такое прощальный стих...
Но не бешество, не азарт
направляли мои глаза...

И не кисть обожгла мольберт,
а священное слово «Бер»,
вдохновило меня на миг...
Я безумствовал и постиг.

Ты уходишь, мой младший брат,
в путь-дорогу на Ленинград...
Город гениев и богов
смоет робость твоих шагов.

Если встанет из гроба Пётр,
он при виде тебя умрёт,
но твоя громовая пядь
потрясёт его сон опять
и забытый давно мужик -
Ломоносов захочет жить,
чтобы залежь своих костей,
принести на твою постель,
чтоб сказать, гениальный друг,
постигай мой нетленный дух!

Юля, милый мальчик Юля,
так недавно в смертной скуке
ты дарил девчонкам дули
и носил чужие брюки...

Вечно юный, вечно ловкий,
с неподдельностью манер
в «Синей блузе»¹ брал концовки
и подписывался Бер.

Юля, милый мальчик Юля,
твой всегда ценили стих мы.
У тебя на кули - пули -
патентованные рифмы.

Дни проходят с буйной силой,
с быстротою аргонавтов...
Я боюсь сказать, мой милый,
роковое слово - завтра...

Мне покой сердечный странен...
Ты печален, я нахмурен.
Вот рыдает на диване
гениальный Митя Урин,

вот Алей, насупив брови,
ищет нож - какая жалость...
Он безумный ищет крови,
Гильда тихо помешалась.

Бер останься, Бер не надо...
Посмотри на наши лица...
Ты приедешь к Ленинграду
с чёрной совестью убийцы.

Сколько тягостных сплетений...
Нынче Цезарь – это редкость...
Заклинаю тебя тенью
твоего большого предка...

Цезарь правил в древнем Риме,
как в Софии правит Цанков²,
но тебе, хотя и в гриме
не к лицу его осанка.

Бер останься, Бер не надо!
Посмотри на наши лица...
Ты приедешь к Ленинграду
с чёрной совестью убийцы.

Ну и ладно... Не в этом счастье...
Этот стих отъезд не отсрочит.
Знают все – я хороший мастер
по части рифмованных строчек.

Поезжай! И ну тебя к чёрту...
Стоит долго мерзавца чтить ли?
Ты халтурщик первосортный,
и все мы твои учителя.

Все мы, распрохалтурены...
Мы носы замарали сажицей...
Можешь руку подать Урину
и Алей подать не откажется.

Поезжай! Не забудь друзей!..
Всё же славные были ребята...
Поступай в Ленинградский музей
первым Киевским экспонатом!

Киев, 1928 год.

1 - агитационный эстрадный театр.

2 - Александр Цанков - в те годы

Премьер - министр Болгарии.

С тех пор Юлий Адольфович плодотворно работал, как историк-исследователь на протяжении всей своей жизни. Его главными темами были события, связанные с Парижской коммуной, и деятельностью общества «Народная воля» в России. В конце 1930 года Юлий получил назначение на должность проректора Уральского индустриально-педагогического института. Там в Свердловске он познакомился с Натальей Александровной Менчинской – доцентом того же института и со свойственной ему энергией стал штурмовать этот, казалось бы, неприступный бастион. К тому времени Наташа уже три года была замужем. Но вспыхнувший бурный роман был такой силы, что бастион пал. В 1931 году они стали мужем и женой. Сохранилась их удивительная по страсти и нежности переписка – образец любовной лирики в эпистолярном жанре. Эти письма были опубликованы в 2005 году их дочкой Натальей Юльевной Менчинской (1946) в книге «Человек с солнечной стороны», посвящённой матери.

Книга содержит кроме писем и комментариев автора фрагменты подробнейших дневниковых записей, которые вела Наталья Александровна на протяжении почти всей жизни. Они выдают в ней натуру глубокую, эмоциональную и, безусловно, творческую. Единственное, что оставило у меня неприятный осадок, было практически полное отсутствие в них, начиная с пятидесятых годов, упоминания о горячо любимом муже. Имя Юля, как мне показалось, встречается лишь изредка, как проходная деталь интерьера

или ландшафта. Но, как говорится, не судите, да не судимы будете.

Читая опубликованные в книге письма, я натолкнулся на письмо Наташи к матери Юлия, датированное апрелем 1931 года, в котором она пишет: «Сейчас мы отдыхаем у приятелей Юлия под Челябинском. Юлий воистину ведёт растительный образ жизни, он не читает даже беллетристики, а как он ест! (сердце матери может возликовать). Он спит после обеда и спит так, что сегодня я с трудом могла разбудить его, чтобы он мог поговорить по телефону с Яшей Шмуклером». Мне было приятно это читать, поскольку всё это происходило у моих родителей, а, если принять во внимание, что в это же время там, в журналистской командировке находился Митя Урин, то можно было подумать, что в Челябинск высадился «чипыстановский» спецдесант.

*Наталья Александровна Менчинская
и Юлий Адольфович Бер*

Вскоре Юлий и Наталья переехали в Москву, где у них в 1937 году родился сын – Саша. Наталья Александровна Менчинская (1905 – 1984) – педагог-психолог, специалист по проблемам психологии обучения и формирования миро-

воззрения, профессор, член–корреспондент АПН СССР. С момента рождения сына Наталья Александровна вела подробнейший дневник естественного роста и развития ребёнка. В нём она фиксировала не только физическое развитие, но и освоение речевых функций и становление личности. В последствии этот дневник лёг в основу её докторской диссертации.

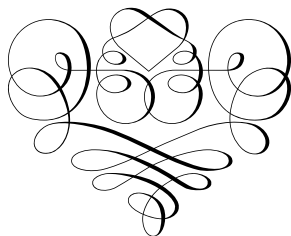
Папа по этому поводу шутил, что Наташа защитила докторскую, лишь благодаря помощи своего талантливому сына. Юлия Адольфовича я впервые увидел во время нашего приезда в Москву в 1949 году. Это был небольшого роста мужчина плотного телосложения с крупной головой, надёжно посаженной на покатые плечи и увенчанной густой седеющей каштановой шевелюрой, распадающейся по разные стороны от пробора. На его лице постоянно играла кривоватая ироническая улыбка. Ещё мне помнится, что при разговоре он немного шепелявил, выразительно причмокивая сочными губами.

После Войны Юлий каким-то чудесным образом добился разрешения на строительство в Москве одноэтажного дома, правда, без удобств, в районе Верхней Масловки.

Встречи моих родителей с Юлием Адольфовичем из-за обитания в разных городах были редкими, но их всегда отличали сердечность, радушие и какая-то, вне зависимости от их возраста, дурашливость. Это было всегда живо и интересно, обсуждали лишь актуальные события, без копания в прошлом, и читали стихи разных поэтов, которые папа и Юлий помнили великое множество.

Последний раз они виделись, если мне не изменяет память, во время приезда Юлия Адольфовича в Киев в 1972 году. В 1990 году Юлий Адольфович Бер ушёл из жизни.

*Александр Вениаминович
Бернштейн*

Дядя Саша мне запомнился человеком среднего роста с очень серьёзным лицом, главным украшением которого был внимательный взгляд изучающих собеседника глаз за круглыми стёклами очков в тонкой роговой оправе. Дядя Саша всегда был закован в двубортный костюм-двойку с обязательным галстуком и пиджаком, застёгнутым на все пуговицы.

Александр Вениаминович Берниттейн с супругой

Он бывал у нас в послевоенные годы обычно в связи с чьи-нибудь днями рождения. Во время застолья произносились остроумные тосты чаще всего в стихотворной форме. После двух-трёх таких тостов неторопливо вставал Саша

Бернштейн и с мрачным видом неподготовившего урок ученика начинал читать по мятой бумажке невероятно смешной прозаический текст. При этом, чем больше смеялись сидящие за столом, тем серьёзнее становилось выражение его лица, что прибавляло дополнительную уморительность сказанному. Александр Вениаминович Бернштейн (1905 - 1969) – коренной киевлянин. В 1923 году он поступил на химический факультет киевского Политехнического института, закончив его с небольшой задержкой лишь в 1930 году. Работая в должности доцента Киевского Технологического института им. Микояна, он в 1939 году защитил кандидатскую диссертацию на учёную степень кандидата химических наук. Когда началась Война, Александр Вениаминович добровольцем вступил в ряды Красной армии, где и прослужил в химических войсках до 1945 года.

После победоносного окончания Войны он вернулся к себе на кафедру, где продолжил заниматься научной и преподавательской деятельностью. С его дочкой Лёлей Бернштейн, ныне Еленой Александровной Новиковой (1941) я познакомился на чердаке (мансарде) у Юры Когана, где, как я уже писал, иногда происходили креативные молодёжные сходки. Я не помню, чтобы дядя Саша приходил к нам домой с Лёлей. А взрослое поколение «чипыстановского» выпуска от разу до разу с радостью встречались у нас и тогда вновь звучали острые шутки, свежие стихи и прежние песни.

Хорошо помню песню, которая звучала всенепременно:

Мама, мама! Что я буду делать,
Когда настанут зимни холода.
Ведь у меня нет зимнего платочка,
(и кто-то басом добавлял: «Точка»)
А у меня нет зимнего пальта. (с рыданием)

Если мне не изменяет память, эта песня прозвучала в фильме «Котовский». А вот ещё одна песенка, входящая в обязательную программу «чипыстановцев» (воспроизвожу её так, как она воспринималась на слух):

Свеча горить, мамаша дремлить,
А я-й на лавочке сидю...
Возьму я-й зонтик, да погуляю,
Себе сюжет я-й подищу.
Вот ён идёт, одет в халате,
Одет в сплошные рука-а-ва,
Шапьчонка дык тёплая на вате,
Чтоб не зазяб...ла голова.

Середину песни, чтобы не утомлять, пропускаю и даю сразу концовку:

Ах, не пяши ты, Варьварь, письма,
Зря не вольнуй мою ты кровь.
Ах нету денег дык на бумагу,
Дык распокон... че-е-на любовь!

Дирижировал, разумеется, Сейка¹, обеспечивая при этом ещё и многоголосие. В 1965 году отмечалось шестидесятилетие Александра Вениаминовича.

К сожалению, на тот момент папа лежал после своего первого инфаркта, поэтому он не смог присутствовать, но всё же стихи написал, которые там озвучила мама.

Александру Бернштейну в день шестидесятилетия

О, Саша, мой старинный друг!
Ты разменял седьмой десяток...
Но посмотри-ка на ребяток,
которые сидят вокруг:

никто не отстаёт от века,
все поспевают в самый раз...
Судьба играет человеком,
а человек - во что гаразд.

Кто в шахматы, а кто в бирюльки;
кто для души, а кто и нет...

У Сейки¹, например, на пульке
домашний зиждется бюджет.

Под видом ментора и друга,
играючись, по вечерам
он наши пенсии, бандюга,
домой уносит по частям.

Играл бы ты, украсив старость,
с Орлом¹, на всё махнув рукой,
и у тебя бы не осталось
живой копейки за душой...

Не будь же ты угрюм, как шамес²,
попавший к туркам на байрам.
Ты доктором не стал покамест,
а только ходишь к докторам.

Так посчитайся с этим фактом,
и не живи, как сыч в глуши.
Я как и ты подбит инфарктом,
но не утратил жар души.

Пишу стихи, танцую польку,
играю в пульку, как никак...
И только не курю, поскольку
и без того дела - табак.

Но в день большого юбилея
я всей душой с тобой, любя,
и только об одном жалею,
что не могу обнять тебя,

твою жену, дочурку Лёлю,
всех родичей и всех друзей,
в апрельский вечер на Подоле,
собравшихся на юбилей.

Но за меня обнимет Рита,
поэму огласив мою.
Я Рите как жене пиита
на то доверенность даю.

За то, чтоб ты был вечно молод,
был весел и здоров, как бык,
5 - 10 капель валидола
я принимаю под язык!

- 1 - имя и прозвище Овсея Когана;
- 2 - служитель синагоги.

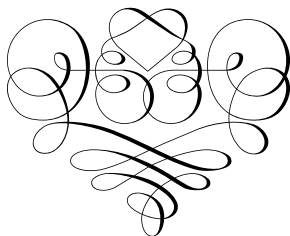
Киев, 1965 год.

Дядя Саша ушёл из жизни очень рано, ему ещё не было и шестидесяти пяти лет.

Завершить гирлянду «чипыстановских» персонажей мне хотелось бы тремя милыми людьми, о которых я, к сожалению, знаю не очень много.

Но от этого они не становятся менее яркими и привлекательными. Свои воспоминания о них я поначалу решил объединить в один раздел, чтобы просто эта глава не показалась слишком хилой, но все же передумал, посчитав, что каждый из них заслуживает отдельного упоминания.

*Лазарь Самойлович
Френкель*

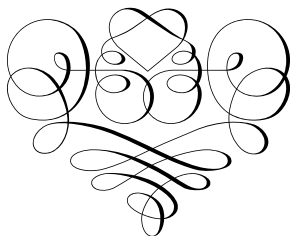

Лазарь Самойлович Френкель или Ларя – успешный режиссёр театра и кино.

Перед моими глазами ярко, будто это было вчера, всплывает такая картинка. Зима. Мы с папой спускались вниз по Прорезной, а на встречу нам поднималась внешне, на мой пацанячий взгляд, забавная пара. Он чуть выше меня ростом, круглый как шарик, с такой же шарообразной головой, сидящей прямо на туловище. Он мне немного напомнил снеговика, которого я только что вылепил во дворе. Она высокая грузная очень представительная женщина с гордой осанкой, которая ощущалась, несмотря на то, что голова почти наполовину утопала в воротнике из чернобурки. Своей видимой неприступностью она напомнила мне сказочную снежную королеву. Мне тогда показалось, что она вдвое больше мужа. Они расцеловались с папой, хотя папа этого не любил, по очереди пощипали меня за щёки, честно говоря, я этого тоже терпеть не мог, отметив, что я очень вытянулся. При этом я был абсолютно убеждён, что видим мы друг друга впервые. Это были, как можно уже было догадаться, Ларя и Женья Френкели. Дальше состоялся непродолжительный, но очень оживлённый разговор, непрерывно пересыпаемый анекдотами, концовки которых дядя Ларя, поднимаясь на цыпочки, вшёптывал папе прямо в ухо. Папа натужно смеялся, предпочитая анекдотам остроумие экспромта. Я при этом делал вид, что ничего не слышал. Короче каждый играл свою роль. А режиссёром, разумеется, был Ларя. С 1947 года Лазарь Самойлович Френкель работал режиссёром на Украинской студии хроникально-документальных фильмов. Если мне не изменяет память, то Женья - Евгения Васильевна Садовская была в прошлом театральной актрисой.

У них были две дочери. Старшая - Кира, соученица Иры, трагически погибла, утонув у самого берега Труханова острова на глазах десятков людей. Младшая – Лариса, всеми называемая Ласой, была на год или два старше меня. Она вышла замуж за сына друзей родителей – Юру Томашевского и после крушения железного занавеса они эмигрировали в Америку. Вот, что мне удалось припомнить об этой семье.

Яков Шмуклер

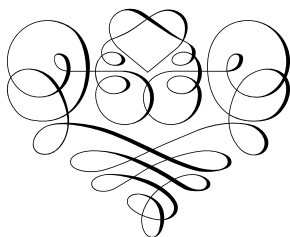
К сожалению, я не запомнил его отчества, потому буду величать его так, как называли его во время оно. Дядя Яша на моей памяти дважды бывал у нас дома после Войны во время своих служебных командировок в Киев. Жил и работал он в Днепропетровске. По специальности, как и мой папа, он был инженером-электриком. Папа к нему относился с большой теплотой и симпатией. А мне он почему-то не нравился. То ли из-за притворной, как мне казалось, сладкой улыбки, не сходящей с его довольно милого лица, то ли из-за неестественного, опять же, на мой взгляд, интереса к моей школьной успеваемости, точнее неуспеваемости. При этом он довольно долго и нудно объяснял мне, как я должен себя вести и учиться. А в общении с родителями это был весёлый и достаточно остроумный собеседник. Особый шарм добавляло его лёгкое еврейско-французское грассирование. Сохранилась забавная фотография 1930 года, на которой увековечены мама, папа и Яша Шмуклер.

Мама, папа и Яша Шмуклер, Челябинск.

Однако не могу найти разумного объяснения надписи на обратной стороне, сделанной папиной рукой: «Это мы с Пастернаком». Почему он мог назвать Яшу этим великим именем (правда, тогда Борис Леонидович ещё не был великим), тем более, насколько я знаю, Яша Шмуклер, пожалуй, один из немногих «чипыстановцев» не имел никаких художественных талантов. Вот и всё о Яше Шмуклере. Понимаю, что его, скорее всего, тоже уже давно нет в живых.

***Исаак Петрович
Цесин***

Исаак Петрович Цесин – коренной киевлянин, окончил Киевский Музыкальный институт им. Лысенко по классу композиции вместе с дядей Женей. Мне не удалось выяснить его точные годы жизни. Знаю лишь то, что он был на несколько лет старше папы, а ушёл из жизни в середине шестидесятых годов. Судьба его сложилась не очень успешно. Он работал тапёром в кинотеатрах, исполняя не только известные мелодии, но и собственные произведения.

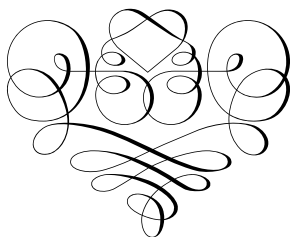
После Войны он стал музыкальным руководителем театра кукол, располагавшимся в здании бывшей караимской кенасы на Большой Подвальной. Я неоднократно бывал по его приглашению на кукольных спектаклях и хвастался перед своими друзьями таким высоким знакомством. Музыку ко всем спектаклям писал, конечно, он сам. Дядя Изя встречал меня у входа и торжественно проводил в зал.

Это был коренастый человек невысокого роста с большой удлинённой книзу головой, прижатой к груди тяжёлой нижней челюстью. Почти полное отсутствие растительности на голове частично компенсировалось весело торчащими из ушей пучками тёмных волос. Он смотрел на мир удивлёнными глазами, будто постоянно ожидал от него неожиданных сюрпризов. Исаак Петрович так и не сумел создать свою семью, поэтому, попадая к нам, он несколько преувеличено, хотя и искренне, нахваливал мамину кулинарию.

Теперь я снова возвращаюсь к нам на улицу Кавказскую в начало восьмидесятых годов, где мы продолжали жить втроём, поддерживая друг друга и ни на мгновение не забывая произошедшего. В какой-то мере этому способствовали и наши друзья.

Далее на фоне наших будней речь пойдёт о друзьях родителей, отношения с которыми складывались главным образом уже в послевоенный период жизни.

*Ян Ипполитович
и Базель Марковна
Томашевские*

С Яном Ипполитовичем и Базель Марковной родители познакомились ещё в Новочеркасске, где Ян и папа работали на одном предприятии. Но по-настоящему их дружеские отношения, не взирая на абсолютное несходство интересов и характеров, уже сложились в Киеве после Войны. Дядя Ян был просто мужем тёти Бази. Он был инженером-электриком, но работать страсть как не любил. Причём не скрывал этого, а, пожалуй, даже гордился всеми своими ухищрениями, связанными с отлыниванием от какой-либо трудовой деятельности. Я помню в середине шестидесятых годов, уже предвкушая надвигающуюся пенсию, он устроился на работу недалеко от нашего дома. Регулярно в обеденный перерыв он появлялся у нас, папа поил его чаем и укладывал поспать. Это у Яна называлось – «Ушёл на объект». Его главным лозунгом был: «Как они мне платят, так я им работаю!».

Юбиляру Яну Томашевскому

/в день шестидесятилетия/

У Томашевского губа не дура.
Трудился с холодком,
зато халтурил яро.
А пенсия ещё одна халтура
среди других халтур у юбиляра.
Так выпьем же, друзья мои,,
по чарке
за то, чтоб Ян и дальше процветал,
не надрываясь,
холодочком в парке
козла самозабвенно забивал.
Строчил на непорядки заявленья,
и был, как отставник, неуязвим...
Тем самым он
снижал себе давленье
но повышал давление другим!

Ян Ипполитович был довольно красивый голубоглазый мужчина со светлыми вьющимися прилегающими к голове волосами, выше среднего роста и плотного телосложения. Внешне он напоминал собой провинциального опереточно-го тенора.

К неоспоримым достоинствам Яна Ипполитовича считалось его польское происхождение, но папа из вредности называл его – Янкель Томашивкер, что немедленно сбивало с него шляхетскую спесь. Была у него и ещё одна особенность – он люто ненавидел Советскую власть, слушая до глубокой ночи «вражеские голоса», а затем с наслаждением делился прослушанным с особо доверенными людьми и в первую очередь с моими родителями. Папа, имея уже за плечами печальный опыт, пытался его уговорить, но Ян упивался своей избирательно негативной осведомлённостью. И, нужно признать, всё для него проходило, слава Богу, без последствий. В остальном же это был достаточно индифферентный и флегматичный человек.

Теперь о тётке Базе. Глядя на неё, невольно вспоминается гоголевская дама «приятная во всех отношениях». Это была хорошенькая крашенная блондинка небольшого роста с неплохой фигуркой. Её внешним идеалом была актриса Целиковская, которой она старательно подражала.

По-моему она ни одного дня в жизни официально не работала, периодически занимаясь куплей-продажей и приватной косметической деятельностью, что приносило доходы существенно большие, чем инженерные достижения Яна.

Тётя Базя обладала очень хорошим вкусом и орлиным взором, что помогало ей увидеть в комиссионных магазинах и на толкучке самые лучшие вещи.

Базель Марковна Томашевская

В связи с этим папа в 1959 году к очередной годовщине их свадьбы написал такое четверостишие:

Удачный брак! Во всяком разе
Сам Томашевский говорит,
Что именно на этой Базе
Построен их домашний быт.

*Слева направо: папа, Базель Марковна, мама,
Мария Ананьевна, Семен Михайлович, Ян Ипполитович*

Кстати, я помню, что, когда в определённом возрасте моё лицо в некоторых местах покрылось угрями и прыщами, именно тётя Базя успешно с ними справлялась, делая мне парафиновые ванночки и выдавливая из меня, если не раба по капле, то по крайней мере отвратительные угри. А папа при этом не упускал возможности пропеть: «Покрылось прыщами, где надо...».

Тётя Базя была добрейшей души человек, причём, как я сейчас понимаю, эта доброта имела довольно широкие границы. Учитывая сказанное об индифферентности мужа, она постоянно была вовлечена в какие-то любовные интриги, волны которых порой затрагивали и самое близкое окружение.

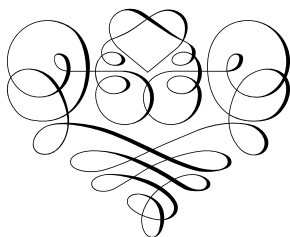
Жили Томашевские на улице Жадановского, в прошлом и сейчас вновь Жилианской, если я правильно помню, в одной комнате коммунальной квартиры. У них был сын Юра, который и внешне (красивый парень) и по убеждениям (папа постарался) пошёл в отца. Юра был старше меня на два-три года и, возможно, поэтому у нас не сложились дружеские отношения. Ведь в молодости разница в два-три года ощущалась достаточно заметно. Он окончил Киевский строительный институт и дальше старался жить по принципу: «Где бы ни работать, лишь бы не работать!».

Как я уже писал, Юра женился на Ласе Френкель, у них родился сын и, в конечном счёте, они все оказались в Америке. Юра, бросив Ласу и вторично женившись, забрал сына и уехал первым. А Ласа осталась с тяжело больной Базей, ухаживая за ней, как родная дочь. Жили они в то время на Русановке.

После смерти Базы в 1991 году уехала в США и Ласа.

Ян Ипполитович ушёл из жизни после тяжёлого инсульта в середине восьмидесятых.

*Семен Михайлович
и Мария Ананьевна
Кржепицкие*

Насколько я знаю, Кржепицкие в жизни моих родителей появились лишь после Войны и сразу, что называется, стали дружить домами. Они часто бывали у нас, а мы, соответственно у них. Их дочка – Наташа, врач-офтальмолог, почти шестьдесят лет (страшно называть такие цифры) в большой дружбе с Ирой и Маратом и соответственно с нами. Жили Кржепицкие на улице Саксаганского. Дядя Семёна, Семён Михайлович Кржепицкий (1909 – 1980) - рослый красивый представительный мужчина с крупными чертами лица и густой шевелюрой. У него была удивительно тёплая улыбка, собирающая в углах глаз лучики морщин и мягкая речь с едва заметной картавостью.

Семён Михайлович
Кржепицкий

Получив юридическое образование, дядя Семёна поначалу работал экономистом. В те годы считалось, что в юриспруденции страна будет нуждаться всё меньше и меньше, поскольку уровень преступности в стране Советов будет непрерывно снижаться. Но практика показала нечто совершенно противоположное, и дядя Семёна погрузился в самую гущу юрисдикции.

С началом Войны он был призван в Красную армию, принимал участие в Польской кампании, прошёл всю Войну в качестве члена судейской коллегии военного трибунала и демобилизовался в звании подполковника. Сразу после Войны Семён Михайлович был направлен на работу председателем военного трибунала Каракалпакии. В 1949 году он был переведен в Киевский трибунал, а уже в начале пятидесятых после демобилизации перешёл в Киевскую коллегия адвокатов, где специализировался главным образом на уголовных процессах. Мне кажется, здесь будет уместно привести стихи, написанные папой по случаю шестидесятилетнего юбилея Семёна Михайловича.

**Семёну Кржепицкому
юристу-рецидивисту
в день шестидесятилетия.**

У Семёна возраст спелый.
У Семёна кудри белы.
Речь культурна, жест богат –
потому как адвокат!
У Семёна есть клиенты.
Если б их заснять на ленту,
воров всех мастей, пород,
был бы фильм длиною в год.
Если б речи все Семёна
записать магнитофоном,
то словесная река
потекла б издалека.
У Семёна зять и дочка,
внук, жена, песочек в почках
и бульжник на душе,
если, дрогнув, подзащитный
получает срок солидный,
и нельзя помочь уже.
У Семёна нет однако
денег тех, что у Плевако,
славы, что у А.Ф.Кони,
тех возможностей в законе,
чтоб клиенты со скамьи
шли в объятия семьи.
Впрочем, я ушёл от темы.
Потрепаться любим все мы,
и Семён не против, если
он в гостях, в удобном кресле,
и его под рюмок звон
не сморил коварный сон.
Возраст скажете? Да что вы!
Возраст просто ерундовый!
Шестьдесят – ещё не старость.
Юбиляр пришёл бы в ярость,

если б чьи-нибудь уста
намекнули на лета.
Он такого б за манишку,
он такому б дал бы вышку,
если б нынче возглавлял
как когда-то трибунал.
Но сейчас...(минули годы!),
став своим же антиподом,
он бы выискал статью,
нажимал бы на судью,
на нарзасов полусонных,
оперируя законом,
чтобы дрогнула рука
наказать клеветника.
А теперь о юбилее.
Я, известно, враг елея,
комплиментов и похвал.
Юбиляром сам бывал.
Всё же принят тон елейный
на процессах юбилейных.
Важно только знать точней
кто справляет юбилей.
По указанной причине,
кто при званьях и при чине
получает килограмм
задушевных телеграмм.
С биографией пожиже,
рангом, так сказать, пониже -
телеграмм, куда ни шло,
получает пол кило.
Ну, а кто не вышел чином
получает к именинам
от друзей и от родных
пачку писем... доплатных.
Адвокатов же и прочих,
просто смертных, среди ночи
будят (письма не с руки)
телефонные звонки.

Лично я ценю вниманье.
И не форму, содержанье.
Потому заздравный тост
будет искренен и прост.
До ста лет трудолюбиво
юридическую ниву
обрабатывай, паши -
выступай в судах, пиши
в суд гражданский, уголовный,
областной или верховный,
коль не жалобу, протест...
не такой уж тяжкий крест!
И на скромный век твой хватит
разных юрмероприятий:
рекламаций, договоров,
хватит жуликов и воров,
многоженцев, торбохватов -
всех, кто кормит адвокатов.
Им презренье и тюрьма,
а тебе, за то, что яро
защищал их – гонорары.
Словом, суммы, не сума!
А от нас, друзей старинных,
не по долгу, не почину,
а от сердца вновь и вновь
наша дружба и любовь.
Я, Семён, не доктор прав,
но сказать имею право:
юбиляру честь и слава!
Будь же молод, весел, здрав!

Тётя Маруся, Мария Ананьевна Зейгельман (1910 -1998) – жена дяди Сёмы. В 1940 году она окончила Винницкий медицинский институт по специальности общая терапия. Вместе с мужем уехала в Каракалпакию, где работала врачом военного госпиталя в чине капитана медицинской службы вплоть до демобилизации в 1952 году. Все дальнейшие годы она лечила студентов Киевского политехнического инсти-

тута. Мария Ананьевна была очень милой, симпатичной женщиной. Налистники с мясом в исполнении Марии Ананьевны до сих пор в нашем доме являются недостижимой вершиной.

К сожалению, в моей памяти её внешний облик остался по семидесятым - девяностым годам, когда Мария Ананьевна была уже в почтенном возрасте со всеми вытекающими отсюда последствиями. У неё были очень большие отёчные ноги, которые, в конце концов, практически лишили её возможности передвигаться, а, кроме того, она тотально теряла зрение. Добрая улыбка, приоткрывающая зубы, чуть выступающие из-под верхней губы, спокойный до покорности взгляд глубоко посаженных глаз и красивые седеющие волосы – такой осталась в моей памяти Мария Ананьевна.

Очень близкий нам человек.

А ещё в лексиконе Мария Ананьевна встречались только ей присущие забавные выражения. Например, вместо «ни с того, ни с сего» она говорила «ни с сего», а вместо «в конце концов» - «конец концов». Когда Наташа вышла замуж за Толю Перельмутера, то у Марии Ананьевны появился неожиданный соревновательный момент – кто больше любит и делает для детей – тёща или свекровь, Клара Ефремовна. И часто мама с удивлением выслушивала от каждой из них по телефону совершенно разные

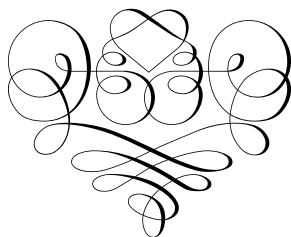

*Мария Ананьевна
Зейгельман*

версии и соответствующие комментарии по поводу одних и тех же чаще всего малозначимых событий. Но главное, это были люди готовые при необходимости прийти на помощь по первому зову.

Мы всегда с благодарностью вспоминаем их участие в постигшей нас беде. Это были по-настоящему надёжные и безотказные друзья.

*Виктор Ильич
и Клара Ефремовна
Перельмутеры*

Жизненные дороги моих родителей и Перельмутеров пересеклись, когда Толя Перельмутер – друг Иры ещё со школьных времён, стал мужем Наташи Кржепицкой – дочери друзей родителей. Толя – впоследствии доктор технических наук, стал крупным специалистом в области проектирования и исследования стальных конструкций. Перельмутеры жили прямо напротив нас на Прорезной. Семья состояла из трёх человек. Глава семьи – Виктор Ильич (1910 – 1992), сколько я его помнил, работал главным бухгалтером киевского Центрального гастронома №1.

Виктор Ильич Перельмутер

Эта работа требовала не только высочайшего профессионализма, но и незаурядной гибкости и аналитического ума. Я запомнил, как Виктор Ильич однажды сказал, что главный бухгалтер – это не начальник над рядовыми бухгалтерами, это такая отдельная специальность. Это был образованный, умный и толерантный человек. В трудные в продуктовом смысле времена (а были ли иные?) Виктор Ильич часто помогал нам, причём делал это так, что не оставалось унижительного ощущения просителя. Дом Перельмутеров был известен своим гостеприимством. Запомнился весьма оригинальный способ разделки торта, которым пользовался Виктор Ильич, когда дело доходило до чая. Он пересчитывал количество сидящих за столом, скажем, оказывалось – шесть, и ровно на столько же частей разрезал торт. Порой с таким

*Клара Ефремовна
Перельмутер*

кусищем справиться было нелегко. Выручало лишь то, что обычно это был знаменитый «Киевский» торт, изготовленный на фабрике им. Карла Маркса. Это было то самое предложение, от которого невозможно было отказаться. Виктор Ильич был очень хорошим преферансистом. Иногда по воскресеньям у них дома собирались друзья-преферансисты. Я довольно долго добивался чести быть допущенным в их компанию и, в конце концов, это свершилось. Игра обычно проходила в дружеской обстановке с обязательными шутками-прибаутками и чаем с бутербродами. Почему-то запомнилось, когда Виктор Ильич получал хороший прикуп, и кто-то из партнёров невольно восклицал: «Ничего себе!», Виктор Ильич с улыбкой отвечал: «Да нет, всё себе». Их квартира представляла собой образец домашнего уюта и благополучия. Творцом этого до-

кусищем справиться было нелегко. Выручало лишь то, что обычно это был знаменитый «Киевский» торт, изготовленный на фабрике им. Карла Маркса. Это было то самое предложение, от которого невозможно было отказаться. Виктор Ильич был очень хорошим преферансистом. Иногда по воскресеньям у них дома собирались друзья-преферансисты. Я довольно долго добивался чести быть допущенным в их компанию и, в конце

машинного рая была Клара Ефремовна (1909 – 1993) - мудрый человек и замечательная хозяйка.

В доме всё блестело, нигде ни пылинки, к приходу Виктора Ильича всегда накрыт стол, а её кулинарный талант заслуживал особых похвал. Виктор Ильич жил, окружённый нежной любовью и постоянной заботой. Это была редкая семейная гармония. Мне даже всегда казалось, что они не только характерами, но и внешне были похожи друг на друга. После ухода из жизни Виктора Ильича Клара Ефремовна прожила меньше года. Закончу эту главу папиным стихотворением, написанным по поводу шестидесятилетия Виктора Ильича.

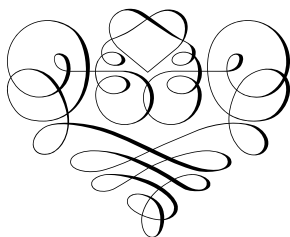
Виктору Ильичу Перельмутеру в день шестидесятилетия

Большая радость - шестьдесят!
Я юбиляру не завидую.
Нагрянут гости.
Объедят.
Всё спиртно-водочное выдуют.
Да, будут тосты и приветствия...
Но скатерти зальют вином,
паркет затопчут.
В доме - бедствие.
А ты молчи, держи фасон.
Поглядывай лишь целы окна ли?
Там опрокинули сифон,
тут невзначай бокальчик кокнули.
Мужайся!
Главное престиж.
Пусть вдребезги твои бокальчики,
ты юбиляр, «ноблес обличж»...
Зато обличжут гости пальчики!
Но гости все - твои друзья,
родные, цвет семьи и нации.
Без них - хана,
без них нельзя -
поддержат в трудной ситуации.

К примеру, в гастрономе план
горит,
отделы затоварены...
Кто к юбиляру в дождь, в туман
бежит с авоськой, как ошпаренный?
Кто в трубку рявкает:
«Спешим! -
вертушку обрывая пальцами -
мы вас любовью одарим,
а вы нас гречкою и яйцами!»
И юбиляр, кляня судьбу,
опутан дружескими нитями,
встречая,
тянет на горбу,
что и верблюд не всякий вытянет!
Но это будни. Ох, они
не тешат душу юбилярову.
Ждёт выходных он.
В эти дни
лафа преферансисту ярому!
С утра отпущенный женой,
к партнёрам мчится на свидание.
Тут и без трёх на восьмерной
не жалко сесть
в честной компании.
«Сегодня ты, а завтра я».
Пеши ремизы твёрдым почерком.
Такое правило, друзья.
Таков закон у пулемётчиков.
Футбол! Ласкает ухо шум
стотысячной аудитории.
Раздолье. Интеллект и ум
на отдыхе, как в санатории.
Надёжно оседлав скамью,
какое это наслаждение
вообразить на миг судью
сырьём для нужд мыловарения!

Домой приходишь - красота!
Сверкает, блещет всё до винтика.
А родичи - не нам чета -
врачи, учёные, защитники.
Жена несёт жаркое, суп.
Сочувствует:
«Прилёт бы, Витенька».
И ты, ввалившийся, как труп,
ложишься свеженький, умытенький.
Вот жизнь!
Живи, не хлопочи.
Родня к услугам именинника.
Чуть приболел,
свои врачи
звонят поспешно в поликлинику.
Придёт угрюмый эскулап,
черкнёт рецепт, послушав жалобы.
Родной же врач в тревоге: «Я б
другое бы рекомендовала бы...»
Полезен и защитник свой.
Но в роли ангела-хранителя,
чтоб внука защитить порой
от наказания родителей.
А сын учёный!
Жив талант
в домашнем Корбюзье и Репине.
Шкаф передвинуть иль сервант
непросто без учёной степени!
Все добродетели - аванс.
Как велики надежды б ни были,
не время подводить баланс,
сопоставлять убытки с прибылью.
Баланс свою сыграет роль,
когда и впрямь мы будем стары...
Пока же счёт игры: 6 : 0.
Конечно, в пользу юбиляра.

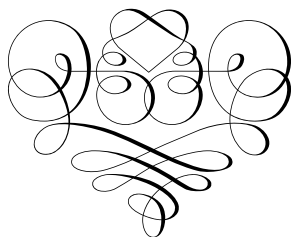
*Даниил и
Станислава Ипполитовна
Соболи*

Дядя Даня и тётя Стася. Под этими именами они вошли в мою жизнь. Мои родители познакомились с ними сразу после возвращения из эвакуации. Жили Соболи недалеко от нас на улице Ирининской. Почему-то мне имя Даня поначалу не давалось, и я называл его дядя Железнодорожник. Соболев Даниил (отчества, к стыду моему, не помню) трудился служащим среднего уровня в управлении Юго-Западной железной дороги. Это был тихий милейший человек добродушного нрава, среднего роста с согбенной спиной и крупной рано полысевшей головой. Он носил серую форму железнодорожного чиновника, которая выглядела в те годы вызывающе ярко. Разговаривал он, не повышая голоса и слегка заикаясь. Его жена – Станислава Ипполитовна Воль была полной противоположностью своего мужа. Высокая особа с тонким аристократическим лицом, выдающим её польские корни, с необычайно красивыми кистями рук и болезненно-колоннообразными ногами. Тётя Стася отличалась высокомерным и достаточно вздорным и обидчивым характером, как бы показывая всем своим видом, что «Еще Польша не сгинела!». В доме господствовал матриархат. У них был сын – Ипполит, называемый попросту Люсик, сверстник Иры, инженер-строитель. В молодости он был подающим надежды на республиканском уровне гимнастом. Впоследствии вместе со своей семьёй он выехал в Израиль. Я, скорее всего не упомянул бы об этом, если бы не неожиданный привет, который мы получили от него, уже будучи в Германии. В трёх-четырёх номерах израильской газеты «Голос» в 1999 году были опубликованы его воспоминания «Прогулки по Киеву», в которых есть несколько строчек, посвящённых нашему дому на Прорезной. Привожу их без каких-либо изменений: «Во дворе этого дома жила семья известных в Киеве людей, которые были друзьями моих родителей. Исаак Яковлевич Золотаревский, инженер по образованию, давно забросил свои инженерные дела и стал писателем-сатириком, сотрудничавший с «Крокодилом», «Перцем» и другими серьёзными журналами. Его жена Рита приходилась родной сестрой композитору Евгению Жарковскому. Дочь Золотаревских Ира была моей ровесницей, в связи с чем я ча-

сто бывал в этом доме. Дом был богемным, там постоянно велись литературные споры, играли в карты, разыгрывали какие-то шарады. Мне нравилось там бывать». Дядя Даня и тётя Стася часто бывали у нас, и папа и мама относились к ним с большой теплотой, пока не стало происходить необъяснимое. В конце 1961 года они узнали от мамы, что Ира ожидает второго ребёнка. Это почему-то привело тётю Стасю в состояние крайнего возбуждения. Она говорила, вроде бы из самых добрых побуждений, что второй ребёнок это непопозволительная роскошь, что это большая обуза и, что со стороны Иры и Марата это чуть ли не преступное легкомыслие. По сути, если говорить языком дипломатии, это было странное вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Конечно, родители постарались всё это сгладить, но, как говорится, неприятный осадок остался, хотя видимых изменений в их отношениях не произошло. Но в конце 1967 года в тяжелейший период жизни нашей семьи, после первой Ирочкиной операции мама неожиданно получила от тётки Стаси возмущённое письмо. Оказывается, родители забыли поздравить дядю Даню с очередным днём рождения. Во-первых, почему письмо, а не прямой разговор, во-вторых, они же прекрасно знали, что у нас происходило. Ни доводы, ни извинения не были услышаны. Гордыня возобладала над здравым смыслом. Это был единственный случай в биографии моих родителей, когда они потеряли не ушедших из жизни близких им людей.

*Исаак Аронович
и Кира Львовна
Мизрухины*

Исаак Аронович Мизрухин (1905-1972) – профессор-психиатр, доктор медицинских наук. Кира Львовна Мизрухина (1916-2000) – его жена, тоже врач-психиатр. Мизрухины в моей памяти остались людьми, несущими собой праздник. От них исходила весёлая, я бы даже сказал, какая-то сексуальная энергия. Это чувствовалось во всём, хотя в те годы такой человеческой характеристики, как известно, в СССР не мог удостоиться никто. В родительском окружении они были единственными, у кого было трое детей. Да и годы рождения их тоже говорили о многом. Толя родился в 1936 году, Саша – в 1946 году, а младшая Инна – в 1953 году. Все трое окончили медицинский институт, догадайтесь по какой специальности, правильно – психиатрии и все трое сейчас счастливо живут и успешно работают в Израиле. Но вернёмся к их родителям. Исаак Аронович, по крайней мере, мне так казалось, имел типичную профессорскую внешность. Высокий лоб, пронизательные глаза за сверкающими стёклами очков в золочёной оправе и неторопливые движения. За праздничным столом он очень оживлялся и с огромным наслаждением рассказывал анекдоты с большим количеством клубнички (чем больше, тем веселее). При этом сам смеялся больше всех, запрокидывая назад голову, окрашиваясь апоплексически-свекольным цветом. Кира Львовна обладала яркой семитской внешностью. Её лицо освещалось каким-то особенным внутренним светом, когда она начинала говорить. А говорила она обо всём страстно и темпераментно.

Они познакомились в 1934 году на Рабфаке, где Исаак Аронович после окончания мединститута читал психологию. Среди учащихся была и Кира Дивинская, внешне очень напоминающая его первую любовь, которую по странному совпадению тоже звали Кирой. Это был перст судьбы. Больше они не расставались. Жили Мизрухины в просторной по тем временам квартире на Большой Житомирской недалеко от Львовской площади. Исаак Аронович продвигался по карьерной лестнице достаточно успешно, невзирая на объективные трудности связанные с его национальностью. Заведование кафедрами психиатрии в мединститутах Донецка,

Черновцов и Винницы. Был такой случай. В одном из медицинских институтов открылась вакансия заведующего кафедрой психиатрии. Исаак Аронович позвонил проректору этого института и предложил свою кандидатуру, предупредив сразу о своей национальной принадлежности. Но в ответ услышал: «Если Вы профессор, то Вы уже не еврей!». В 1954 году Исаак Аронович защитил докторскую диссертацию на кафедре психиатрии Киевского медицинского института. С тех пор Исаак Аронович до конца жизни заведовал кафедрой психиатрии Винницкого медицинского института, и Кира Львовна в последние пять лет его жизни тоже переехала в Винницу, чтобы быть рядом с мужем, здоровье которого стало вызывать тревогу. Дети оставались в Киеве на самообслуживании, при этом естественно младшая Инна была под пристальным попечением старших братьев. Кира Львовна после Войны работала заведующей психиатрическим отделением Киевского госпиталя инвалидов Отечественной войны, которое впоследствии влилось в Киевскую Психиатрическую

*Исаак Аронович Мизрухин
и Кира Львовна Мизрухина
(Дивинская)*

больницу им. Павлова. После ухода из жизни Исаака Ароновича Кира Львовна вернулась на своё прежнее место работы. В жизни моих родителей Мизрухины занимали особое место. Их отношения никогда не омрачались досадными бытовыми мелочами, над всем господствовало торжество интеллекта. Восторженным ожиданием горели их глаза, когда папа вытаскивал из внутреннего кармана пиджака свои очередные поэтические посвящения.

На день рождения Киры Мизрухиной

«Не дай мне бог сойти с ума,
Уж лучше посох и сума!»

«И богатство ей пристало
И рога тебе к лицу».

А.С.Пушкин

Как блеск ножа, как взмах секиры,
Как пули выпущенной свист,
Сегодня день рожденья Киры
Над головой моей навис.
И вот с налёта, без помарок
Пишу, уйдя в поэму весь,
В надежде, что такой подарок
Имеет цену, смысл и вес.
И в самом деле: мне за строчку
Десятку платят под расчёт.
Выходит я кладу на бочку
Никак не меньше пятисот.
Я время, силы, нервы трачу,
Согнувшись над столом в дугу.
Я трачу столько, что на сдачу
Ещё рассчитывать могу.
Поди, дождись! Хозяин хмурый -
Мизрухин, старый селадон,
Того гляди, вернёт натурой -
Посадит в сумасшедший дом.
А там - в приюте этом бренном
Его супруга, невзначай,
Назвав меня алигофреном,
Запрёт в палате, и... прощай!
Да, безобидны эскулапы
На фоне рюмок, ваз и блюд,
Но докажи, попав им в лапы,
Что ты поэт, а не верблюд!

А впрочем, нечему дивиться,
Случайностей огромен круг.
Вот сам Мизрухин в Черновицы,
Как говориться, едет вдруг.
Жена конечно будет дома
Нести заботы за двоих,
Но нам, товарищи знакомо
Коварство женщин молодых.
Найдётся старый друг забредший
И вот, спустя немного дней,
Он, если он не сумасшедший,
Начнёт ухаживать за ней.
Когда же муж вернётся строгий,
С авоськой яблок, у дверей
Детишки встретят на пороге
И скажут: «Дядя был добрей!»
Я ввёл в поэму строки эти,
Чтоб муж, судьбу свою кляня,
Уразумел, что нынче дети
Весьма нестойкая броня.
Да, жизнь, мой друг, не ломтик кекса,
Не мёд душистый в сотах пчёл...
Такие есть ещё рефлексy,
Что их и Павлов не учёл!
Я дань плачу побочной теме,
Куплет сажая на куплет,
А поздравления в поэме
Ещё покамест, нет, как нет.
Но я размер поэмы сужу,
Сказав последнее прости.
Ради детей на радость мужу,
А с ними и самой ради!

Киев, 11 января 1952 года.

Кире Львовне Дивинской - Мизрухиной в энский день рождения

Я не принёс ни разу в этот дом
ни мадригалов, ни стихов любовных.
Мизрухин
четвертован мной живьём.
Теперь на очереди
Кира Львовна.

Пусть судят люди,
прав я иль не прав,
что вилами орудую, как вилкой,
но у меня, как говорится, «ндрав»
крутой
и с сатирической жилкой.

Однако же, сатирик -
не палач.
Пусть это выступление не для прессы,
но я смущён,
поскольку старший врач
не то, что безответственный профессор.

К тому же Кира мама и жена
и (даже выговорить вслух боюсь я,
тут деликатность, так сказать, нужна)
гранд мэм,
а в просторечии - бабуся.

Увы, Мизрухину не повезло.
Внук -
в спину нож седому волоките.
Быть дедушкой
ещё куда ни шло,
но мужем бабушки...
Уж извините!

Ах, детки, детки!
Из-за вас впросак
легко попасть,
как в яму у причала...
Мужайтесь, баба Кира, дед Исак,
всё впереди, лиха беда начало!

Но что ж об имениннице?
Любя,
скажу в сердцах:
ей не нужны прикрасы...
Дивинская - Волконская,
тебя
прославил в «Русских женщинах»
Некрасов!

Когда на ссылке муж себя обрёл,
как и они,
пусть в летний день, не в стужу,
ты тоже села, правда, не в возок,
в простой «Москвич»,
принадлежащий мужу.

И укатила,
правда, не в Сибирь,
не с подорожной, не в глухую дырку -
на руднике заброшенный пустырь,
а в тёплую, уютную квартирку,
где гарнитур имелся налицо,
несовмещённый, так сказать, санузел...
Прошу простить моей нескромной музе
Столь мало деликатное словцо.

Пускай не в глубине сибирских руд,
а в Виннице
украдкой слёзы льются,
но я спрошу:
не каторжный ли труд
быть преданной супругой честолюбца?

Не ценит муж,
так деткам понимать
пора,
что слава мамина в зените.
Цените, берегите
вашу мать,
мать вашу
берегите и цените.

О чём бишь я?
Ах да, про юбилей!
К чему заглядывать в копилку?
Зачем напрасно расточать елей,
когда на праздничном столе бутылки?

Не сомневаюсь,
каждый будет рад
за Киру дербалызнуть по стакану.
Ну, а стишки -
очередной мой вклад
в классическую Мизрухиниану!

Киев, 11 января 1967 года.

ДРУГУ
профессору, доктору медицинских наук
Исааку Ароновичу Мизрухину
в день 60 - летия

Седьмой десяток - это вещь!
День юбилея стоит оды.
Как ни был бы прогноз зловещ,
но он не делает погоды.

Её творят (года не в счёт!),
коль верить нынешней науке,
различные, кто их поймёт,
психофизические штуки.

Копаться в этом смысла нет,
я верю в перст судьбы-старухи...
А впрочем, что же обо мне?
Ведь юбиляр у нас Мизрухин!

Ему должны воздать мы честь,
вручить приветствий целый ворох,
не сомневаясь в том, что порох
в его пороховницах есть.

Да, отмечая торжество,
всё то, что будет, есть и было,
в мизрухинские верят силы
совместно с нами
все дебилы,
все шизофреники его.

Он должен здесь держать ответ,
свои успехи подитожив,
за 60 счастливых лет,
которые несчастный прожил.

За то, как он лечил больных,
за горечь слёз, за свет улыбок,
за сумму тех или иных
диагностических ошибок.

За кафедру, где много лет
под гул студенческих оваций
наш юбиляр, как гранд-коклет,
любил собою любоваться.

За Киру Львовну, дай ей Бог
и впредь носиться, ног не чуя,
переступая лишь порог
больницы, где она врачует.

Пусть пьёт она и сытно ест.
(Была, мол язвочка, и нету!)
А эти... язвы здешних мест,
они не требуют диеты.

Пусть держит юбиляр ответ
за комплекс анекдотов ярких,
в которых, если соли нет,
достаточно сырья на шкварки.

За пользу призрачной, как дым
науки, в коей он профессор,
где лучше (по-одесски «бесер»)
быть санитаром рядовым.

Лета ушли в труде, в борьбе.
Но от пиявок и рицины
до современной медицины,
как в азбуке от «А» до «Б».

В психиатрии та же тьма.
Что бром? Аминазин? Игрушки!
«Не дай мне бог сойти с ума!»
воскликнул дальновидный Пушкин.

Он, много видя на веку,
и в наши дни вторгался яро.
Мы вправе мудрую строку
считать посланьем юбиляру...

Мизрухин, друг, расти большой!
накапливай здоровье, силы.
С такую пылкую душой,
с такой заботливой женой
дашь сто очков Мафусаилу!

За то, что сам, трудясь как вол,
в безумной жажде новых эврик,
он всю свою семью завёл
в психиатрические дебри.

За то, что сам попал под гнёт
классической шизофрении:
в его душе не первый год
живут и Винница и Киев.

Когда ж рассудок расщеплён,
то самый тяжкий бред не странен:
в столице винничанин он,
а в Виннице он - киевлянин...

Пусть держит юбиляр ответ
за брак его любимца Саши,
который в 19 лет
дал фору братцу и папаше.

Я не пришёл на юбилей,
но я с тобой душой и сердцем,
и ты об этом не жалея -
пришел бы, дал бы больше перцу.

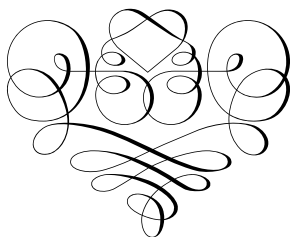
Но ровно через сорок лет,
всем правнукам на удивленье,
явившись лично с поздравленьем,
беззубое стихотворенье
тебе вручит
твой друг - поэт.

P.S. К посланию сему
твоя старинная подруга,
моя законная супруга
шлёт нежных поцелуев тьму.

Киев, 1969 год.

В конце концов, всё семейство оказалось в Израиле. И мы с Таней, приезжая туда, встречались и с Кирой Львовной, и с ребятами, с удовольствием замечая, как им там всем хорошо.

*Восьмидесятые
годы*

Продолжительное время после трагических событий марта 1980 года мы жили как автоматы. Фактически мы по-новому учились жить. Видимые и невидимые слёзы застилали нам мир. Но мы продолжали жить и работать, находя в работе единственное спасение. Очень тяжело было маме, которая оставалась дома наедине с горькими мыслями, от которых некуда было деться. Выручали близкие и друзья. Это и прежние оставшиеся в живых родительские друзья и уже наши друзья, которые с большой симпатией и теплотой относились к маме. Особую благодарность я испытываю к Наташе Черкасской (дочке наших друзей Зори Овчаровой и Оскара Черкасского), ставшей в эти трудные годы, невзирая на огромную разницу в возрасте, просто маминой подружкой. К положительным эмоциям в этом тяжком году можно отнести Лёшино поступление в Ленинградский кораблестроительный институт. Лёшик настолько успешно интегрировался в ленинградскую среду, что уже меньше чем через год женился на молодой скрипачке – Юле Лурье, с которой они постепенно вырастили двух замечательных сыновей.

Мама, как всегда, очень много читала, отдавая предпочтение толстым журналам, которые в восьмидесятые годы становились в какой-то мере трибуной свободной литературы. Мама просеивала прочитанное через себя и открывала нам доступ к наиболее интересным на её взгляд произведениям. Она готовила, как и прежде, обеды и прочую снедь, которую мы с Танюхой, роняя слюнки, вспоминаем и по сей день. Здесь, пожалуй, самое время более подробно остановиться на маминых кулинарных достижениях. Среди первых блюд самыми моими любимыми были два летних супа: окрошка и свекольник. Окрошка делалась не часто, но она всегда было украшением обеда в жаркий летний день. В охлаждённый хлебный квас засыпалась мелкорубленая овощная нарезка с преимущественным содержанием нежинских огурчиков. А! То-то же! Что же касается свекольника, то тут голодным за стол садиться не рекомендовалось. Отдельно сваренная картофельно-свекольная рубиновая юшка, тщательно охлаждалась и разливалась по тарелкам. А уже в тарелки засыпалась изумрудная зелень: нарезанный огурчик и укроп и

вдобавок, конечно же, ложка белоснежной сметаны и половинка яйца. Как тут не попросить ещё половничек! Ну, поскольку уж речь зашла о летних блюдах, то я просто обязан вспомнить мамины налистники. Нalistниками в Украине называют блюдо, которое в России справедливо величают блинчиками. Но могут ли в России сделать такие блинчики, как делала налистники мама – это большой вопрос? Я имею в виду мамины налистники с яйцом и зелёным луком и чудо десерта – налистники с вишнями. На этом остановлюсь подробнее. Мама жарила на чугунной сковородке тонкие блины, в которые затем укладывались семь вишенок (не 6, и не 8) с чайной ложечкой сахара. Далее блин складывался конвертом с четырёх сторон и размещался на блюде в ожидании своей предсказуемой участи. В это время на плите варился вишнёвый сироп почти до густоты варенья. А уж, когда за столом дело доходило до налистников, тут главное было не зевать! Во-первых, нужно было проследить, чтобы на тарелке их оказалось не меньше трёх, а во-вторых, не дай Бог, не забыть обильно полить их сметаной и вишнёвым сиропом. Кушать нужно было осторожно, чтобы не прикусить язык.

Из вторых блюд запомнился тушёный кролик с черносливом. Об этом кулинарном изыске до сих пор с удовольствием вспоминает и Наташа Строева. В 1972 году они ехали на машине через Киев в Одессу и на два дня остановились у нас. В памяти у них осталось родительское гостеприимство, наши прогулки по Киеву и тушёный кролик, сделанный мамой им в дорогу. А ещё салат «Оливье» с куриной грудкой и свежим огурчиком, а ещё холодец из говядины и курятины и уж во всяком случае, без мослов и копыт с непременно свекольным хренком. Не могу не помянуть добрым словом вкуснейшие мамины пироги – сметанник и Витин пирог, о которых уже шла речь раньше. Справедливости ради скажу, что Ира и Таня достойно продолжают мамины кулинарные традиции. И мне это очень приятно, а главное - очень вкусно.

Итак, мы работали, а мама обеспечивала тылы. Кроме того, под её надзором оказалась Рэська - Ирочкина пудели-

ха, которую она должна была выводить на прогулку во двор. Там мама, как ни странно, среди соседей завела новых знакомых, которые, что характерно, были значительно моложе её. Но им наверняка просто с ней было интересно. Одна из них - Леночка, живущая этажом выше, была дочкой заместителя начальника Киевского железнодорожного вокзала. Несмотря на своё высшее педагогическое образование, она никак не могла справиться с маминым именем – отчеством, называя маму Рита Муиловна. Обычно она спускалась к нам, чтобы поразговаривать с мамой о том, о сём и заодно попросить дать ей почитать какую-нибудь хорошенькую книжечку. Так мы её и прозвали «хорошенькая книжечка». В соседнем парадном жила ещё одна молодая мамина приятельница – очень милая женщина Наташа Строкач, врач, дочка бывшего министра внутренних дел Украины, тоже владелица карликового пуделя.

К сожалению, маму всё чаще стали беспокоить боли в сердце. Врачи поставили неутешительный диагноз – стенокардия или грудная жаба. Приступы удавалось снимать при помощи нитроглицерина.

Татьяна работала по-прежнему на Русановке в «Снабпроекте», а я - в Республиканском производственно-экспериментальном объединении, которое объединяло семь предприятий Украины, изготавливающих сувенирную продукцию. Мне, как главному технологу, там было очень интересно трудиться. Множество разнообразнейших художественных технологий от литья и штамповки до резьбы по дереву и горячим эмалям. Я приносил домой опытные образцы, и мама с большим интересом их рассматривала и порой даже вникала в нюансы их производства. Моё руководство помогло мне заказать памятник из чёрного габбро на знаменитом Коростышевском гранитном карьере. Уже весной 1981 года его удалось установить на Ирочкиной могиле.

Таня весь год тяжело болела, вынужденно обращаясь к врачам психоневрологам. Кроме того, её ослабленный организм одолевали непрерывные инфекции и простуды. А, нужно сказать, Таня всегда очень тяжело переносила и переносит даже небольшую температуру. На этот случай у

мамы был своеобразный тест. Она заходила в комнату, где лежала Танюха, и спрашивала: «Хочешь жареной картошки?» и, если в ответ звучало: «Да», то мама с улыбкой констатировала: «Значит не смертельно» и удовлетворённо шла жарить Танино любимое блюдо. У мамы с возрастом появились какие-то, как мне тогда казалось, странные явления. Она утром просыпалась просто-таки с тропическим насморком, который не прекращался минут сорок. Но, прочихавшись (не менее восьми раз) и, пардон, просморкавшись, всё проходило. Мне это казалось очень забавным. А теперь это происходит у меня и уже не кажется таким забавным. Последние годы у мамы появился нежный двойной подбородок. И ваш покорный слуга, великовозрастный балбес, бежал к маме с криком «Индюха!», чтобы ласково потеребить этот самый подбородок. А мама заходила в приступе смеха от щекотки и дурацкой сыновней ласки. Теперь у меня висит точно такая же «индюха» - только валять дурака со мной некому.

1981 год ничем особенно примечательным не запомнился, если только не считать моего очередного попадания в гастроэнтерологическое отделение Киевской городской клинической больницы №18 на Бульваре Шевченко 17. Практически я там оказывался почти ежегодно во время обострения язвенной болезни. Меня спасал замечательный врач Анатолий Владимирович Корнейчук. После его лечения мои язвочки обычно рубцевались за две-три недели. Но на сей раз было сильное кровотечение, и он меня решил отправить в хирургию. Я же отчаянно сопротивлялся. И тогда он потребовал от меня расписку в том, что я отказываюсь от операции под свою ответственность. Получив эту расписку, он удовлетворённо сказал: «Молодец! Будем оперироваться только по жизненным показаниям, а не по инструкции Минздрава». И добавил: «К пятидесяти годам ты забудешь о своей язвенной болезни». Так и получилось.

К сожалению, в последующие годы меня лечили там же, но уже другие доктора, потому что Корнейчука откомандировали в Афганистан личным врачом Бабрака Кармаля, с которым он и оставался до конца его дней (1996), правда,

уже в Москве. 1982 год был ознаменован Ириным пятидесятилетним юбилеем. Огорчало, что мама стала быстро уставать. Её слабым звеном, помимо сердечных проблем, оказались ещё и ноги. Всё чаще мы слышали от мамы шутливую фразу, сказанную всерьёз: «Дети! Вы хотите иметь маму? Дайте ей посидеть». Но мы по глупости своей не понимали всей серьёзности этого вопроса. И стенокардия беспокоила маму всё больше и больше. Благодаря нашей подруге Наташе Фёдоровой удалось в частном порядке найти маме врача кардиолога, Александра Борисовича Линецкого или доктора Сашу, как мы его называли, работавшего в городской скорой помощи. Это был очень хороший врач и интеллигентный молодой человек, которому удалось долгие годы поддерживать в маме жизненные силы не только медикаментозно, но и чисто по-человечески. Мама в нём души не чаяла и всегда ждала его визита, как панацею. Кроме того, он единственный из врачей, у которого хватило ума не запрещать ей курить, понимая, что бросание принесёт больше вреда, чем привычное курение.

В 1984 году Дима женится на очень симпатичной девочке Тане Дудкиной. Но их счастье было очень кратковременным. В конце года в результате патологической беременности и серии врачебных ошибок погибают и мама, и ребёнок. Эта ужасная трагедия на долгие годы выбила Димочку из колеи. Он полностью замкнулся в себе на долгие двадцать лет. И лишь счастливый случай - знакомство в Сети – и вновь Татьяна (судьба?), очень милая, интеллигентная и какая-то домашняя женщина. Ей удалось вскрыть Димкину броню – они поженились. И теперь, нам кажется, вполне довольны друг другом.

В этом же 1984 году Лёшик и Юлия награждают маму почётным званием – прабабушка. У них рождается первый сын – Саша, а Ира и Марат становятся соответственно бабушкой и дедушкой. Я уже второй год работаю в СКТБ Медтехники. После моего более чем двадцатипятилетнего производственного опыта здесь мне всё поначалу было просто омерзительно. Пауки в банке. И всё же как-то удалось подавить в себе это чувство отвращения к окружающей там

обстановке и даже продвинуться по служебной лестнице до должности главного инженера и заместителя директора по науке. Мама всегда очень радовалась моим пусть небольшим, но всё же успехам в работе. При этом я не слышал, чтобы она когда-нибудь кому-нибудь этим похвалялась.

Пришла весна 1986 года. 26 апреля на Чернобыльской атомной электростанции произошла самая страшная за всё существование человечества техногенная катастрофа. Двое суток ни одного официального заявления, никакой информации. Об этой трагедии написаны тысячи страниц, в которых произошедшее, мягко говоря, выглядело далеко не всегда правдоподобно. Лишь 28 апреля 1986 года в 21.00 ТАСС передало невнятное информационное сообщение: «На Чернобыльской атомной электростанции произошел несчастный случай. Один из реакторов получил повреждение. Принимаются меры с целью устранения последствий инцидента. Пострадавшим оказана необходимая помощь. Создана правительственная комиссия для расследования происшедшего». Но самое ужасное заключалось в официальных заявлениях руководства страны и видных учёных, причастных к атомной энергетике. Это было бесстыдное враньё с летальным исходом огромного множества людей. Без боли и стыда не могу вспоминать тёплые солнечные дни конца апреля – начала мая 1986 года. Люди с детьми, как обычно, вышли на первомайскую демонстрацию, не была даже отменена в Киеве Велогонка Мира. Мы же весь трагизм ситуации знали уже 27 апреля от нашего близкого приятеля Ефима Марковича Левина - начальника Управления ремонтно-монтажных работ, которое было в числе первых привлечено к ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. Мы были вовлечены во всяческие бессмысленные предохранительно-защитные мероприятия. Жили при тщательно закупоренных окнах, принимали йод и пили красное вино.

Эти события очень заметно повлияли на мамино самочувствие. Приступы стенокардии участились, и количество принимаемых таблеток нитроглицерина становилось всё больше и больше. Осенью 1986 года Ира и Марат купили в

селе Софиевка Згурьевского района Киевской области деревенскую хату с большим участком земли. Так впервые наша сугубо городская семья ощутила волнующую радость собственника. Кроме того, Берковские приобрели уж точно «не роскошь, а средство передвижения» автомобиль «Запорожец», называемый в народе «мельницей». По этому случаю летом следующего года для вкушения дачного рая из Питера прибыли Лёшик, Юля и Саша. К сожалению, мамино состояние здоровья не позволяло поехать со всеми в Софиевку, хотя ей было всё безумно интересно. А восторженные рассказы землевладелицы Иры дразнили и без того разыгрывавшееся мамино воображение. Перед тем, как почти на всё лето отбыть в Софиевку Берковские в полном составе приехали к нам на Кавказскую. Запомнился такой эпизод, связанный с Сашкой. В гостиной возле балконной двери стоял письменный стол – законное мамино место. И на столе лежала всякая всячина, имеющая отношение к маме – книги, журналы, ручки, карандаши, пасьянсные карты и, разумеется, папиросы. Сашу, как магнитом, тянуло к этому изобилию. Но больше всего его почему-то привлекали папиросы. Ему объяснили, что папиросы трогать нельзя, и всё же руки сами тянулись к ним. Когда же этот хитрец ловил на себе строгий взгляд отца, он протягивал папиросу бабушке, радостно выкрикивая: «Ита, куить!». Буква «р» ему пока не давалась.

В сентябре 1988 года мама становится дважды прабабушкой Советского Союза. У Юли и Лёшика появился второй сын – Лёвик, он же Лев. Обращала на себя внимание отстранённость, с которой мама выслушивала любую информацию, касающуюся Лёвика. Очевидно, она чувствовала свой близкий уход, а потому выстроила защитную стенку, решив для себя практически на подсознательном уровне, что ей уже не испытать радости общения с этим ребёнком. Так и получилось. В первые месяцы 1989 года у мамы стали лавинообразно нарастать приступы стенокардии. Мама глотала до десятка шариков нитроглицерина. Доктору Саше всё труднее и труднее удавалось их купировать. И однажды, понимая своё бессилие в домашних условиях, он отвёз маму в Больницу для учёных. Мы приходили к маме ежедневно

и понимали, что она очень больна, но до конца не осознавали трагизма ситуации. В то время в этой больнице работала Анечка Скоморовская, которая дежурила в ночь с 16 на 17 марта. Рано утром раздался телефонный звонок. Анечка сказала: «Только что умерла тётя Рита». Так 17 марта 1989 года ушла из жизни наша дорогая любимая мама – Маргарита Эммануиловна Золотаревская.

Мне хотелось бы завершить своё достаточно сбивчивое повествование строчками, написанными Танюшей – человеком умным, душевным и тонким: «Для меня, не имеющей семейной школы, родители мужа и их отношения между собой и с внешним миром были настоящим открытием. Они никогда в открытую ни во что не вмешивались, очень ненавязчиво и по мере возможности всегда приходили на помощь, их любовь друг к другу, не выставляемая напоказ, была удивительно нежной, а взаимное уважение и внимание были лучшей для меня школой. Их друзья были мне очень интересны, и так сложилось, что часто они вместе с родителями приглашали и нас к себе. Мы с радостью присоединялись и всегда с их компанией нам было гораздо интересней, чем с нашими сверстниками.

Моя дорогая свекровь, пусть земля ей будет пухом, не оставила нас без своей поддержки до самого своего последнего часа. Все тяжкие годы родители были с нами, сначала вдвоем, а потом, когда не стало дорогого Исаака Яковлевича, всю тяжесть переняла на себя наша мама, дорогая Маргарита Эммануиловна. Я многим, что во мне есть хорошего, обязана родителям моего мужа. Низко кланяюсь и благодарю за все, что я получила от них. Святые люди!».

Вот и всё. Мне грустно расставаться с моими записями. Всё то время, что я их вёл, у меня было почти физическое ощущение контакта со всеми дорогими моему сердцу, но давно ушедшими людьми. Наши встречи были тихими и шумными, нежными и горькими, нужными и такими важными. Это и была моя щемящая радость воспоминаний.

Но самое главное, что эти встречи были, и память их сохранила. И я уверен, пока о людях помнят, они живы.

Оглавление:

Бабушка и дедушка по папиной линии	8
Бабушка и дедушка по маминой линии	16
Исаак Яковлевич Золотаревский	25
Маргарита Эммануиловна Жарковская	30
Родители и их окружение после 1931 года	36
Александр Яковлевич Строев	101
Евгений Эммануилович Жарковский	109
Евгений Антонович и Лия Наумовна Дробязко	140
Семидесятые годы	153
Владимир Яковлевич Александров	162
Евгений Маркович Лурье	168
Любовь Самойловна Горкина	172
Овсей Соломонович и Гильда Исааковна Коганы	177
Мария Исааковна Каган	186
Рафаил Соломонович и Нина Нухимовна Скоморовские	194
Алла Михайловна Лещинская	202
Юлий Адольфович Бер	208
Александр Вениаминович Бернштейн	215
Лазарь Самойлович Френкель	221
Яков Шмуклер	223
Исаак Петрович Цесин	226
Ян Ипполитович и Базель Марковна Томашевские	228
Семен Михайлович и Мария Ананьевна Кржепицкие	234
Виктор Ильич и Клара Ефремовна Перельмутеры	240
Даниил и Станислава Ипполитовна Соболи	246
Исаак Аронович и Кира Львовна Мизрухины	249
Восьмидесятые годы	260

Валерий Золотаревский
Щемящая радость воспоминаний

Безответственный редактор – В.Золотаревский
Ответственный корректор – Т.Золотаревская
Компьютерная вёрстка и макет – Г. Пакман

Подписано в печать – немедленно
Печать цифровая
Тираж – 60 экз.
Отпечатано в copу team cologne
По адресу Zülpicher Str. 58, 50674 Köln

